

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL; SOCIOLOGICAL JOURNAL

2024 Том 30 № 4

Основан в 1994 году Г.С. Батыгиным

Выходит четыре раза в год

Москва

Журнал издается при поддержке

Научно-исследовательского центра «Демоскоп»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

П.М. Козырева
главный редактор,
доктор социологических наук

Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

Л.А. Козлова
зам. главного редактора,
кандидат философских наук, доцент

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Донна Бари, доктор философии, профессор,
Университет штата Пенсильвания, США

Т.Ю. Богомолова, кандидат социол. наук, Новосибирский государственный
университет, ЭОП СО РАН, Россия

Франк Вельц, профессор, Университет Инсбрука, Австрия

М.К. Горшков, доктор филос. наук, академик РАН, Федеральный
научно-исследовательский социологический центр РАН;
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Б.З. Докторов, доктор филос. наук, профессор, независимый исследователь,
США

Томаш Зарицкий, профессор, Институт социальных наук,
Университет Варшавы, Польша

Д.Л. Константиновский, доктор социол. наук,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Томаш Костелецкий, профессор, директор Института социологии
Академии наук Чешской Республики, Чехия

А.Ю. Мягков, доктор социол. наук, профессор,
Ивановский государственный энергетический университет,
Россия

О.А. Оберемко, кандидат социол. наук, доцент, Всероссийский центр
изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Россия

А.А. Ослон, кандидат техн. наук, Фонд «Общественное мнение» (ФОМ),
Россия

Эдвард Свидерски, почетный профессор, Университет Фрибурга,
Швейцария

В.В. Федоров, кандидат полит. наук, Всероссийский центр
изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Россия

М.Ф. Черныш, доктор социол. наук, член-корр. РАН, Федеральный
научно-исследовательский социологический центр РАН,
Россия

EDITORIAL BOARD

P.M. Kozyreva
Editor in Chief,
Doctor of Sociological Sciences

Institute of Sociology of FCTAS RAS;
NRU "Higher School of Economics",
Russian Federation

L.A. Kozlova
Deputy Editor in Chief,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Russian Federation

Donna Bahry, Doctor of Philosophy, Professor, Pennsylvania State University,
USA

Tatiana Yu. Bogomolova, Candidate of Sociological Sciences,
Novosibirsk State University; Institute of Economics and
Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS,
Russian Federation

Frank Welz, Professor, University of Innsbruck, Austria

Mikhail K. Gorshkov, Academician of the Russian Academy of Sciences,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences;
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russian Federation

Boris Z. Doctorov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Independent Researcher, USA

Tomasz Zarycki, Director & Professor, Institute for Social Studies (ISS),
University of Warsaw (UW), Poland

David L. Konstantinovskiy, Doctor of Sociological Sciences,
Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Tomáš Kostecký, RNDr., Professor, Director, Institute of Sociology,
Czech Academy of Sciences, Czech Republic

Alexander Yu. Miagkov, Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Ivanovo State Power Engineering University, Russian Federation

Oleg A. Oberemko, Candidate of Sociological Sciences,
Russian Public Opinion Research Center (VCIOM),
Russian Federation

Alexander A. Oslon, Candidate of Engineering Sciences,
Foundation "Public Opinion" (FOM), Russian Federation

Edward M. Swiderski, Professor em., Dr., University of Fribourg, Switzerland

Valery V. Fedorov, Candidate of Political Sciences,
Russian Public Opinion Research Center (VCIOM),
Russian Federation

Mikhail F. Chernysh, Corresponding Member of RAS,
Doctor of Sociological Sciences,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

К сведению авторов и читателей

«Социологический журнал» публикует статьи по теории, методологии и истории социологии, учебно-методические материалы для преподавателей социологии, результаты эмпирических исследований и экспериментов, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о научных конференциях в России и за рубежом.

Передавая в редакцию рукопись, автор обязуется не публиковать ее ни полностью, ни частично ни в каком ином издании без согласия редакции.

Плата за публикации с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Редакция принимает материалы объемом до 40 тыс. знаков (1,0 п. л.) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает следующие сведения на русском и английском языках: заглавие статьи, аннотация (200–250 слов) и ключевые слова; справка об авторе (авторах), в которой указываются фамилия, имя и отчество, точное официальное наименование места работы, ученая степень, ученое звание, служебный адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Присланные в редакцию материалы в обязательном порядке рецензируются внешними экспертами. Иницилируемые автором рекомендации и отзывы принимаются к сведению.

Решения редколлегии по итогам рецензирования могут быть следующими: 1) принять материал к публикации; 2) принять с доработкой (конкретные замечания по доработке доводятся до сведения авторов); 3) отклонить рукопись (автору по электронной почте направляется мотивированный отказ).

Ссылки на источники оформляются в виде затекстового библиографического списка ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES и нумеруются в алфавитном порядке; первыми указываются русскоязычные источники. В самом тексте указываются номера источников в квадратных скобках: [21, с. 37]. Библиографические описания изданий оформляются в соответствии с государственным стандартом.

Примеры библиографического описания (подробнее см. на сайте СЖ):

[Статьи в книгах/журналах]

1. Николаев В.Г. «Золотой век» Чикагской социологии // Чикагская школа социологии: сборник переводов / Сост. и пер. В.Г. Николаев. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 5–17.
Nikolaev V.G. “Golden Age” of Chicago Sociology. *Chicago School of Sociology: Collection of Translations*. Comp. and transl. by V.G. Nikolaev. Moscow: ISSS publ., 2015. P. 5–17. (In Russ.)
2. Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д. Представления россиян о будущем России // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7
Andreyev A.L., Andreev I.A., Slobodenyuk E.D. Russians’ Ideas about the Future of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 10. P. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7 (In Russ.)

[Книги]

3. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. — 528 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1
Strebkov D.O., Shevchuk A.V. *What do we know about freelancers? Sociology of free employment*. Moscow: Publ. House of HSE, 2022. 528 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1 (In Russ.)

[Иноязычные источники]

4. Bröckling U. *The Entrepreneurial Self: Fabricating a New Type of Subject*. L.: SAGE Publications Ltd, 2016. 256 p. DOI: 10.4135/9781473921283
5. Vallas S., Schor J.B. What do Platforms do? Understanding the Gig Economy. *Annual Review of Sociology 2020*. Vol. 46. No. 1. P. 273–294. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054857

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86306.

Адрес интернет-магазина «Пресса по подписке» – <http://www.akc.ru/>

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, комн. 419.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. Факс: +7 (495) 719-07-40.

Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru

© Редакция «Социологического журнала», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2024. ТОМ 30. № 4

DOI: 10.19181/SOCJOUR.2024.30.4

EDN: ZQRCWQ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Попов Е.А.

- 8–32 «Глобальный проект искусства»
как отражение взаимодействия
социологии искусства и эмпирической эстетики

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

З.Е. Дорофеева, П.М. Козырева

- 33–53 Межпоколенческая трансляция
практик вовлеченности родителей в развитие детей

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

П.Д. Гусева

- 54–78 Демонстрации как форма
неинституционализированного политического
участия: связь с доверием к институтам и рисками
политического режима (по данным европейского
социального исследования, 2020–2022 гг.)

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

А.В. Сапонова

- 79–103 Оценка валидности самоотчетов об использовании
смартфона: сравнение субъективных и объективных
данных

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Д.В. Моисеева

- 104–125 Волонтеры финансового просвещения:
индивидуальный выбор
в новых институциональных условиях

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

К 80-ЛЕТИЮ Ф.Э. ШЕРЕГИ

Ф.Э. Шереги

- 126–156 Единство прикладной социологии
и социальной философии /
Интервью подготовил Б.З. Докторов

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

А.Н. Малинкин

- 157–177 Как возможна социология морали.
Мысленный диалог с Г.С. Батыгиным

К 90-ЛЕТИЮ Ж.Т. ТОЩЕНКО

Г.Е. Зборовский

- 178–183 Ж.Т. Тощенко: Об образовании и вокруг

184–188 ПАМЯТИ Л.Г. ИОНИНА

- 189–191 **УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2024 ГОДУ**

CONTENTS

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL

2024. VOL. 30. No. 4

DOI: 10.19181/SOCJOUR.2024.30.4

THEORY AND METHODOLOGY

Popov, E.A.

- 8–32 The “Global Art Project” as a Reflection of the
Interaction of Sociology of Art and Empirical Aesthetics

SOCIOLOGY OF FAMILY

Dorofeeva, Z.Y., Kozyreva, P.M.

- 33–53 Intergenerational Transmission of Parental Involvement
Practices in Children’s Development

POLITICAL SOCIOLOGY

Guseva, P.D.

- 54–78 Demonstrations as a Form of Non-Institutionalised
Political Participation: The Relationship with
Institutional Trust and Political Regime Risks (Based on
Data from the European Social Survey, 2020–2022)

SOCIOLOGY OF INTERNET

Saponova, A.V.

- 79–103 Assessing the Validity of Self-Reported Data on
Smartphone Usage: Comparing Subjective
and Objective Data

ECONOMIC SOCIOLOGY

Moiseeva, D.V.

- 104–125 Financial Literacy Volunteers:
Individual Choice in new Institutional Conditions

SOCIOLOGISTS ABOUT SOCIOLOGISTS

ON THE 80TH ANNIVERSARY OF F.E. SHEREGI

Sheregi, F.E., Doktorov, B.Z.

126–156 Unity of Applied Sociology and Social Philosophy

HISTORY OF SOCIOLOGY

Malinkin, A.N.

157–177 How can sociology of morality exist?
Mental dialogue with G.S. Batygin

TO THE 90TH ANNIVERSARY OF J.T. TOSHCHENKO

Zborovsky, G.E.

178–183 J.T. Toshchenko: About Education and Around

184–188 **IN MEMORY OF LEONID IONIN**

189–191 **INDEX, 2024**

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.1

EDN: GHFTOG

Е.А. ПОПОВ¹

¹ Алтайский государственный университет.
656049, Барнаул, ул. Димитрова, д. 66.

«ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ИСКУССТВА» КАК ОТРАЖЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИОЛОГИИ ИСКУССТВА И ЭМПИРИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКИ

Аннотация. Конкуренция и консенсус социологии и эмпирической эстетики — понятия условные, однако они демонстрируют возможность исследования искусства в этих двух научных сферах через общность интересов к искусству, но при помощи различных методик и на разных уровнях теоретизирования. Сначала социологи и эстетики не готовы были применить свой научный потенциал для общего дела в изучении искусства. Несмотря на восхождение их идей к философии искусства и, в частности, концепции И. Тэна, они расходились в представлениях о том, каков должен быть результат исследований искусства и что дают такие работы для самого изучаемого объекта, а также человека, социума и общества. Наметившаяся конкуренция в основном касалась выбора исследовательских практик: социологи в центр внимания ставили различные аспекты передачи символических образцов от одного поколения другому и между социальными общностями. В рамках же эмпирической эстетики акцент был сделан на формировании эстетического опыта. При этом эстетики рассматривали искусство как феномен, влияющий на формирование такого опыта и обеспечивающий его трансляцию между индивидами и общностями. Изначально на теоретическом и методологическом уровнях не предлагалось возможности объединить усилия исследователей. Однако, как установлено в статье, они закономерно приближались к консенсусу, так как необходимо было «развернуть» искусство к человеку, что сложно сделать при несовпадении подходов или научной конкуренции. В статье дается оценка некоторых совпадений/несовпадений во взглядах и подходах социологов и эстетиков с целью обнаружить точки сопряженности между ними в решении главной задачи — выявления институциональных характеристик искусства. В стадии достижения консенсуса появился общий исследовательский тренд, получивший название «глобального проекта искусства». Как выявлено, предложенный «проект» был направлен на «развертывание» искусства: для реципиента (зрителя) — создание его открытости для

собеседования, активностей, консолидации, смены социального статуса; для конкретного исследователя (социолога или эстетика-эмпириста) — изменение направленности соответствующих практик.

Ключевые слова: искусство; социология искусства; эмпирическая эстетика; глобальный проект искусства; ракурс осмысления искусства; инвент-анализ; интенциональный анализ.

Для цитирования: Попов Е.А. «Глобальный проект искусства» как отражение взаимодействия социологии искусства и эмпирической эстетики // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 4. С. 8–32. DOI: 10.19181/soc-jour.2024.30.4.1 EDN: GHFTOG

Введение

В социологии искусства, восходящей еще к идеям Ипполита Тэна о равенстве всех перед искусством, в течение длительного периода ее концептуализации несколько раз менялись приоритеты в осмыслении основного объекта — они переносились с индивида на общество и обратно (П. Бурдьё, Т. Адорно, Г. Зиммель, Х. Делитц), расширялись до горизонта иных «форм общественного сознания» — мифологии, политики, философии, науки, экономики (М. Вебер, П. Сорокин, И. Гофман, Ж. Гюйо, А. Зильберманн), концентрировались вокруг атрибутивности искусства, масштабирования его социально-этических и социально-эстетических границ (К. Карбон, С. Маркович, С. Верхэверт) и т. д. Можно обнаружить минимум одну важную цель, которая оказывалась неизменной на всем протяжении развития социологии искусства, и она связана с необходимостью глубинного постижения общественных процессов через анализ результатов их сложного преломления или отражения в искусстве и его произведениях. В таком случае социология направляла свои усилия на то, чтобы выработать соответствующие индикаторы такой сопряженности — к ним, например, были отнесены атрибутивность, переживаемость, символизация и другие [31, р. 75]. В то же время на теоретическом уровне в корпусе социологов не существовало единства в направленности рецепции искусства с точки зрения его обусловленности социальными изменениями — по крайней мере были те, кто признавал автономность искусства, его роль в трансцендировании мира вещей и апеллировал в таком случае к содержанию эстетического опыта [4, с. 303]. Были и те, кто склонен видеть в искусстве явление, данное человеку и миру иной, чем социальная, силой, — божественной, религиозной, природной и т. д. [36, р. 74]. Поднимался также немаловажный вопрос о популяризации искусства как объекта исследования для социологов — в одной из своих статей я обращал внимание на необходимость заинтересованного (и, разумеется, профессионального) отношения к главному объекту исследования [10].

Представляется, что социологам достаточно сложно работать с деликатными материями в силу неопределенности применения соответ-

ствующих исследовательских методик, равно как и глубокого понимания природы рассматриваемого феномена [10]. Между тем «проблематизация» искусства в рамках социологического изучения несколько снижала градус интереса к нему и по другим важным причинам. Например, социологи признавали, что для искусства необходима не только условная «эмпирическая мера (методика)», но и, «по-видимому, куда более важная — культурно-историческая: нельзя просто взять произведения модернистов, вырвать их из соответствующего культурно-исторического контекста и утвердительно сказать, что в них отразилась вся специфика общества модернисты» [35, р. 221]. Немаловажной оставалась и эмоционально-чувственная составляющая — искусство почти всегда не только объект отстраненного изучения, но и «подпитка» индивидуальных эмоций и ощущений, и в этом качестве оно не может оставить равнодушным социолога, «заколдовывая», вырывая его из плена «эмпирической меры». По словам Т. Чэна и Дж. Голдторпа, «невозможно удержаться, когда исследователь оказывается один на один с произведением искусства — это в любом случае испытание для его чувств, и даже если он остается равнодушным, он все равно окажется околдованным самой мыслью о прикосновении к тайне и таинственному миру бытия» [23, р. 175].

Не стоит забывать также и о метафизическом и онтологическом ракурсах осмысления искусства, преобладающих в философии и культурологии, но не вписывающихся в формат социологической рефлексии. Однако социологи, находясь на волне эмоционального соучастия в разрывании искусства, вполне могли бы вмешаться в этот исследовательский контекст и, возможно, конкурировать с эстетиками, постигающими чувственную сферу бытия. Но если для последних эмоционально-чувственная сфера бытования искусства — это их «конёк», то для социологов — не совсем тот профиль. А между тем и те и другие с профессиональной точки зрения оценивают роль искусства в трансляции социальных образцов, ценностей и норм, обеспечивающих консолидацию (или же разъединение) групп и общностей. Генеральный план социологов — «оставить» искусство в стане общественных процессов, показать, как оно влияет на формирование ценностных установок и в то же время каким образом в нем преломляются ключевые социальные образцы. У эстетиков несколько иная задача: «погрузить» искусство в мир вещей, чувствований и переживаний, установить явленность мира вещей в искусстве. Эти планы совершенно различны, однако у них все же имеются контуры совпадений.

Экспозиция эстетического в социологии искусства на самом деле не такая уж редкость, а сама социология искусства может подменяться/замещаться «эмпирической философией искусства»¹ (например,

¹ Следует, по-видимому, критически отнестись к самому понятию «эмпирической философии», которое вряд ли можно признать устойчивым и общепринятым.

в американской традиции) [см.: 2]. Правда, следует иметь в виду вынужденность такой подмены, как утверждают представители данного направления, вызванной важностью замечать само искусство в его целостности и ценностно-смысловой определенности, а не только видеть стоящие за ним «социальные атрибуты и агрегаты» [50, р. 21]. Замечать искусство — характерная черта эстетики, но в философском ее формате она лишена «эмпирической меры», а значит, не имеет возможности переключить исследовательский ракурс с эстетического/экзистенциального опыта на опыт социальный, который необходим в идентификации искусства и как «формы общественного сознания», и как феномена социального свойства.

Следует опустить апелляции к достаточно мощной и продолжительной дискуссии относительно определения искусства, его вписанности в те или иные отношения и контексты (включая политический, экономический, инновативный, метафизический), поскольку социология искусства уклоняется от этого вмешательства и берет за основу уже «выверенное» содержание исследуемого феномена. Так, например, ряд авторов подчеркивают необходимость для социологии искусства воздержаться от спора вокруг дефиниции, так как «это может втянуть ее в дележку объектно-предметного поля и, что важнее, увести от собственно искусства в иные сферы бытия или общественного сознания» [33, р. 350]. В конце концов социология, по словам Маршии Итон, может упереться в стену, если будет серьезно вовлечена в спор о соотношении искусства и не-искусства [7, с. 272]. В итоге, по выражению исследовательницы, «история искусства, особенно в XX в., подчеркивает роль, которую социальные, политические, экономические и религиозные институты играли в превращении вещей в произведения искусства» [7, с. 273]. К слову, не только история искусства, но и отраслевая социология обращали на этот момент внимание, учитывая, что превращение вещей — все же не ее предметная область, однако институциональный поход за таким «превращением» вполне мог социологию устраивать, поскольку она сохраняла свою предустановку на эмпирический ракурс исследований.

К решению очерченной проблемы социологи идут по сложному пути. Делая ставку на «эмпирическую меру» в исследовании искусства, они подчас упускают из вида, что произвольно и непреднамеренно уклоняются от своего основного объекта и теперь имеют дело уже с иными явлениями или формами, такими, например, как «социальный мир искусства» [45, р. 232], «оценка художественных атрибутов» [24], «затраченное время на искусство» [33] и др. В то же время между представителями социологии искусства и эмпирической эстетики не раз в заочной и очной дискуссиях обсуждался данный вопрос (см., к примеру: [27]). Чтобы социологи смогли осознать необходимость и приемлемость предлагаемого в границах эмпирической эстетики подхода, им, конечно, следует признать состоятельность «возвращения к искусству», по вы-

ражению В. Беньямина [3, с. 112], для того чтобы объект исследования оставался аутентичным и «истинным», не подменяемым другими схожими или конкурирующими явлениями. В итоге можно рассчитывать на эвристически значимые результаты, имеющие отношение именно к искусству, а не к иным связанным с ним феноменам и состояниям.

Таким образом, в настоящей статье ставится цель показать теоретико-методологическую сопряженность двух различных, но в то же время сближающихся научных областей — социологии искусства и эмпирической эстетики, решающих задачу по идентификации искусства как одновременно социального и автономного феномена. Их конкуренцию на начальном этапе такой сопряженности («за чистоту исследования искусства») и достижение консенсуса в современных условиях можно рассматривать как поиск более основательных вариантов для рецепции искусства, которая должна оставаться в своих объектно-предметных границах для любого исследователя, представляющего указанные научные сферы. И если интерес социологии искусства заключается в соблюдении полагающегося ей режима исследования искусства, а не каких-либо его эрзац-форм, то эмпирической эстетике важна адаптация методического инструментария для прицельного изучения эстетического/экзистенциального опыта. Очевидно, что когда общие притязания совпали, между социологией и эстетикой установился междисциплинарный консенсус, имеющий значение для нового поворота в изучении искусства в его «эмпирическом поле» [51, р. 129] и в целом укрепления позиций «институциональной теории искусства» [2]. Для обеих научных областей характерным оказался ракурс развертывания искусства в его «глобальном проекте» (global art project) и схватывание в этом проекте мира вещей (всеобщего мира) на уровне референции прекрасного/безобразного, сильного/слабого, смешного/серьезного и других социальных образцов [51, р. 90–92].

Встраивание субъекта (художника, творца) в «глобальный проект искусства» занимает в равной степени и социологию искусства, и эмпирическую эстетику. В этом вопросе между ними не наблюдается разногласий, пожалуй, даже присутствует подчеркнутый консенсус — они начинают целенаправленную передачу социальных образцов и одновременно формирование эстетического/экзистенциального опыта не отдельного субъекта, а их общностей. Строго говоря, такой проект стал следствием убежденности в том, что «в наши дни произведение искусства демонстрирует все большую автономию по отношению к человеку» [14, с. 87]. В то же время предлагаемый социологами и эстетиками-эмпиристами проект не только позволил объединить их усилия в конкретных исследованиях и привести к некоему общему знаменателю в понимании роли искусства в индивидуальной и коллективной жизни, но и обнаружил четкие линии дальнейшего позиционирования этих областей. Так, для социологии искусства важным

звеном исследований становится ракурс глубокого погружения в мир искусства (в том числе с возможной апелляцией к эстетическому как таковому). Для эмпирической эстетики скорее наоборот — ей необходим выход на «поверхность», от эстетического опыта к социальному, образцы которого раскрываются в искусстве. Становится понятно, что в научной дискуссии и социологи, и эстетики-эмпиристы стремились достичь общности во взглядах на исследовательские практики искусства, но одновременно готовы были формулировать свои собственные профильные цели и задачи для его изучения.

Смысл *проектности* искусства как раз позволяет подключаться к его исследованию различным областям науки и их представителям, поскольку проект — это отвлеченный образец, о форме и содержании которого можно договариваться, внося коррективы в первоначальный замысел и последующую реализацию. Кроме того, проект искусства — это всего лишь возможность «приспособить» сложный для рефлексии и исследований объект к его интерпретациям и определению значимости для общества и субъекта. Конечно, следует иметь в виду, что никакой проект не заменит самого искусства — собственно, такой цели и не ставится: «global art project направлен на то, чтобы адаптировать выбранный исследователями объект, подверженный сложному бытованию, к современным глобальным практикам научной рецепции, когда искусство может стать своеобразным проектом сильной научной позиции — не более того: само искусство от проектности никак не пострадает и не будет ею заменено или каким-либо способом преобразовано» [27, р. 453]. В масштабе глобальности *global art project* тем более будет подогревать интерес различных наук и приобщать их к исследовательскому пулу. Пока же в таковой входят социология искусства и эмпирическая эстетика, нашедшие общий знаменатель в исследованиях, правда, не сразу и не без обоюдных теоретико-методологических претензий.

В первой части статьи будут оценены дистанция между социологией искусства и эмпирической эстетикой и перспективы их сближения для общей цели — создания «глобального проекта искусства», во второй части предстоит показать варианты и возможности объединения усилий ученых для формирования более конструктивного подхода к исследованию такого сложного и часто ускользающего от внимания феномена.

Конкурентные ресурсы социологии искусства и эмпирической эстетики

Эстетика в ее философском формате (*философская эстетика*) традиционно представлена тремя основными направлениями: аналитическим, ставящим цель постижения искусства через природное начало (М. Бердсли, М. Вейц и другие), рецептивным, проникающим в глубь вещей через мир искусства (Г. Гадамер, К.С. Льюис, Л. Тайсон), наконец, феноменологическим, раскрывающим трансцендирование мира вещей посредством субъективного эстетического опыта (М. Хайдеггер, Э. Левинас, Н. Гартман и другие). Эмпирическая эстетика, появившаяся

в конце XIX в. как отклик на необходимость объективировать индивидуальный эстетический опыт и соответствующие ему уровни рецепции искусства, практически никак не согласовывалась с эстетикой философской и в начале своего пути тяготела к психологии и психофизиологии (Г.Т. Фехнер). Однако уже в начале следующего столетия она стала сближаться с философской эстетикой, сосредоточившись на поиске способов «схватывания мира вещей». Как раз это понятие, взятое от философской эстетики, на некоторое время, вплоть до первой четверти XX в., стало предметной областью эмпирической эстетики, но она в данном вопросе все же не могла рассчитывать на какие-либо научные дивиденды, поскольку конкурировала с «рецептивистами» и феноменологами. В этот период, когда стала заметно развиваться социология искусства и появились соответствующие исследования, в том числе связанные с социальными трактовками «схватывания реальности» [9; 32 и др.], представители эмпирической эстетики направили свои ресурсы на серьезную критику социологической науки. Объектами такой критики становились и теоретические разработки социологов, и выполняемые ими прикладные исследования. По сути, вторая четверть XX в. вплоть до 1960-х гг. символизировала собой острое противоборство двух научных областей. Оно проистекало из следующих научных обстоятельств.

За пределами философской эстетики эмпирическая стала ориентироваться на «узкие» места эстетического опыта, в частности поднимала вопрос о преодолении его субъективности и предлагала «выход» на опыт социальный. Радикальный способ, предложенный, например, Бенедетто Кроче, состоял в нивелировании субъект/субъективного начала в формировании и развитии эстетического опыта до его институционального выражения. В своей социальной теории искусства Кроче делал акцент на «эмпиризации эстетического опыта» (the empiricization of aesthetic subjective experience), заключающейся в том, чтобы «отделить» эмоции и впечатления по поводу восприятия искусства от субъекта и сделать их «достоянием публики» [26, p. 55]. Конечно, такой прием выглядел как своего рода насмешка над психологией человека, построенной на рецепции его эмоционально-чувственной природы, однако на самом деле вполне мог претендовать на новое слово в изучении искусства, «очищенного» от эмоций субъектов, взятого в первозданном виде. Стоит отметить, что данный подход вполне соответствовал духу позитивизма, укреплявшего свои позиции в начале XX в. и в последующее время, и в этом смысле поддерживался многими представителями эмпирической эстетики. По словам К. Карбона, «позитивистский след присутствовал в эмпирической эстетике практически всегда, и он способствовал тому, что развертывание искусства “обходило” как будто бы без внутреннего мира человека, этот процесс сродни атрибутированию бытия, чреватому ошибками и иллюзиями» [22, p. 710].

Что могла противопоставить этому социология искусства? В 1961 г. в Мюнхенском университете состоялось заседание научного кружка,

в повестке которого значился лишь один вопрос: «Что делать с так называемой эмпирической эстетикой, ничего не смыслящей в исследовательских практиках?» (What to do with the so-called empirical aesthetics, which knows nothing about research practices?) [41, p. 22]. Одним из поводов к проведению заседания послужила публикация книги представителя эмпирической эстетики и гештальт-психологии Дэвида Берлина «Конфликт, возбуждение и любопытство». В ней автор, в частности, укоряет социологов в том, что они часто допускают подмену искусства и его свойств некими эрзац-формами (посещаемость музеев и галерей, частота смены экспозиций для привлечения посетителей и т. д.) [18, p. 99]. В то же время Д. Берлин называет одной из ключевых исследовательских практик эстетиков «анализ опыта поколений в восприятии прекрасного средствами “эстетического контроля”» [18, p. 111]. Тональность заседания кружка была остро критической, а его участники предъявляли требования своим коллегам-эстетикам «умерить пыл, ибо эстетика — всего лишь эстетика на границе индивидуального и социального», «анализ опыта поколений камуфлирует социальный опыт», к тому же «метод “эстетического контроля” никак не проверен и не обусловлен строгой научной процедурой» и т. д. [41, p. 23]. Среди участников кружка были и те, кто апеллировал к конкретному опыту социологии искусства, противопоставляя его опыту конкурирующей научной сферы [41, p. 22–23]. Между тем Д. Берлин предлагал социологам поразмыслить над тем, как «искусство меняет социальный мир, а не наоборот» [18, p. 117]. Этот показательный случай свидетельствует о явной конкуренции социологии искусства и эмпирической эстетики, и такое несовпадение во взглядах несложно объяснить. Вероятнее всего, социологов смущала смысловая добавка к эстетике слова «эмпирическая» (впервые такой термин предложил Г.Т. Фехнер), а эстетиков — по-видимому, сам факт внимания к искусству как к феномену социальному или такому, в котором преломляется социальный мир. Д. Берлин констатирует: «Важно было переключить внимание исследователей с социального субъекта на само искусство, но это вряд ли удастся сразу сделать, поскольку в социологии ставка на эмпиризм всегда более высока...» [18, p. 122]. Вероятно, представители обеих научных областей нуждались в уравнивании позиций и исследовательских практик не ради собственного успокоения, а во имя любви к искусству и трепетного к нему отношения.

В последующем не один раз возникала реакция на те или иные теории и практики представителей эмпирической эстетики в виде обмена репликами в статьях и книгах [19, p. 320]. В противовес созданию в 1965 г. Международной ассоциации эмпирической эстетики (IAEA)² практически сразу же в рамках авторитетного Национального клуба ис-

² См.: International Association of Empirical Aesthetics (IAEA). — URL: <https://www.science-of-aesthetics.org/>

куств в Нью-Йорке³ (в него входили несколько президентов США) возникла Дискуссионная секция социологии искусства — Discussion Section of the Sociology of Art под председательством Розанны Мартореллы⁴. Создавалось такое ощущение, по словам Дианы Крэйн, что «эмпирическая эстетика вынуждает социологов рефлексировать относительно их выкладок, но становилось вместе с тем понятно, что на самом деле они, хотя и находились по разные стороны научной баррикады, все-таки занимались одним и тем же — поиском возможности более конструктивных исследований искусства» [25, р. 69]. В соответствии с принципом научного кумулятивизма, обсуждаемым в рамках позитивистских установок XX в., накопление теорий и подходов с высокой долей вероятности может привести к появлению универсальной концепции и/или консенсусу исследователей. По сути, сложилась ситуация, когда на каждое заявление или научную статью, выполненную в рамках социологии искусства, представители эмпирической эстетики подготавливали свои возражения, и наоборот. К примеру, в рамках работы ассоциации IAEA многократно обсуждались статьи социологов и по каждому отдельному случаю принимались резолюции, содержащие в основном советы, как же «улучшить» исследования искусства с точки зрения социального знания [29, р. 55–57]. В то же время социологи, занимающиеся изучением искусства, на страницах авторитетных социологических изданий призывали представителей эмпирической эстетики уточнить свою научную позицию и используемые методики исследований; в журнале «Американское социологическое обозрение» с 1954 по 1964 г. выходила даже специальная рубрика под названием «Социологи и эмпирическая эстетика» (Sociologists and empirical aesthetics) [40, р. 90].

В сложившемся дискуссионном противостоянии тем не менее можно отыскать вполне рациональные положения, главным образом в стратегии конкретных исследовательских практик, обращенных к искусству. И если социологи делали акцент на «эмпиризации искусства», то эстетики — на «эмпиризации эстетического опыта». Разница этих позиций состояла в том, что искусство должно было открыться социологам в своей социальной сущности как медиатор между обществом и потребностями индивида, а в представлениях эстетиков таким медиатором выступал

³ См.: The National Arts Club. — URL: <https://artsandculture.google.com/partner/the-national-arts-club>

⁴ В своей книге «Социология оперы» Р. Марторелла, вспоминая о полемике двух наук, так объясняла необходимость появления Дискуссионной секции социологии искусства: «Было непонятно, насколько далеко зашли эмпирические эстетики на наше исследовательское поле, однако возмущало их желание как будто бы вывернуть наизнанку искусство, представив его как набор неких отвлеченных средств, каждое из которых формировало свой эстетический опыт. Все же в рамках социологии искусства мириться с этим было сложно...» [40, р. 69].

эстетический опыт. Он «отражал только те состояния, которые искусство пробуждало в человеке, и вовсе не свидетельствовал о состоянии самого искусства, поэтому воплощение социальных мотивов человеческого бытия оказывалось надстройкой над искусством, а сама она являлась уже совсем иным объектом для изучения, чем искусство и его сложный мир» [37, р. 40]. Однажды⁵ от некоторой растерянности в поиске истинных оснований развертывания искусства в социальном мире исследователи вынуждены были обратиться к нетривиальной идее М. Фуко о формации объектов в символических образах; правда, материал для исследования самим Фуко, как известно, был выбран также нетривиальный — искусство душевнобольных (см.: [12, с. 274]). Анализируя этот выбор в пользу Фуко, А. Вард с соавторами констатирует «безоглядность эмпирической эстетики в поиске оснований для интерпретаций эстетического опыта и крайнюю доверчивость по отношению к Фуко, грезящему миром безумия». Однако коллектив исследователей не видит перспектив в таком выборе и для социологии искусства, определяя для нее «Фуко в качестве дополнительного апостола в смещении карт — социальный мир просачивается сквозь пальцы, что уж тут говорить об искусстве и месте социологии в исследовании искусства» [49, р. 159; 161]. Фуко был особенно моден в 1960-х гг., и вполне понятно, что его идеи не могли оставить в стороне тех, кто искал новые возможности для понимания искусства и духовной жизни индивидов, главным образом решая вопрос о субъектности в искусстве и о его социальных коннотациях.

Между тем эмпирическая эстетика накапливала свой арсенал разработок для «эстетического контроля» за процессами и состояниями, при которых искусство преломляется в индивидуальном и коллективном опыте (или наоборот, опыт отражен в формах искусства). При этом эстетикам приходится лавировать между реципиентом, искусством и обществом, но им довелось столкнуться с определенными трудностями в части объективации такого «контроля». Тимоти Бинкли в своей работе с говорящим названием «Против эстетики» обращает внимание на то, что «искусство для эстетики является в основном классом вещей, называемых произведениями искусства, являющихся источниками эстетического опыта» [4, с. 305]. Главная же трудность заключалась в невозможности преодолеть мощное тяготение эмпирической эстетики

⁵ В 1963 г., спустя пару лет после выхода «Истории безумия» (1961) Фуко, социологи организовали секцию «Фукианская символизация мира — быть или не быть?» в рамках научной конференции «Социология искусства: новые возможности на пересечении знаний», проведенной на базе кафедры социологии Oregon State University; программа секции включала семь сообщений — все они так или иначе затрагивали тему развертывания искусства сквозь призму социальных символов и кодов, включая доклады о «тишине и безумии искусства» (К. Кроннер), «о символах власти и нетронутости искусства» (Г. Риннеау) и др. [28, р. 99].

к эстетике философской с ее акцентом на трансцендирование мира вещей. Во всех случаях, когда эмпирическая эстетика оказывалась близка к объектно-предметному самоопределению, она не имела достаточных возможностей для выработки собственного методологического арсенала. Осуществить такой поиск, а затем и прорыв было не так-то просто, если вообще возможно; сказывались сильное притяжение и авторитет философии искусства и философской эстетики. Вместе с тем сложился «ракурс реципиента», который обозначил преимущество эмпирической эстетики, так как в эстетике философской отправной точкой рефлексии становился не сам реципиент, а «отвлеченный от него» эстетический опыт. В представлениях эстетиков-эмпиристов реципиент обладал соответствующим эстетическим/экзистенциальным опытом, который следовало подвергать «эстетическому контролю», например, соотносить его с прекрасным, безобразным, смешным, трагическим и т. д. Реципиент — творец (художник, автор) идентифицировался как субъект, апелляция к которому возвращает любого исследователя к его атрибутивной позиции или роли в бытовании искусства, но само оно в таком случае отодвигается на второй план. Тем не менее он более значим для эмпирической эстетики, берущей «в расчет лишь точку зрения творца» [5, с. 59]. Внимание же социолога приковано к иному — к социальному бытованию искусства. Главным аспектом такого бытования становится передача символических образцов от одного поколения или общности к другим.

Стоит отметить, что теоретизирование и исследовательские практики обеих научных областей складывались таким образом, что как будто бы подвели к созданию будущего *глобального проекта искусства*. Иными словами, они обе подступали к такому проекту, но с разных сторон: социология искусства шла по пути выявления способов передачи символических образцов, а эмпирическую эстетику в большей степени занимала трансляция эстетического опыта посредством «эмпирических форм» искусства. И если социологи проводили исследования по формирующемуся у реципиентов отношению к искусству в пространственно-временной локации (посещение музеев, выставок, галерей и т. д.), политической детерминации (символизация политических событий, действий и поступков), то исследования эстетиков-эмпиристов, по выражению Джорджа Дики, были «направлены на внутренний опыт человека — он может быть как сиюминутным и независимым от какого-либо давления извне (разве от самого искусства), так и вбирать в себя впечатления и эмоции, копящиеся веками» [6, с. 271].

И все же за конкуренцией, как уже указывалось, обозначилась вполне прагматичная цель — способствование появлению *глобального проекта искусства*, который, с одной стороны, повлияет на «достигаемость» искусства для любого социально ориентированного и конкретизированного исследования, а с другой стороны, направит в одно

русло усилия представителей социологии искусства и эмпирической эстетики и, таким образом, станет убедительным аргументом в пользу их взаимного консенсуса.

Могли ли совпасть интересы и возникнуть перспективы сотрудничества или хотя бы обмена мнениями между двумя научными областями? Бескомпромиссность могла бы, например, привести к тому, что значительно снизилось количество эмпирических исследований искусства, а основным подходом продолжил оставаться философский ракурс, ориентированный на теоретизирование и философствование. Однако искусство есть искусство, и оно способно примирить любых соперников или спорщиков, вызвав к жизни условный глобальный проект, популяризирующий различные исследовательские практики и эстетиков, и социологов. Перспектива взаимодействия примерно с 1980—1990-х гг. стала более очерченной, поскольку *глобальный проект искусства* явился своего рода мерой исследований для современных наук об искусстве. Собственно, возникший проект стал консенсусом во взаимодействии социологии и эстетики.

Консенсус: необходим ли глобальный проект искусства?

Что же представляет собой *глобальный проект искусства* как одновременно и акт «примирения» (консенсуса) социологов и эстетиков, и новая возможность для исследования искусства? Вероятно, его можно назвать новой исследовательской практикой, в которой бы социолог или эстетик-эмпирист «развертывал» искусство в межпоколенческом, межгрупповом и межличностном взаимодействии. Для этого, в частности, социологи предложили применять методику ивент-анализа, а эстетики — интенциональный анализ. Ставилась главная цель — обеспечить «доступность» искусства для междисциплинарных и универсальных исследователей [27]. Несомненный вклад в формирование проекта был внесен американскими философами искусства вкупе с эстетиками-эмпиристами, предложившими такой ракурс [2], но и социологи также не остались в стороне. Со времени распространения в 1960-х гг. благодаря Ч. Маклеланду, Ч. Тили и другим американским социологам ивент-анализа в социологии он был взят на вооружение социологами, исследующими искусство. Обобщение соответствующих практик предприняли Дж. Барранко и Д. Вислер [17].

Понятие *глобального проекта искусства* одним из первых предложил американский социолог искусства Пол Димаджо [27]. Во главу угла он поставил *развертывание искусства* [27, р. 442]. Применительно к феноменальности искусства все чаще и социологами, и эстетиками, и культурологами использовался этот термин; а само обстоятельство «развертывания искусства в социальном дисгармоничном мире и одновременно в науке», по выражению П. Бурдьё, расценивалось как «проективность искусства в тех его свойствах, которые уже известны исследователям, но в то же время не дают полной картины об объекте изучения» [21, р. 99; 101].

Глобальный проект искусства сложился как равенство сторон в большой междисциплинарной дискуссии⁶: кто должен изучать искусство так, чтобы оно не потерялось в ряду иных феноменов и смыслов бытия, и в то же время сам исследователь не утратил с ним связь, не стал заложником близких явлений духовной жизни, а также чувств и переживаний. Участники дискуссии, главным образом социологи и эстетики-эмпиристы, смогли продемонстрировать, насколько иные, нежели доминировавшие ранее, методики способны изменить и отношение ученого к исследуемому объекту, и сам объект «подстроить» под глобальные притязания, вызванные желанием представить «эмпирический мир» искусства⁷. Таким образом, глобальный проект следовал двум основным принципам:

(а) поиску *новой* социологии искусства [30, р. 101–108; 34, р. 98] и *новой* же эмпирической эстетики [16] с целью существенного расширения методических границ (поиск здесь предполагает оценку возможностей различных методик и их эвристической значимости) и фиксации особой роли исследователя;

(б) «перевороту» в атрибутировании самого искусства — «теперь оно выходит из тени музеев и выставок, из домов древностей и корпораций арт-дилеров, из-под надзора антикваров, утрачивает дух элитарности и становится частью социального мира наравне с формами масскульта»⁸ [30, р. 188].

Вопрос о «новой» социологии и «новой» эстетике скорее отвечает запросу этих областей знаний на новизну, новый подход или новую методику в исследовании искусства. Поскольку выйти в теоретическом

⁶ Начало такой дискуссии было положено в 1980–1990-х гг. в рамках обсуждения *global art project* одновременно в журналах “Empirical Studies of the Arts” и “American Journal of Sociology” (см.: [45; 46 и др.]).

⁷ Оценивая данное понятие применительно к искусству, Э. Квемин видит в нем наиболее точную характеристику глобального проекта искусства: «эмпирический мир искусства (empirical world of art) не меняет самого отношения индивида к искусству, не стоит ожидать этого. Однако он дает представление о том, как следует подходить к изучению столь деликатного и в то же время открытого обществу явления. Таким образом, создавая глобальный проект искусства (global art project), мы предельно приближаем данный объект к исследователю и отвлеченному субъекту» [42, р. 172].

⁸ Отчасти здесь прослеживается аналогия с известным эпистемологическим поворотом И. Канта, заключающимся в том, «что наше знание о мире является не прямым отражением реальности, а формируется посредством наших познавательных способностей», что подразумевает заметное смещение внимания «с прояснения онтологического статуса реальности на исследование познавательных способностей человека, позволяющих ему находить доступ к этой реальности и формировать адекватное представление о ней» [1, с. 205–206].

плане за границы положений философии искусства и философской эстетики вряд ли возможно, им приходится делать ставку на новые ракурсы в конкретных исследовательских практиках. Конечно, «новая» социология или эстетика — величины условные; речь не идет о пере-строении или трансформации устоявшихся принципов и исследова-тельских ракурсов, тем не менее ставится сложная задача — «приблизить искусство к субъекту — реципиенту (зрителю, исследователю, мыслите-лю)» [20, р. 110]. Подчеркну, что складывающаяся картина выглядит на первый взгляд почти как желание «подогнать» искусство под претензии социологии и эстетики, однако их обеспокоенность состоянием практик и направлений исследования вполне понятна. Чувствительная для них «инерция» философии искусства, вероятно, сковывает желание выйти за ее пределы, исходить не из традиционных сущностных (метафизических и онтологических) свойств искусства, а скорее идентифицировать его как форму общественного сознания. Ряд исследователей обращали вни-мание на необходимость переворота» в атрибутировании искусства — если раньше оно скрывалось от зрителя под покровом элитарности и за стенами хранилищ, то теперь — в век глобализации и виртуальности — всякий художник (автор) и его произведения искусства «предельно доступны в любой миг и в любой точке планеты каждому, однако это вовсе не обозначает, что искусство разворачивается перед человеком и индивидом в полную силу, оно не всегда способно априори утратить каким-либо способом свою атрибутивность» [24, р. 220].

Что же конкретно предлагают социологи и эстетики-эмпиристы в качестве исследовательских направлений и практик в рамках *глобального проекта искусства*? Основной акцент — на *развертывании искусства* перед индивидом (зрителем — условным потребителем и исследовате-лем — социологом или эстетиком). По выражению Джулии Ротенберг, оно «открывает совершенно новые перспективы в изучении искусства и его произведений, новизна состоит в смене методических приори-тетов — если раньше скрупулезно искали прекрасное и безобразное и спорили, что есть что, то теперь необходимы иные подходы — на-стройка мыслей, разговор, событие, вдумчивое отношение, беседа, даже конфликт и др.; все это как никогда применимо к искусству, а значит, его глобальный проект раскрывает перед нами новое искусство — от-крытое человеку, полное сил...» [43, р. 78]. Исследовательница задается вопросом: а столь уж необходимо что-то менять в исследовательских практиках, ведь «даже дискуссионный клуб эстетиков и социологов породил интересные мысли, например такие, что прекрасное и кра-сота способны подвергаться т. н. “эстетическому контролю”, — есть ли необходимость смены приоритетов? Думаю, что есть, отвечает сама Дж. Ротенберг, в современном мире как никогда остро ощущается ду-ховный вакуум, значит, одним из спасений остается искусство, но его нужно *развернуть* к человеку» [43, р. 92]. Кроме того, как утверждает

М.В. Харкевич, «искусство, таким образом, проявляет бытие, делает видимым то, что было прикрытым» [13, с. 28], — по-видимому, можно утверждать, что оно развертывается по отношению к социуму и индивиду в своих ярчайших формах (произведениях) и одновременно оказывает воздействие на формирование эстетического опыта.

Очевидно, *развертывание искусства* к человеку — это, по сути, преодоление трех инерционных концептуаций в понимании феномена искусства и определении его роли для общества и социального субъекта, сложившихся еще в русле философии искусства, равно как и в философской эстетике:

- (1) искусство есть система социальных образцов и символов;
- (2) оно свертывается в формы, становясь отражением мира вещей.

Социология искусства преодолевает оба этих положения следующим образом:

- (a) мир вещей символизируется в образцах и образах, передаваемых между субъектами и от поколения к поколению;
- (b) развертывание искусства событийно.

В свою очередь, эмпирическая эстетика также вышла за пределы инерционности и предложила свои варианты ее преодоления, причем такие, которые фактически сблизили ее с социологией искусства (если вести речь об их теоретико-методологическом консенсусе):

(a) накопленный эстетический опыт есть основа формирующегося отношения к искусству, он способствует символизации реальности — «эмпирического мира искусства»;

(b) интенциональность определяет формат развертывания искусства на уровне эстетического опыта субъекта.

Выдвигая *глобальный проект искусства* в виде развертывания данного феномена для человека, социума и глобального мира, исследователи задавались вопросом: не станет ли этот проект трактоваться как попытка «глобализировать» искусство, включив в его состав все то, что ранее таковым не просто не считалось, но и намеренно возводилось в ранг *не-искусства*?⁹ Таким образом границы искусства могут быть расширены настолько, что практически все, что создано человеком, сможет относиться к нему. В конечном счете человек из-за использования клавиатуры сам способствует тому, чтобы письмо стало относиться к искусству (искусство ручного письма) и т. д. Различные эрзац-формы, инсталляции, перформансы, хеппенинги, электронное

⁹ К примеру, Дж. Боас и Э. Квемин отмечали, что «глобальный проект искусства не только не знает границ в своей проективности, но и раздвигает границы миров — социального, политического, экономического, индустриального, вклинивая между ними или в них искусство и даже не-искусство; в таком развертывании все просто — нужно объединить усилия для нового подхода к искусству, отказаться от его формализации или социологизации» [20, p. 78].

искусство и другие могут также попадать в разряд явлений или форм искусств. Так, например, современный журнал «Актуальная культура» оговаривает возможность публиковать статьи под грифом *глобального проекта искусства*, не ограничивая себя в выборе методик и практик¹⁰.

Но все же что именно дает этот проект для согласованных действий и практик социологов и эстетиков-эмпиристов? Он упрощает задачу исследователей — им не нужно углубляться в трансцендирование мира вещей, составляющего суть искусства. В то же время они могут иметь дело с современными видами, формами, жанрами, стилями и целостными произведениями, для которых перестают работать классические признаки искусства: художественность, эстетичность, моральность и т. д. Однако задача одновременно и усложняется — она перестает быть сугубо философской, схватывающей искусство в многообразии его форм, символов и образцов, и приобретает черты эмпирической цели, подвластной исследователю, вооруженному методикой в русле социологии искусства и эмпирической эстетики. Очевидно, здесь можно провести аналогию с понимающей социологией М. Вебера, базирующейся на том, в частности, что «социальные процессы познавались через интерпретацию, а не “законы”» [15, с. 145]. Точно так же и искусство нуждается в интерпретациях, но для этого оно должно «развернуться» в сторону субъекта и социума.

В *глобальном проекте искусства* отмечается равенство всех его участников или элементов — самого искусства, зрителя (реципиента), коллективного и индивидуального автора, социума и всего человечества в глобальном смысле. Что их связывает? Не только собственно искусство, но и совокупность символических образцов, посредством которых оно транслирует в том числе и эстетический опыт. К таким образцам следует отнести художественный вкус, средства изобразительности и выразительности, поэтику, стилистику и т. д. [44]. Между тем авторы подчеркивают, что «глобальный проект искусства обозначил необходимость привести к общему знаменателю интересы всех субъектов проективности; такое единство достижимо за счет методик развертывания искусства (the methodology of the deployment of art) в его символических образцах» [47, р. 90]. Некоторые из таких методик прочно вошли в арсенал современных наук об искусстве, включая социологию и эмпирическую эстетику.

Применяя ивент-анализ в качестве одной из методик *развертывания искусства*, социологи обратили внимание на то, что не само по себе искусство как таковое (как данность или априорность) передает символический образец или их совокупность, а событие, с ним (образцом) связанное. Отталкиваясь от идей эстетиков-эмпиристов о том, что «искусство и его институты производят сами себя и сами себя

¹⁰ См. сайт издания «Актуальная культура». — URL: <http://journal.asu.ru/cc>

обосновывают» (Тед Коэн) [8, с. 260], а «эстетический опыт направлен к внутренне присущим чертам объектов или событий» (Маршия Итон) [7, с. 278], социологи заметили, что «развертывание искусства событийно — с одной стороны, искусство отражает мир и человека в нем, с другой стороны, оно преломляет событие и его процессуальность или результативность, а следовательно, мы должны искать событие, которое связывает воедино все или некоторые символические образцы» [48, р. 24]. Так, например, исследование Э. Хаттерджи с соавторами, проведенное в 2010 г., показало актуальность для европейцев (N=1312) поиска интересного для них событийного ряда, связанного с искусством, — «простое повседневное посещение галерей, фотографирование на фоне известных полотен или выставочных экспонатов, семейные походы в музеи уже не расцениваются как адекватный контакт с искусством и его произведениями — люди ведут поиск запоминающихся событий, с которыми для них прочно связано или ассоциировано искусство» [24, р. 218]. К числу таких событий чаще всего респонденты относят музейные ночи, праздники виртуальных музеев, вход в метро через антикварный магазин или даже музей и т. д. [24, р. 219]. Выстраиванию логики трансляции символических образцов с использованием данных, полученных в результате ивент-анализа музейных ночей, проводимых в ряде европейских стран в 2014–2016 гг. (N=7204), посвящено исследование, описанное в книге Э. Грайса. По его мнению, символизация реальности через событие/событийность происходит следующим образом: (1) акт искусства для оценивания на основе предустановленных и приобретенных навыков и опыта — X (символичность опыта — условно малое «х»); (2) формирование оценки на основе социального и индивидуального опыта — U (символичность оценки — условно малое «u»); (3) рецепция символического как должного — XU (событие искусства как данность); (4) формирование символического опыта — UX (событие искусства как часть опыта) [30, р. 70–71]. Полагаю, что предложенная формула красноречиво отражает связь по меньшей мере трех составляющих «событие — оценка — опыт» и в полной мере объясняет значение события для формирования и эстетического опыта, и социального. Кроме того, Э. Грайс, по сути, подтвердил мысль Дж. Дики об идентификации произведения искусства «в дескриптивном смысле» как артефакта, «*которому какое-либо общество или социальная группа (sub group of a society) присвоили статус кандидата для оценки (has conferred the status of candidate for appreciation)*» [6, с. 246]. В целом же можно констатировать следующее: «Социолог, устанавливая границы событийности в искусстве, акцент делает на том, что через событие искусство становится более востребованным феноменом человеческого бытия для повышения статуса индивида («знаток искусства»), интеллектуальной культуры, экономического благосостояния и т. д.» [11, с. 132].

Не менее значимым является интенциональный анализ искусства, вначале используемый эстетиками-эмпиристами, а затем и социологами. Он необходим для того, чтобы показать *развертывание искусства* в его направленности на субъекта. Как известно, понятие интенциональности появилось в русле феноменологии и распространилось в некоторых науках (философии, психологии, антропологии и др.). Адаптировать интенциональный анализ к исследованию направленного воздействия на субъекта удалось представителям эмпирической эстетики. Они обращают внимание на активности субъекта в сфере искусства и задают в связи с этим ключевой вопрос: как может искусство повлиять на субъекта настолько, что способно будет, к примеру, изменить его жизнь в лучшую, а возможно, и в худшую сторону? Ответы прозвучали в проведенных исследованиях. Так, Дж. Лоренцини были проанализированы вторичные данные различных рандомизированных исследований 2014–2018 гг. о влиянии искусства на жизнь человека (N=988) — не только чувственно-эмоциональную, но и повседневную социальную. Как оказалось, все больше искусство входит в жизнь индивида благодаря высокой эрудиции и высокому уровню образованности, что может приносить социальные предпочтения в определенных социальных кругах и общностях. По мнению Лоренцини, «для современного человека уровень познания искусства, составляя его интенции и притязания на социальный мир и получение соответствующих дивидендов, имеет важное индикативное выражение его социального благополучия и статусности» [38, р. 192–193]. При этом в русле «социологии искусства интенциональность позиционируется как сочетание активности в “кругу искусства” и способов достижения цели, направленной на то, чтобы искусство могло так же, как и другие социальные феномены (массовая культура, массовая коммуникация и др.)»¹¹ «управлять общественным мнением, влиять на массы, отвечать запросам социальных общностей», как полагает Х. Мейс [39, р. 91].

Таким образом, *глобальный проект искусства* в том виде, как он представлен в работах по социологии искусства и эмпирической эстетике, вполне уравнивает силы исследователей в изучении сложного феномена. Нельзя, конечно, в полной мере утверждать, что в современных условиях такое равновесие демонстрирует принципиальный расклад исследовательских сил в соответствующих ракурсах и направлениях, однако оно позволяет заметно расширить горизонты рецепции искусства.

Заключение

Подведем некоторые итоги, обобщив их в виде таблицы, — она наглядно продемонстрирует уровень взаимодействия социологии искусства и эмпирической эстетики в области рецепции (*развертывания*

¹¹ Цит. по: [11, с. 135].

искусства), а также покажет разделение и сближение их позиций посредством *глобального проекта искусства*. Эффективность реализации такого проекта со всей очевидностью совпадает с консенсусом двух указанных научных областей, которые не сразу пришли к нему и сумели обобщить свои наработки «во имя искусства» и субъекта, имеющего с ним дело в той или иной жизненной ситуации.

Таблица

Достижимость консенсуса во взаимодействии социологии и эстетики

Отношение к глобальному проекту искусства	Социология искусства	Эмпирическая эстетика
Миссия проекта	Искусство не только в феноменальности, но и в социальности ¹²	Искусство — для всех и для каждого ¹³
Роль проективности	Символизация реальности	Эстетизация и символизация
Понятие искусства	Опыт социальный	Опыт эстетический
Основное свойство искусства	Развертывание как событие (разговор, беседа, дружба и т. д.)	Развертывание как интенция (субъект-субъектность)
Проблемное поле	Передача символических образцов	Трансляция эстетического опыта субъекта, поколений или социума
Позиция исследователя	Теоретико-эмпирическая	Эстетико-эмпирическая
Один из ключевых методов	Ивент-анализ	Интенциональный анализ
Итоговый результат	Консенсус	Консенсус

Как видим, по многим пунктам представителями обеих областей найдены точки соприкосновения, но главная из них — *глобальный проект искусства* в развертывании «проектируемого» феномена. Социологи сделали акцент на символизации реальности, однако для эстетиков-эмпиристов данный ракурс, но с вниманием к эстетизации, также приемлем и, более того, необходим в исследовательских практи-

¹² По выражению А. Фостера и Дж. Блау, в «социологии искусства важно преодолеть планку феноменологического ракурса исследований и предложить в качестве своеобразной миссии глобального проекта установку на его близость концептуализации искусства как явления прежде всего социального порядка» [29, p. 79].

¹³ Такая установка, в частности, была сформулирована именно как миссия проекта *global art project* на одном из заседаний Международной ассоциации эмпирической эстетики (IAEA); искусство — для каждого: имеется в виду и круг исследователей, интересующихся данным феноменом (см.: [27, p. 453]).

ках. Относительно позиций исследователей или ключевых методов — их формат существенно изменился в современных условиях: к искусству все более применим эмпирический градиент, а в теоретизировании наметился дискурс концептуализации искусства с точки зрения его развертывания, когда мир вещей раздвигает свои границы от феноменального-феноменологического до социального-эмпирического.

Кроме того, сопоставление ракурсов *глобального проекта искусства*, обозначенных в русле социологии искусства и эмпирической эстетики, показывает следующее: (1) ключевая направленность проекта заключается в расширении границ искусства для реципиентов; при этом вырисовывается перспектива установления ценностно-смысловой определенности в трактовках искусства с акцентом на его консолидирующей функции; (2) в понимании искусства центральным является интериоризационный (опытный) аспект, детерминированный субъект-субъектными отношениями; (3) основное свойство искусства в развертывании реальности и с точки зрения событийности, и в плане интенциональности предопределяет в рамках проекта выбор таких исследовательских методик, которые позволяют сократить дистанцию между субъектом (реципиентом-зрителем/слушателем и реципиентом-исследователем) и искусством; (4) проект способствовал не только формальному примирению социологов и эстетиков-эмпиристов во взглядах на искусство, но и проблематизации «нового» исследовательского поля в части рецепции искусства в развертывании социальной реальности на межпоколенческом и межсубъектном уровнях взаимодействия.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Попов Евгений Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет. **Телефон:** +7 (3852) 296-608. **Электронная почта:** popov.eug@yandex.ru

Research Article

EVGENIYA A. POPOV¹

¹ Altai State University.

66, Dimitrova str., 656049, Barnaul, Russian Federation.

THE “GLOBAL ART PROJECT” AS A REFLECTION OF THE INTERACTION BETWEEN SOCIOLOGY OF ART AND EMPIRICAL AESTHETICS

Abstract. The competition and consensus of sociology and empirical aesthetics are conditional concepts. They demonstrate the possibilities of exploring art through a common interest in art. At first sociologists and aestheticians were not ready to apply their scientific potential to a common cause in the study of art. Their ideas were close to the philosophy of art (I. Taine), but the angles of studying art and the prevalent ways of reflection differed. There is competition between them when it comes to their choice of research practices. Sociologists have focused on various aspects of the transfer of symbolic patterns between generations and social communities. Within the framework of empirical aesthetics, emphasis was placed

on the formation of aesthetic experience. At the same time, aestheticians considered art as a phenomenon influencing the formation of said experience. In addition, they paid attention to the transmission of such experiences between individual subjects. Initially there were no opportunities to combine the efforts of researchers. The article found that sociologists and aestheticians were approaching a consensus. The meaning of consensus is to “pivot” art towards a person. The article assesses the similarities and discrepancies in the views and approaches of sociologists and aestheticians. Their main task is to identify the institutional characteristics of art. At the stage of coming to a consensus, a general research trend has emerged, called the “global art project”. As revealed, the proposed “project” was aimed at deploying art for the individual.

Keywords: art; sociology of art; empirical aesthetics; global art project; perspective of art comprehension; event analysis; intentional analysis.

For citation: Popov, E.A. The “Global art project” as a reflection of the interaction of Sociology of Art and empirical Aesthetics. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 4. P. 8–32. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.1

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy A. Popov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Altai State University.
Phone: +7 (3852) 296-608. **Email:** popov.eug@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Адамов М.С.* Проблема эпистемической ответственности и ее психофизиологические основания // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2024. Т. 8. № 2. С. 205–228. DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-205-228 EDN: YPZJMH
Adamov M.S. The Problem of Epistemic Responsibility and its Psychophysiological Foundations. *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2024. Vol. 8. No. 2. P. 205–228. DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-205-228 (In Russ.)
2. Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX в. — антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм: Антология / Пер. с англ.; Сост., вступит. ст., науч. ред. Б. Дземидок. Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссей, 1997. — 317 с.
American Philosophy of Art: The Main Concepts of the Second Half of the Twentieth Century — Anti-Essentialism, Perceptualism, Institutionalism. Transl. from Eng.; Foreword., comp. and ed. by B. Dzemidok. Ekaterinburg: Delovaya kniga publ.; Bishkek: Odissei publ., 1997. 317 p. (In Russ.)
3. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // *Избранные эссе* / Под. ред. Ю.А. Здороваго. М.: Медиум, 1996. — 240 с.
Benjamin W. A Work of Art in the Era of its Technical Reproducibility. *Selected Essays*. Ed. by Yu.A. Zdorovi. Moscow: Medium publ., 1996. 240 p. (In Russ.)
4. *Бинкли Т.* Против эстетики // Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века — антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм / Пер. с англ.; Сост., вступит. ст.,

- науч. ред. Б. Дземидок. Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссей, 1997. С. 289–315.
- Binkley T. Piece: Contra Aesthetics. *American Philosophy of Art: The Main Concepts of the Second Half of the Twentieth Century — Anti-Essentialism, Perceptualism, Institutionalism*. Transl. from Eng.; Foreword., comp. and ed. by B. Dzemidok. Ekaterinburg: Delovaya kniga publ.; Bishkek: Odissei publ., 1997. P. 289–315. (In Russ.)
5. Буррио Н. Реляционная эстетика. Постпродукция. Сборник / Пер. с фр. А. Шестаков. М.: Ад Маргинем Пресс, 1998. — 111 с.
- Bourriaud N. *Relational Aesthetics. Post-production. Collection*. Transl. from French by A. Shestakov. Moscow: Ad Marginem Press publ., 1998. 111 p. (In Russ.)
6. Дики Дж. Определяя искусство // Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века — антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм / Пер. с англ.; Сост., вступит. ст., науч. ред. Б. Дземидок. Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссей, 1997. С. 243–280.
- Dickie G. Defining Art. *American Philosophy of Art: The Main Concepts of the Second Half of the Twentieth Century — Anti-Essentialism, Perceptualism, Institutionalism*. Transl. from Eng.; Foreword., comp. and ed. by B. Dzemidok. Ekaterinburg: Delovaya kniga publ.; Bishkek: Odissei publ., 1997. P. 243–280. (In Russ.)
7. Итон М. Искусство и неискусство // Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века — антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм / Пер. с англ.; Сост., вступит. ст., науч. ред. Б. Дземидок. Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссей, 1997. С. 271–288.
- Eaton M. Art and Nonart. *American Philosophy of Art: The Main Concepts of the Second Half of the Twentieth Century — Anti-Essentialism, Perceptualism, Institutionalism*. Transl. from Eng.; Foreword., comp. and ed. by B. Dzemidok. Ekaterinburg: Delovaya kniga publ.; Bishkek: Odissei publ., 1997. P. 271–288. (In Russ.)
8. Коэн Т. Возможность искусства: замечания к предложениям Дики // Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века — антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм / Пер. с англ.; Сост., вступит. ст., науч. ред. Б. Дземидок. Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссей, 1997. С. 153–180.
- Cohen T. The Possibility of Art: Remarks on a Proposal by Dickie. *American Philosophy of Art: The Main Concepts of the Second Half of the Twentieth Century — Anti-Essentialism, Perceptualism, Institutionalism*. Transl. from Eng.; Foreword., comp. and ed. by B. Dzemidok. Ekaterinburg: Delovaya kniga publ.; Bishkek: Odissei publ., 1997. P. 153–180. (In Russ.)
9. Плеханов Г.В. Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии // Теория литературы. История русского и зарубежного литературоведения: хрестоматия / Сост. Н.П. Хрящева. М.: Флинта, 2016. С. 112–141.

- Plekhanov G.V. French Dramatic Literature and French Painting of the XVIII Century from the Point of View of Sociology. *Theory of Literature. The History of Russian and Foreign Literary Criticism: A Textbook*. Comp. by N.P. Khryashcheva. Moscow: Flinta publ., 2016. P. 112–141. (In Russ.)
10. *Попов Е.А.* Как заинтересовать социолога изучением искусства и духовной жизни? // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 143–149. DOI: 10.7868/50132162517060150 EDN: YTMFSB
Popov E.A. How to Interest the Sociologist in the Study of Art and Spiritual Life? *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. No. 6. P. 143–149. DOI: 10.7868/50132162517060150 (In Russ.)
11. *Попов Е.А.* Опыт интенционального и ивент-исследования в современной зарубежной социологии искусства // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 126–141. DOI: 10.17223/1998863X/69/14 EDN: DLSLGT
Popov E.A. The Experience of Intentional and Event Analysis in Modern Foreign Sociology of Art. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2022. No. 69. P. 126–141. DOI: 10.17223/1998863X/69/14 (In Russ.)
12. *Суворова А.* Экспрессионизм и искусство душевнобольных // Искусствознание. 2018. № 4. С. 274–297. EDN: VVYWIV
Suvorova A. Expressionism and the Art of the Mentally Ill. *Iskusstvoznanie*. 2018. No. 4. P. 274–297. (In Russ.)
13. *Харкевич М.В.* Преодоление апокалипсиса в плюралистическом пространстве поэтики и политики // Полис. Политические исследования. 2024. № 2. С. 25–37. DOI: 10.17976/jpps/2024.02.03. EDN: WYBCKF
Kharkevich M.V. Overcoming the Apocalypse in the Pluralistic Space of Poetics and Politics. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2024. No. 2. P. 25–37. DOI: 10.17976/jpps/2024.02.03 (In Russ.)
14. *Чистякова М.Г., Преображенский Г.М.* Трансформация чувственности в постантропоцентричном искусстве // Философский журнал. 2022. Т. 15. № 3. С. 84–99. DOI: 10.21146/2072-0726-2022-15-3-84-99 EDN: EYTGQO
Chistyakova M.G., Preobrazhenskii G.M. The Transformation of Sensuality in Postanthropocentric Art. *Filosofskii zhurnal*. 2022. Vol. 15. No. 3. P. 84–99. DOI: 10.21146/2072-0726-2022-15-3-84-99 (In Russ.)
15. *Щипков В.А.* Диалектический рационализм Макса Вебера и проблема оснований общественных наук // Полис. Политические исследования. 2021. № 1. С. 142–156. DOI: 10.17976/jpps/2021.01.10 EDN: XLMISZ
Shchipkov V.A. Max Weber's Dialectical Rationalism and the Foundations of Social Sciences. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2021. No. 1. P. 142–156. DOI: 10.17976/jpps/2021.01.10 (In Russ.)
16. Augustin M.D., Wagemans J. Empirical Aesthetics, the Beautiful Challenge: An Introduction to the Special Issue on Art & Perception. *i-Perception*. 2012. Vol. 3. P. 455–458. DOI: 10.1068/i0541aap

17. Barranco J., Wisler D. Validity and Systematicity of Newspaper Data in Event Analysis. *European Sociological Review*. 1999. Vol. 15. No. 3. P. 301–322. DOI: 10.1093/oxfordjournals.esr.a018265
18. Berlyne D.E. *Conflict, Arousal and Curiosity*. N.-Y.: McGraw-Hill Publishing Company Ltd., 1960. 350 p. DOI: 10.1037/11164-000
19. Blau J.R., Peter M., Golden R.M. Social Inequality and the Arts. *American Journal of Sociology*. 1985. Vol. 91. No. 2. P. 309–331. DOI: 10.1086/228279
20. Bôas G.V., Quemim A. *Art et société: Recherches récentes et regards croisés*. Brésil (France): Ouvrage en ligne, 2016. 456 p.
21. Bourdieu P. *Les Règles de l'art*. P.: Seuil, 1992. 201 p.
22. Carbon C.C. Cognitive Mechanisms for Explaining Dynamics of Aesthetic Appreciation. *i-Perception*. 2011. No. 2. P. 708–719. DOI: 10.1068/i0463aap
23. Chan T.W., Goldthorpe J.H. Social Stratification and Cultural Consumption: The Visual Arts in England. *Poetics*. 2007. Vol. 35. No. 2–3. P. 168–190. DOI: 10.1016/j.poetic.2007.05.002
24. Chatterjee A., Widick P., Sternschein R., et al. The Assessment of Art Attributes. *Empirical Studies of the Arts*. 2010. Vol. 28. No. 2. P. 207–222. DOI: 10.2190/EM.28.2.f
25. Crane D. *The Sociology of Culture. Emerging Theoretical Perspectives*. Oxford; Cambridge: Blackwell Publishers, 1994. 212 p.
26. Croce B. *Conversazioni Critiche*. 2 ed. ser. IV. Bari: Laterza, 1951. 112 p.
27. DiMaggio P. Classification in Art. *American Sociological Review*. 1987. No. 52. P. 440–455. DOI: 10.2307/2095290
28. Downing L. *The Cambridge Introduction to Michel Foucault*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 190 p. DOI 10.1017/CBO9780511793240
29. Foster A.W., Blau J.R. *Art and Society. Readings in the Sociology of the Arts*. N.-Y.: SUNY Press, 1989. 140 p.
30. Grice E. *Sociology of Art in the New Reality: Empirical Status and Formal Approach*. Washington: Globe Publishing House, 2017. 203 p.
31. Hao P. Exploration of Art Content and Form. *International Journal of Education and Humanities*. 2022. Vol. 3. No. 2. P. 75–76. DOI: 10.54097/ijeh.v3i2.805
32. Hausenstein W. *Soziologie der Kunst. Bild und Gemeinschaft*. Munchen: Kurt Wolff Verlag, 1920. 108 p.
33. Hennion A., Grenier L. Sociology of Art: New Stakes in a Post-Critical Time. *The International Handbook of Sociology*. Ed. by S. Quah, A. Sales. N.-Y.: ISA Research Council, 2000. P. 341–355. DOI: 10.4135/9781848608405.n16
34. Inglis D., Hughson J. *The Sociology of Art*. Basingstoke: Palgrave, 2002. 240 p.
35. Jing W. On the Relationship between Content and Form in Art Works Take Xin Dongwang's Oil Paintings of Figures as an Example. *Talent and Wisdom*. 2019. Vol. 30. P. 218–222. DOI: 10.54097/ijeh.v3i2.805
36. Kun S.L. The Form and Characteristics of Formal Beauty. *New Art*. 1984. Vol. 4. P. 71–75.

37. Leyssen M.H.R., Linsen S., Sammartino J., Palmer S.E. Aesthetic Preference for Spatial Composition in Multiobject Pictures. *i-Perception*. 2012. Vol. 3. P. 25–49. DOI: 10.1068/i0458aap
38. Lorenzini G. The Problem of Intentionality in the Contemporary Visual Arts. *Estetika: The Central European Journal of Aesthetics*. 2019. Vol. 56. Iss. 2. P. 186–205. DOI: 10.33134/eeja.188
39. Maes H. Challenging Partial Intentionalism. *Journal of Visual Arts Practice*. 2018. No. 7. P. 85–94. DOI: 10.1386/jvap.7.1.85_1
40. Martorella R. *The Sociology of Opera*. N.-Y.: Praeger Publishers, 1982. 143 p.
41. Mather G. Aesthetic Judgment of Orientation in Modern Art. *i-Perception*. 2012. No. 3. P. 18–24. DOI: 10.1068/i0447aap
42. Quemin A. International Contemporary Art Fairs in a «Globalized» Art Market. *European Societies*. 2013. Vol. 15. No. 2. P. 162–177. DOI: 10.1080/1461696.2013.767927
43. Rothenberg J. *Sociology Looks at the Arts*. N.-Y.: Routledge, 2014. 296 p. DOI: 10.4324/9781315850634
44. Silvia P.J., Rodriguez-Boerwinkle R.M., Awa K.N., et al. Evaluating the Structure of the Aesthetic Responsiveness Assessment (AREa) with Bootstrap Exploratory Graph Analysis. *Empirical Studies of the Arts*. June 13, 2024. DOI: 10.1177/02762374241259935
45. Smith J.K., Smith L.F. Spending Time on Art. *Empirical Studies of the Arts*. 2001 Vol. 19. P. 229–236. DOI: 10.2190/5mqm-59jh-x21r-jn5j
46. Strandvad S. Attached by the Product: A Socio-Material Direction in the Sociology of Art. *Cultural Sociology*. 2020. Vol. 6. No. 2. P. 163–176. DOI: 10.1177/1749975512440227
47. Tanner J. *The Sociology of Art: A Reader*. N.-Y.: Routledge, 2003. 280 p.
48. Wanner F., Stoffel A., Jäckle D. State-of-the-Art Report of Visual Analysis for Event Detection in Text Data Streams. *Conference: Eurographics Conference on Visualization (EuroVis)*. Ed. by R. Borgo, R. Maciejewski, I. Viola. 2014. Vol. 16. P. 17–48. DOI: 10.2312/eurovisstar.20141176
49. Warde A., Wright D., Gayo-Cal M. Understanding Cultural Omnivorousness; or, the Myth of the Cultural Omnivore. *Cultural Sociology*. 2007. Vol. 1. No. 2. P. 143–164. DOI: 10.1177/1749975507078185
50. Weitz M. The Role of Theory in Aesthetics. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1956. Vol. 15. No. 1. P. 16–29. DOI: 10.2307/427491
51. Zolberg V.L. *Constructing a Sociology of the Arts*. N.-Y.: Cambridge University Press, 1990. 252 p. DOI: 10.1017/CBO9780511557712

Дата поступления: 20.07.2024; поступила после рецензирования и доработки: 28.08.2024; принята к публикации: 03.09.2024.

Received: 20.07.2024; revised after review: 28.08.2024; accepted for publication: 03.09.2024.

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.2

EDN: GYYKZG

З.Е. ДОРОФЕЕВА^{1,2}, П.М. КОЗЫРЕВА^{2,1}

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики».

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

² Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ ПРАКТИК ВОВЛЕЧЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ В РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ¹

Аннотация. На основе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» анализируется процесс межпоколенческой трансляции практик родительской вовлеченности от старшего поколения к младшему путем сопоставления данных о текущих практиках в отношении детей со стороны родителей и данных об их собственном аналогичном ретроспективном опыте. Анализ показал, что матери обоих поколений значительно больше включены в процесс взаимодействия с детьми, чем отцы, а наиболее мощными каналами трансляции родительских практик являются пары «мать – дочь» и «отец – сын», при этом при передаче практик от отца к сыну важна их частота в ретроспективе. В работе зафиксированы факторы, влияющие на процесс трансляции. Так, наличие высшего образования, проживание в городе и более позднее рождение первого ребенка снижают ее уровень, вероятно, за счет более широкого жизненного опыта, применяемого в родительстве. Показано, что практики посещения родительских собраний и посещения врача с ребенком устойчиво воспроизводятся матерями, в то время как для отцов эти практики не только не являются характерными, но и подвержены влиянию личного опыта и внешних факторов. Наибольшую зависимость от ретроспективного опыта для обоих родителей имеют практики проведения отпуска с ребенком и физической активности, для мужчин также важен опыт чтения, полученный от собственного отца. Отмечается, что общий уровень родительской вовлеченности положительно связан с ретроспективными практиками других родственников,

¹ В статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

что, очевидно, говорит об участии бабушек в жизни предыдущего поколения. В целом общий уровень вовлеченности современных родителей согласуется с аналогичным ретроспективным показателем.

Ключевые слова: межпоколенческая трансляция; родительская вовлеченность; родительство; родительские практики; РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Дорощева З.Е., Козырева П.М. Межпоколенческая трансляция практик вовлеченности родителей в развитие детей // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 4. С. 33–53. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.2 EDN: GYYKZG

Введение

Семья является основным воспитателем ребенка, именно в семье закладываются ценностные ориентиры, привычки поведения, основы взрослой жизни. Родители и другие родственники, находящиеся в контакте с ребенком, включаются в процесс трансляции культурного капитала. Трансмиссия опыта, ценностей, традиций, знаний, навыков и практик — естественный процесс, в результате которого не только сохраняется передаваемая информация, формируются поведенческие и культурные черты группы, поддерживаются и создаются социальные связи, основанные на общности передаваемой информации, но и обеспечивается устойчивость общества. Очевидно, что описываемый процесс подвержен внешним воздействиям, а сама межпоколенческая трансляция тем менее полноценна, чем более активны процессы изменения внешней среды.

Межпоколенческая трансляция является предметом исследований ряда социальных наук, сама же идея передачи социальных признаков была почерпнута из биологии². При исследовании этого процесса используются близкие по значению термины: в англоязычной литературе — “intergenerational transmission / continuity”, в русской набор вариантов шире — «межпоколенная / межпоколенческая передача / трансмиссия / трансляция / преемственность». При этом в психологии чаще используется термин «трансмиссия».

В работах М. Вебера отмечается, что семья воспроизводит себе подобных, замыкая тем самым социальные группы [3]. П.А. Сорокин, рассуждая о тенденции снижения роли семьи в формировании социального положения индивида и о повышении значимости образования, все же утверждает, что именно семья «определяет жизненный путь и будущее социальное положение детей» [15, с. 173]. Психологи, скорее, сосредоточены на механизмах описанных процессов. Так, М. Боуэн в рамках теории семейных систем формулирует концепцию трансмиссии — передачи паттернов поведения от одного поколения другому [16];

² Подробнее об истории развития теории культурной трансмиссии см. в работе [26].

А.А. Шутценбергер вводит понятие «трансгенерационная связь» и исследует процесс межпоколенческой передачи информации [18]; Э. Берн изучал влияние жизненных сценариев, передаваемых внутри семьи [2].

Исследование межпоколенческой трансляции, передачи культурного капитала на эмпирическом уровне выдвигает определенные требования к набору данных. Как правило, используются либо панельные данные, охватывающие большой временной период (что дает возможность опросить несколько поколений), либо данные, включающие специальные ретроспективные показатели. Исследователи (в основном американские и западноевропейские) неоднократно обращались к подобному анализу, нередко основываясь на ставшей классикой работе Г. Беккера и Н. Томса [22]. В российском научном поле подобных работ значительно меньше, в социологии особое место занимают исследования межпоколенческой трансляции ценностей [4; 7; 9; 13], в экономике — трансмиссии экономического положения и мобильности [23; 25]. Полученные в рамках российских исследований результаты в целом сопоставимы с результатами зарубежных коллег.

Семейно-поколенческие эмпирические исследования распространены в психологии, в том числе они фокусируются именно на межпоколенческой трансмиссии [14]. В ранних зарубежных работах было широко распространено предположение о том, что «люди учатся быть родителями у своих родителей» [27], однако в последующих исследованиях эта гипотеза не подтверждается в полной мере [28], и авторы сосредотачиваются на изучении иных предикторов родительского поведения и механизмов его формирования [29].

Одни исследования межпоколенческой трансляции родительского опыта сосредоточены на негативных аспектах, например, на применении морального и физического насилия в отношении детей [19], другие посвящены трансляции позитивного или конструктивного родительского опыта [24]. При этом выявлено, что образование может являться мощным буфером, блокирующим трансляцию негативного родительского опыта [30], в аналогичной роли блока могут выступать поддерживающие отношения с партнером или психотерапия, в рамках которой была проработана эта проблема [26]. Отмечается также, что наличие социальных и академических компетенций способствует преемственности позитивного родительства из поколения в поколение [24; 31].

Таким образом, сам факт межпоколенческой трансляции представляется очевидным: «в любых обществах или группах старшие поколения влияют на младшие через образование, ведущее к накоплению человеческого капитала, и воспитание, способствующее накоплению культурного капитала» [12, с. 28]. В то же время российских социологических исследований, сфокусированных на трансляции родительского опыта, практиках его передачи, не слишком много, а в имеющихся работах наблюдается больший интерес к изучению отцовства. Так, в исследо-

вании О.Н. Безруковой и В.А. Самойловой показано, что «качество межпоколенных отношений, благополучие родительской семьи влияют на формирование ценностей и смыслов отцовства» [1, с. 104]. При этом «доли *транслирующих* отношения со своими отцами и выбирающих *собственный* подход в воспитании детей примерно равны и составляют 40%» [1, с. 104]. В работе Ч.И. Ильдархановой и В.Н. Барсукова поднимается вопрос о том, что в современном обществе формирование опыта отцов происходит скорее под воздействием внешних факторов, чем путем межпоколенческой передачи, рассматривается «модель косвенной передачи отцовского опыта, основанной не на династических принципах его ретрансляции, а на процессе успешной социализации» [8, с. 107].

Спецификой данного исследования является анализ процесса передачи практик вовлеченности родителей в развитие детей от старшего поколения к младшему. На основе теоретического положения о межпоколенческой трансляции родительских практик в исследовании поставлены задачи по выявлению наиболее интенсивных каналов трансляции, а также факторов, влияющих на этот процесс, и степени этого влияния. Такой анализ стал возможен благодаря включению в обследование РМЭЗ НИУ ВШЭ³ блока вопросов о том, насколько родители респондента были вовлечены в его жизнь, когда он был ребенком. Уникальные ретроспективные данные, а также возможности базы РМЭЗ НИУ ВШЭ, позволяющие сопоставить ответы, полученные от разных поколений внутри семьи, дают возможность восполнить научный пробел в изучении процессов трансляции практик родительской вовлеченности.

Описание методики

В научной литературе нет единого подхода к определению родительской вовлеченности, в зависимости от области знания фокус при изучении этого конструкта может быть смещен в ту или иную сторону и охватывать разные виды практик [5]. В представленной работе рассматриваются шесть видов родительских практик⁴, отражающих

³ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS–HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS–HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>

⁴ В данных представлено шесть видов ретроспективных родительских практик и девять практик, реализуемых современными родителями. Анализ построен на сопоставлении соответствующих шести видов практик. Исключение составляет представленный в конце работы расчет показателя общего уровня родительской вовлеченности, включающего все девять практик современных родителей.

структуру блока вопросов, каждый из которых задается относительно матери, отца и других взрослых родственников респондента, то есть в общей сложности данный блок включает 18 вопросов. Кроме того, данные содержат аналогичную информацию о текущих практиках родителей в отношении детей.

В работе используются данные 30-й волны РМЭЗ НИУ ВШЭ, включающие 1611 наблюдений по детям в возрасте от 2 до 14 лет⁵, а также информацию о 2837 родителях исследуемых детей (1547 матерей и 1290 отцов). Учитывая структуру данных, отметим, что анализ трансляции практик возможен только для случаев, когда в опрошенном домохозяйстве проживают два поколения (то есть ребенок и один или оба родителя). В связи с этим важно оценить доли респондентов, проживающих с родителями, с учетом возраста.

На момент опроса (30-я волна, 2021 г.) 17,1% детей проживали с одним родителем (родным или приемным), 81,1% — с двумя, 1,8% — без родителей. Очевидно, что матери чаще проживают в одном домохозяйстве с ребенком, чем отцы (в среднем 96%), доля отцов составляет 81%. Для детей старше шести лет доля проживающих в полной семье начинает снижаться.

Переходя непосредственно к анализу практик родительской вовлеченности и их передачи от одного поколения к другому, отметим, как формировались данные для анализа. К данным вопросника⁶, в котором фиксировались практики современных родителей в отношении своих детей, при помощи специального файла, содержащего идентификационные номера всех членов домохозяйства⁷, были добавлены данные, полученные с помощью ответов родителей об их детском опыте родительской вовлеченности⁸. Важно отметить, что информация о практиках в отношении детей получена от одного из родителей или от человека, ухаживающего за ребенком, и касается текущего периода, охватывающего последние 12 месяцев. Например, вопрос о чтении формулировался следующим образом: «*Родители, другие взрослые родственники читали [ИМЯ РЕБЕНКА] в последние 12 месяцев?*» Информация о взрослых имеет ретроспективный характер, им

⁵ Ограничение возраста детей по нижней границе связано с набором исследуемых практик, большая часть которых применима к детям старше двух лет.

⁶ Вопросник для детей, которым еще не исполнилось 14 лет. См.: https://www.hse.ru/data/2022/05/25/1814514254/r30_C_for%20users.pdf

⁷ Файл «Идентификационные номера родственников 1994–2021 гг.», а также примеры работы с файлом размещены на сайте обследования: <https://www.hse.ru/r/lms>

⁸ Вопросник для взрослых. См.: https://www.hse.ru/data/2022/05/25/1814514241/R30_A_for%20users.pdf

был задан такой вопрос о чтении: «Вспомните, пожалуйста, когда Вы были ребенком, Ваши родители или другие родственники читали Вам?» Таким образом, подготовленный для анализа массив представляет собой объединение данных о текущих практиках в отношении детей со стороны родителей и данных об их собственном аналогичном ретроспективном опыте.

Анализ трансляции практик родительской вовлеченности

В первую очередь зафиксируем сам факт межпоколенческой трансляции родительской вовлеченности, отметив, что общий уровень вовлеченности⁹ современных родителей согласуется с аналогичным ретроспективным показателем внутри семьи. Причем связь с ретроспективными материнскими практиками чуть выше, чем с отцовскими, для обоих родителей¹⁰.

Для более прицельного анализа выделим четыре возможных варианта передачи практик и представим их в таблице 1, где «+» означает, что практика применялась или применяется, а «-» — не применялась или не применяется. Первый знак относится к ретроспективным практикам современных родителей (делали ли так их родители), второй знак — к текущим практикам современных родителей (делают ли они сами это сейчас в отношении своих детей).

В первую очередь обращают внимание высокие значения в столбце «+/+», демонстрирующем позитивный канал трансляции от матери к дочери. Это неудивительно, ведь именно женщины максимально вовлечены в процесс взаимодействия с детьми, их практики создают основу родительского опыта, воссоздавая его структуру. Исключением являются занятия физической активностью — матери, с которыми не занимались спортом, как правило, не тренируются со своими детьми. «Мать девочки присутствует в ее жизни так, как не присутствуют отец и другие взрослые мужчины в жизни мальчика» [17, с. 209] — во многом именно этим, по мнению Н. Чодороу, объясняется устойчивый процесс воспроизводства материнства. Помимо материнского опыта, дочери довольно активно воспроизводят и позитивный отцовский опыт, отметим достаточно высокие значения в столбце, фиксирующем позитивную трансляцию отцовского опыта («+/+») дочерям.

⁹ Уровень общей вовлеченности рассчитан как суммарное число практик, применяемых родителями.

¹⁰ Для нынешних отцов корреляция с уровнем вовлеченности их отцов составляет 0,388, матерей — 0,434; для нынешних матерей — 0,279 и 0,374 соответственно. Корреляция Пирсона значима на уровне 0,01.

Таблица 1

Трансляция практик родительской вовлеченности, % по строке

Передача опыта		...к сыну				...к дочери			
		+/+	-/-	-/+	+/-	+/+	-/-	-/+	+/-
От отца...	Подготовка уроков	17,0	39,0	12,7	31,3	38,5	16,6	30,5	14,4
	Посещение родительских собраний	18,0	40,3	15,0	26,7	39,2	3,8	54,9	2,1
	Чтение	23,5	36,5	14,8	25,2	35,4	20,6	27,3	16,7
	Физическая активность	20,0	41,4	12,7	25,9	13,9	50,9	14,1	21,1
	Посещение врача	11,6	52,5	11,5	24,4	29,6	9,8	54,8	5,8
	Проведение отпуска	57,4	14,1	13,8	14,7	60,3	10,8	20,3	8,6
От матери...	Подготовка уроков	24,9	17,4	4,9	52,8	58,7	8,5	10,5	22,3
	Посещение родительских собраний	30,8	2,8	2,4	64	88,9	0,8	5,1	5,2
	Чтение	35,0	11,6	3,9	49,5	57,4	7,3	5,7	29,6
	Физическая активность	12,2	51,6	20	16,2	13,8	55,4	14,5	16,3
	Посещение врача	22,5	2,0	0,9	74,6	81,5	0,6	2,9	15,0
	Проведение отпуска	63,9	11,8	7,4	16,9	70,2	8,0	10,4	11,4
От родственников...	Подготовка уроков	12,2	54,7	17,2	15,9	23,3	24,1	45,2	7,4
	Посещение родительских собраний	5,4	56,9	27,6	10,1	15,5	5,0	78,3	1,2
	Чтение	15,2	40,1	23,8	20,9	29,5	23	34,4	13,1
	Физическая активность	9,8	61,0	22,2	7,0	8,8	64,5	19,4	7,3
	Посещение врача	8,4	71,0	1,1	19,5	25,2	12,3	59,3	3,2
	Проведение отпуска	33,2	24,4	37,1	5,3	38,4	15,8	42,0	3,8

Важно подчеркнуть, что если материнский опыт передается как безусловный конструкт, то передача отцовского опыта во многом зависит от качества межличностных отношений между отцом и ребенком в детстве. Так, у респондентов, характеризующих свои детские отношения с отцом как «очень близкие», позитивная передача практик всех типов значительно выше, чем для остальных групп респондентов,

включая тех, кто отмечал, что имел с отцом «хорошие, но не очень близкие отношения»¹¹. У женщин эта разница составила в среднем 20,1%, а у мужчин — 30,4%. Для женщин наиболее чувствительной к отношениям с отцом оказалась практика занятий физической активностью (близкие отношения с отцом увеличивают вероятность ее передачи на 42,2%). Для мужчин — это наименее типичные отцовские практики: посещение родительских собраний (увеличение на 43,8%) и посещение врача (на 39,2%). Примечательно, что качество отношений с родителями во взрослом возрасте подобного влияния не имеет. Вероятно, отношение к родителям во взрослом возрасте значительно переосмысливается детьми, однако именно характер межличностного взаимодействия в детстве имеет важное значение в формировании собственной модели родительства.

Позитивная трансляция (столбец «+ / +») от отца к сыну имеет средние значения, в то время как негативная (столбец «- / -») — значительно выше. Это в целом наглядно иллюстрирует тезис о том, что «процессы идентификации у женщины развиваются в отношениях, у мужчины — в отрицании отношений» [17, с. 210]. На общем фоне заметно выделяется практика проведения отпуска с ребенком, имеющая высокие значения во всех четырех направлениях родительской трансмиссии. Наименьшие значения отмечаются в гендерной межпоколенческой трансляции: в целом (учитывая позитивный и негативный опыт) мужчины реже следуют практикам своих матерей, а женщины реже основываются на практиках отцов.

Процесс передачи практик от других родственников представляется более сложным с точки зрения и объема получаемого опыта в детстве, и разнообразия родственных отношений с респондентом. На основе данных о структуре домохозяйств мы можем предположить, что значительную часть этой группы составляют бабушки, заботящиеся о внуках. Разница между столбцами «+ / +» и «- / -» нижней трети таблицы 1 свидетельствует о том, что мужчины более склонны транслировать негативный опыт других родственников. Здесь же отметим минимальные значения в самом правом нижнем столбце (передача опыта других родственников дочерям), что объясняется общей более высокой вовлеченностью матерей.

В целом анализ полученных данных позволил зафиксировать сам факт передачи родительских практик и дать общую оценку интенсивности процесса. Однако наибольший исследовательский интерес представляет оценка влияния практик старшего поколения на практики младшего. В таблицах 2, 3 приведены доли респондентов, в отношении

¹¹ Данные об отношениях с родителями импутированы из 28-й волны РМЭЗ НИУ ВШЭ. Доля импутированных значений составила 81,4% для матерей и 77,1% для отцов.

которых реализуются родительские практики (то есть с ними готовят уроки, им читают и т. п.). При этом результаты, приведенные в первой группе («Положительный опыт»), включают респондентов, чьи родители также реализовывали те или иные практики (с ними готовили уроки, им читали и т. д.). Результаты второй группы («Отрицательный опыт») отражают негативный опыт отца/матери в детстве (с нынешними отцом/матерью не готовили уроки, им не читали и т. д.). И наконец, в третьей группе («Разница») представлена разница между первыми двумя группами, отражающая влияние родительского опыта на практики следующего поколения. В таблицах также приведены коэффициенты ϕ (в скобках) для оценки силы связи переменных, серым цветом выделены ячейки со значениями $\geq 0,2$, представляющие наибольший интерес при анализе.

В первую очередь отметим, что посещения родительских собраний и врача не оказали влияния на практики матерей, что вполне логично, так как это необходимые составляющие родительства, и матери активно участвуют в этих практиках независимо от опыта детства. В то же время отметим статистически значимые различия в тех же практиках отцов в зависимости от полученного опыта: отцы, имеющие аналогичный опыт с собственным отцом, с большей вероятностью посещают родительские собрания и врача с ребенком, хотя в целом это не самые характерные отцовские практики. Отцы чаще проявляют себя в практиках чтения и физической активности с детьми, и это те виды практик, которые они во многом унаследовали от своих отцов и других родственников.

Матери также наследуют эти практики от других родственников и от собственных матерей. Однако наиболее явно межпоколенческая трансляция проявляется в практиках проведения отпуска с детьми — матери в этом контексте представляются более очевидным каналом передачи опыта для обоих родителей, но и поездки с отцами и другими родственниками также имеют важное значение.

В целом же наибольшая статистическая значимость фиксируется по каналам трансляции «отец — сын» (среднее значение коэффициента $\phi = 0,188$) и «мать — дочь» (среднее значение коэффициента $\phi = 0,156$). Очевидно, помимо самого механизма трансляции, в этом случае стоит также учитывать ряд других показателей.

Например, примечательно, что на практики отцов (табл. 2), в отличие от практик матерей (табл. 3), также оказывает влияние частота реализации практик в детстве, но этот вывод справедлив только для канала трансмиссии от отца к сыну. Так, частая подготовка уроков отца с ребенком в детстве увеличивает вовлеченность современных отцов в эту практику с 35,1 до 47,3%, посещение врача — с 32,2 до 42,5%, а чтение — с 48,3 до 58,9%.

Таблица 2

Оценка влияния родительского опыта на практики современных отцов, %

Практики	Положительный опыт			Отрицательный опыт			Разница ¹²		
	О ¹³	М	Др	О	М	Др	О	М	Др
Подготовка уроков	35,1	32,0	43,5*	24,5	21,9	23,9*	10,6 (0,116)	10,1 (0,092)	19,6 (0,194)
Посещение родительских собраний	40,2*	32,5	34,8	27,1*	46,4	32,7	13,1 (0,139)	–13,9 (–0,066)	2,1 (0,017)
Чтение	48,3*	41,5*	42,0	28,9*	25,3*	37,2	19,4 (0,200)	16,2 (0,120)	4,8 (0,047)
Физическая активность	43,6*	43,1	58,6*	23,5*	28,0	26,7*	20,1 (0,214)	15,1 (0,146)	31,9 (0,255)
Посещение врача	32,2*	23,2	30,5	18,0*	29,7	21,7	14,2 (0,162)	–6,5 (–0,026)	8,8 (0,087)
Проведение отпуска	79,6*	79,0*	86,1	49,4*	38,5*	60,3	30,2 (0,299)	40,5 (0,353)	25,8 (0,274)

* Статистика хи-квадрат значима на уровне 0,01.

Таблица 3

Оценка влияния родительского опыта на практики современных матерей, %

Практики	Положительный опыт			Отрицательный опыт			Разница		
	О	М	Др	О	М	Др	О	М	Др
Подготовка уроков	72,7	72,6*	75,9	64,8	55,2*	65,3	7,9 (0,086)	17,4 (0,148)	10,6 (0,106)
Посещение родительских собраний	94,9	94,5	92,6	93,5	86,7	94,1	1,4 (0,029)	7,8 (0,077)	–1,5 (–0,022)
Чтение	68,0*	66,0*	69,3*	57,1*	44,2*	59,9*	10,9 (0,113)	21,8 (0,152)	9,4 (0,097)
Физическая активность	39,9*	45,8*	54,4*	21,7*	20,8*	23,1*	18,2 (0,193)	25,0 (0,254)	31,3 (0,256)
Посещение врача	83,6	84,5	88,5	84,9	81,5	82,9	–1,3 (–0,017)	3,0 (0,015)	5,6 (0,071)
Проведение отпуска	87,5*	86,0*	91,3*	65,4*	56,3*	72,6*	22,1 (0,259)	29,7 (0,291)	18,7 (0,232)

* Статистика хи-квадрат значима на уровне 0,01.

¹² В процессе анализа были получены таблицы размерности 2 x 2 по отцам, матерям и другим родственникам в отдельности, что позволяет использовать коэффициент ф для оценки силы связи переменных. В тексте представлена сводная таблица.

¹³ Здесь и далее: О — родные и приемные отцы, М — родные и приемные матери, Др — другие родственники.

Отметим, что родители с высшим образованием, особенно отцы, менее активно транслируют родительские практики, вероятно, это связано с тем, что они больше опираются на опыт, полученный в ходе социализации вне семьи. Так, например, родители с высшим образованием гораздо чаще обращаются к изучению информации о воспитании и уходе за ребенком, чем родители с более низким образовательным статусом (отцы — 25,2 и 10,8%, матери — 49,6 и 31,5% соответственно).

Для мужчин с высшим образованием статистически значимы влияние ретроспективных практик физической активности с отцами и другими родственниками, а также проведение отпуска с матерью (табл. 4). Для женщин с высшим образованием значима практика подготовки уроков с другими родственниками, в то время как практики физической активности с матерью являются незначимыми (табл. 5).

Таблица 4

Оценка влияния родительского опыта на практики современных отцов с высшим образованием, %

Практики	Положительный опыт			Отрицательный опыт			Разница		
	О	М	Др	О	М	Др	О	М	Др
Подготовка уроков	44,7	41,0	50,6*	31,9	28,6	31,4*	12,8 (0,131)	12,4 (0,087)	19,2 (0,189)
Посещение родительских собраний	50,3*	38,9	36,5	31,1*	62,5	41,2	19,2 (0,195)	-23,6 (-0,100)	-4,7 (-0,038)
Чтение	56,4*	50,3	52,9	40,6*	50,0	48,8	15,8 (0,154)	0,3 (0,002)	4,1 (0,041)
Физическая активность	51,1*	46,3	62,5	27,7*	38,1	36,1	23,4 (0,234)	8,2 (0,079)	26,4 (0,219)
Посещение врача	40,1*	30,7	35,1	25,7*	70,0	30,6	14,4 (0,152)	-39,3 (-0,129)	4,5 (0,043)
Проведение отпуска	83,2*	83,3*	87,8*	66,7*	50,0*	73,4*	16,5 (0,160)	33,3 (0,237)	14,4 (0,182)

* Статистика хи-квадрат значима на уровне 0,01.

Таблица 5

**Оценка влияния родительского опыта
на практики современных матерей с высшим образованием, %**

Практики	Положительный опыт			Отрицательный опыт			Разница		
	О	М	Др	О	М	Др	О	М	Др
Подготовка уроков	39,7	35,2	49,1*	28,7	28,3	26,8*	11,0 (0,115)	6,9 (0,054)	22,3 (0,218)
Посещение родительских собраний	39,7*	31,6	32,0	24,4*	42,1	33,3	15,3 (0,165)	-10,5 (-0,044)	-1,3 (-0,011)
Чтение	52,9*	48,1	47,7	38,5*	42,2	47,7	14,4 (0,143)	5,9 (0,038)	0,0 (0,001)
Физическая активность	43,4	40,3	58,3*	26,1	32,6	29,8*	17,3 (0,179)	7,7 (0,075)	-40,4 (0,231)
Посещение врача	38,2*	27,6	35,2	20,7*	41,7	26,3	17,5 (0,192)	-14,1 (-0,045)	8,9 (0,087)
Проведение отпуска	83,9*	83,7*	88,5*	65,8*	56,5*	72,1*	18,1 (0,190)	27,2 (0,231)	16,4 (0,204)

* Статистика хи-квадрат значима на уровне 0,01.

Еще бóльшие различия наблюдаются при выделении групп по типу населенного пункта¹⁴. На рисунках 1 и 2 приведены значения коэффициента ϕ для отцов и матерей, отражающие уровни трансляции родительских практик вовлеченности. Родители, проживающие в селе, склонны более активно транслировать родительские практики, чем горожане. Наиболее ярко этот процесс иллюстрируют пары «отец — сын», менее всего отцы транслируют практики своих городских матерей в городах. У женщин различия менее явные, но в селе показатели также выше, чем в городе. Самая заметно транслируемая практика в селе — как для матерей, так и для отцов — физическая активность с детьми, эта практика значимо транслируется по всем каналам.

¹⁴ Данные позволяют определить тип населенного пункта, в котором проживал респондент в момент опроса и при его рождении. Тем респондентам, которые родились в населенном пункте, отличном от места опроса, был присвоен тип населенного пункта при рождении, исходя из предположения о том, что процесс принятия родительских практик происходит в детском возрасте.

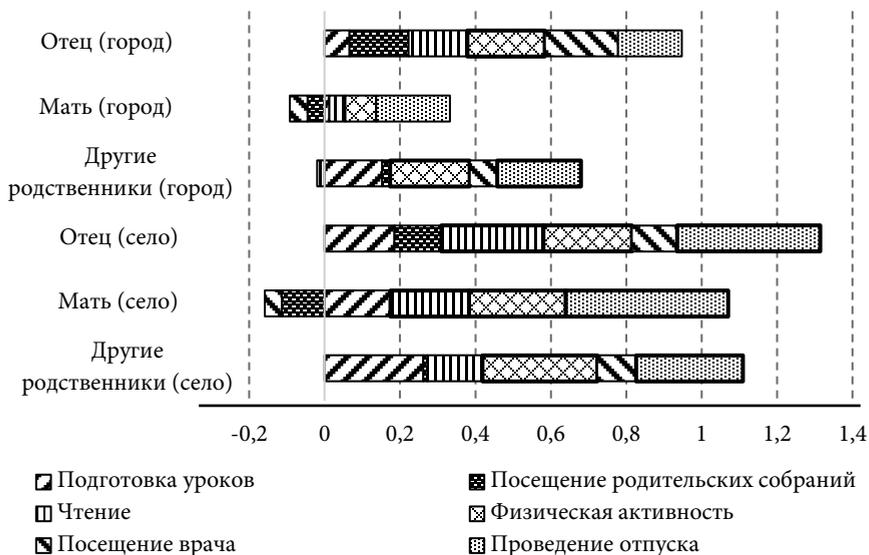

Рис. 1. Влияние ретроспективного опыта родительской вовлеченности на практики отцов в зависимости от типа населенного пункта¹⁵

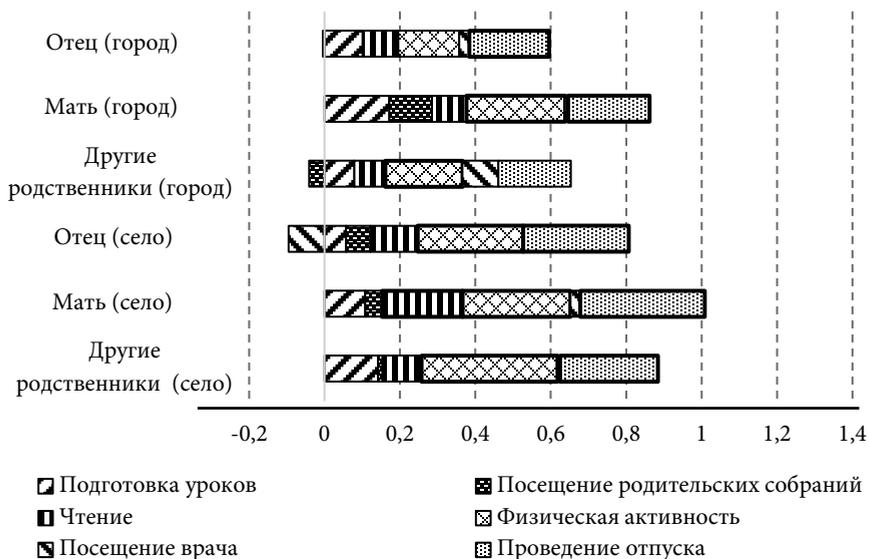

Рис. 2. Влияние ретроспективного опыта родительской вовлеченности на практики матерей в зависимости от типа населенного пункта

¹⁵ На рисунках 1, 2 выделены значения $\phi \geq 0,2$.

Возраст вступления в родительство также значим¹⁶ при передаче практик: для тех, у кого дети появились до 30 лет, родительский опыт имеет большее значение. Более позднее вступление в родительство означает, с одной стороны, больший накопленный жизненный опыт, а с другой — больший временной интервал по отношению к опыту, полученному в детстве. Для зрелых родителей значимой является только трансляция практики проведения совместного отдыха с ребенком, у матерей также оказалась значимой передача практик физической активности с другими родственниками. В то время как для матерей, родивших до 30 лет, значимыми становятся и практики физической активности по всем каналам трансляции. Те, кто впервые стал отцом в молодом возрасте, унаследовали от родственников практики подготовки уроков и физической активности с ребенком, а от отцов — практики чтения, посещения врача и опять же практики физической активности.

В продолжение темы родительского опыта интересен также ракурс очередности рождений детей, в отношении которых воспроизводятся родительские практики. С этой целью выборка была разделена на две группы: старшие (в том числе единственные) дети и все остальные. Выяснилось, что со старшими и единственными детьми мужчины реже склонны транслировать родительский опыт, внося, вероятно, в свое отцовство больше новизны и экспериментов, в то время как во взаимодействии с последующими детьми чаще проявляется опыт, полученный в детстве (в основном от отца и других родственников). Особенность материнского транслируемого опыта заключается в более частом воспроизводстве практик физической активности со старшими, чем с младшими детьми, что, очевидно, связано с объемом физических ресурсов матерей, имеющих одного и нескольких детей. Практики проведения отпуска воспроизводятся обоими родителями и со старшими, и с младшими детьми, при этом наиболее высокие показатели у отцов в отношении старших детей ($\phi \geq 0,3$).

Примечательно, что пол ребенка также имеет значение при воспроизводстве родительского опыта, причем статистически значимыми являются исключительно внутригендерные каналы передачи. Так, отцы, к которым их отцы приходили на родительские собрания, с большей вероятностью транслируют этот опыт в отношении собственных сыновей. Аналогичная ситуация наблюдается в практике посещения врача с ребенком. Матери же, в свою очередь, с большей вероятностью транслируют практику подготовки уроков с дочерьми, унаследованную от собственных матерей. Трансляция практик, полученных от других родственников, не имеет статистически значимых различий по полу ребенка, в отношении которого она применяется.

Оценим общий уровень родительской вовлеченности по шкале от 0 до 9¹⁷, где 0 — абсолютная невовлеченность взрослого (не включен

¹⁶ Далее приводятся практики, имеющие коэффициент ϕ не менее 0,2.

¹⁷ В показатель уровня общей родительской вовлеченности, помимо исследуемых в работе, были также включены следующие практики современных родителей: *творческие занятия с детьми, дополнительные занятия по школьным предметам, а также изучение информации об уходе и воспитании.*

ни в одну из практик), а 9 — максимальная вовлеченность (включен во все виды практик, зафиксированных в исследовании). В среднем этот показатель составляет 2,17 для отцов, 4,38 — для матерей, 1,29 — для других родственников, а суммарный для всех включенных взрослых — соответственно 7,84. Проанализируем, как ретроспективные практики связаны с уровнем родительской вовлеченности, при этом примем во внимание также частоту ретроспективных практик.

Неожиданным стал результат, показавший, что наиболее высокий общий уровень родительской вовлеченности — как отцов, так и матерей — связан с такими ретроспективными практиками других родственников, как посещение родительских собраний, врача и физическая активность («часто» — для отцов и «иногда» — для матерей). С учетом специфичности набора практик и их высокой частотности есть основания полагать, что эти родственники брали на себя основные родительские функции, заложив основу качественных детско-родительских отношений.

Заключение

Отметим, что полученные результаты, основанные на анализе ретроспективного опыта, следует трактовать с осторожностью. В первую очередь в связи с тем, что ответы на вопросы о детском и родительском опыте охватывают различный период времени. Если о практиках современных родителей мы задавали вопрос, охватывая лишь 12-месячный период, то, вспоминая собственный детский опыт, нынешние родители могут обращаться ко всему периоду детства. Кроме того, исследователи, занимавшиеся изучением трансляции родительских практик, неоднократно подчеркивали, что воспоминания детства и юности могут быть подвержены искажениям из-за текущего эмоционального состояния, изменившегося с возрастом восприятия, а также под влиянием собственного поведения и практик. В работе, основанной на анализе согласованности трех источников — исходной информации, ретроспективных отчетов матерей и детей, — показано, что ретроспективные данные имеют существенные ограничения и расхождения по сравнению с исходной информацией [32].

Решением этой проблемы может стать дальнейшее исследование межпоколенческой трансляции родительских практик на базе РМЭЗ НИУ ВШЭ. Данные охватывают 30-летний период, их лонгитюдный характер позволяет сопоставить соответствующие показатели детей и родителей.

Важно также отметить, что анализируемые данные позволили проследить передачу практик только в тех семьях, в которых один или оба родителя проживают вместе с ребенком. Информация о практиках родителей (чаще отцов), проживающих отдельно, не анализировалась ввиду отсутствия данных об их ретроспективном опыте.

Тем не менее проведенный анализ позволил сделать ряд выводов, которые в целом согласуются с результатами, полученными исследователями ранее. Эмпирически подтвержден факт трансляции практик

родительской вовлеченности, выявлены ключевые факторы, детерминирующие изучаемый процесс. Анализ показал, что матери демонстрируют значительно более высокий уровень вовлеченности (в обоих поколениях), однако нельзя не отметить, что те же данные фиксируют значимый рост уровня вовлеченности современных отцов по сравнению с предыдущими поколениями [6]. Практики женщин в большей степени подвержены влиянию материнского опыта, в то время как мужчины более склонны транслировать опыт, полученный от собственных отцов. Иные факторы — образование, место проживания, возраст родителей при рождении первенца и общее число детей в семье — связаны с объемом жизненного опыта или с более длительным периодом взаимодействия с детьми.

Таким образом, родительские практики представляют собой сложный конструкт [20], на него оказывают влияние как личный предшествующий опыт, почерпнутый в собственной семье, так и среда, в которой эти практики реализуются. В терминах М. Мид это согласуется с пост-фигуративным и кофигуративным типами культуры [10], при конфликтах и взаимодействии между которыми возникает новый уникальный опыт. Этот процесс подробно описывает Ортега-и-Гассет, отмечая, что «исконно свойственная поколениям полемика, понимаемая как историческая норма, и есть своеобразная преемственность, обучение, сотрудничество, развитие достигнутого» [11, с. 269]. Полученный в детстве опыт закладывает основу будущего родительства, однако не является всеобъемлющим. Последующий жизненный опыт, внешние факторы и среда формируют новый уникальный родительский стиль и набор родительских практик, реализуемых в отношении собственных детей.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дорофеева Злата Евгеньевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра лонгитюдных обследований Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.
Телефон: +7 (495) 772-95-90*12708. **Электронная почта:** zdorofeeva@hse.ru

Козырева Полина Михайловна — доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН; заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Телефон: +7 (499) 128-27-30. **Электронная почта:** pkozyreva@isras.ru

Research Article

ZLATA Y. DOROFEEVA^{1,2}, POLINA M. KOZYREVA^{2,1}

¹ HSE University.

20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

² Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, building 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

INTERGENERATIONAL TRANSMISSION OF PARENTAL INVOLVEMENT PRACTICES IN CHILDREN'S DEVELOPMENT

Abstract. Using data from the 30th wave of the “The Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS–HSE)”, the process of intergenerational transmission of parental involvement practices is analyzed by comparing data on current practices involving children with those of parents’ retrospective experiences. The analysis showed that mothers in both generations are more involved in interaction with children than fathers, and the most significant channels for the transmission of parental practices are mother-to-daughter and father-to-son, while the retrospective frequency of father’s involvement is also important for the “father-son” pair. The study reveals factors influencing the transmission process: higher education, urban residence, and having your firstborn at a later age reduce its level, probably due to broader life experience utilized in parenting. It is shown that mothers consistently engage in practices such as attending parent-teacher meetings and taking their children to the doctor, while these practices are less common for fathers and may be influenced by personal experiences and external factors. The practice of taking vacations with a child and physical activity are the most dependent on retrospective experience for both parents, while the reading experience gained from their own father is also important for men. The overall level of parental involvement has been found to be positively correlated with similar practices among other relatives, indicating the involvement of grandmothers in the lives of previous generations. In general, the overall level of engagement of modern parents is consistent with a similar retrospective indicator.

Keywords: intergenerational transmission; parental involvement; parenthood; parental practices; RLMS–HSE.

For citation: Dorofeeva, Z.Y., Kozyreva, P.M. Intergenerational Transmission of Parental Involvement Practices in Children’s Development. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 4. P. 33–53. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.2

Acknowledgments. The article uses the results of the projects carried out within the framework of the Basic Research Program of HSE University.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zlata Y. Dorofeeva — Candidate of Sociological Sciences, Researcher, Center for Longitudinal Studies, Institute for Social Policy, National Research University Higher School of Economics; Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7(495)772-95-90*12708 **Email:** zdorofeeva@hse.ru

Polina M. Kozyreva — Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy, HSE University. **Phone:** +7 (499) 128-27-30. **Email:** pkozyreva@isras.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Безрукова О.Н., Самойлова В.А.* Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 94–106. DOI: 10.31857/S013216250016969-8. EDN: CFGOJB

- Bezrukova O.N., Samoilova V.A. Fatherhood in Modern Russia: Meanings, Values, Practices and Intergenerational Translation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 2. P. 94–106. DOI: 10.31857/S013216250016969-8 (In Russ.)
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы / Пер. с англ.; Общ. ред. М.С. Мацковского; Послесл. Л.Г. Ионина, М.С. Мацковского. М.: Прогресс, 1988. — 400 с.
Berne E. *Games People Play: The Psychology of Human Relationships; What do You Say After You Say Hello. The Psychology of Human Destiny*. Transl. from Eng.; Ed. by M.S. Matskovskii; Foreword by L.G. Ionin, M.S. Matskovskii. Moscow: Progress publ., 1988. 400 p. (In Russ.)
3. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 169–183.
Weber M. Basic Concepts of Stratification. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1994. No. 5. P. 169–183. (In Russ.)
4. Дивисенко К.С., Белов А.Э., Дивисенко О.В. Трансляция религиозности в семье от родителей к детям: аналитический обзор исследований // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 4. С. 75–92. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6098. EDN: YROUHB
Divisenko K.S., Belov A.E., Divisenko O.V. Transmission of Religiousness in the Family from Parents to Children: An Analytical Review of Studies. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 4. P. 75–92. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6098 (In Russ.)
5. Дорофеева З.Е., Козырева П.М. Вовлеченность современных родителей в практики, связанные с детьми // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 2. С. 115–131. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.8 EDN: PRHJIV
Dorofeeva Z.E., Kozyreva P.M. Involvement of Modern Parents in Practices Related to Children. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 115–131. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.8 (In Russ.)
6. Дорофеева З.Е., Козырева П.М. Трансформация практик вовлеченности родителей в жизнь детей // Социологические исследования. 2023. № 8. С. 86–100. DOI: 10.31857/S013216250027370-0. EDN: VBDNOL
Dorofeeva Z.E., Kozyreva P.M. Transformation of Parental Involvement in the Children's Lives. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023. No. 8. P. 86–100. DOI: 10.31857/S013216250027370-0 (In Russ.)
7. Дубров Д.И., Татарко А.Н. Межпоколенная трансмиссия ценностей в городской и сельской среде // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 2. С. 299–309. DOI: 10.17323/1813-8918-2016-2-299-309. EDN: XBSVID
Dubrov D.I., Tatarko A.N. Intergenerational Value Transmission in Urban and Rural Area. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2016. Vol. 13. No. 2. P. 299–309. DOI: 10.17323/1813-8918-2016-2-299-309 (In Russ.)

8. *Ильдарханова Ч.И., Барсуков В.Н.* Особенности и модели передачи отцовских установок между поколениями: опыт социологического анализа // Казанский экономический вестник. 2020. № 6 (50). С. 100–110. EDN: ZMBNJK
Ильдарханова Ч.И., Barsukov V.N. Specific Features and Models of the Transfer of the Paternal Attitudes between Generations: The Experience of Sociological Analysis. *Kazanskii ekonomicheskii vestnik*. 2020. No. 6 (50). P. 100–110. (In Russ.)
9. *Карпова В.М.* Особенности межпоколенной трансляции семейных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 3. С. 117–139. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-117-139. EDN: IFVHIU
Karpova V.M. Features of the Intergenerational Transmission of Family Values. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2019. Vol. 25. No. 3. P. 117–139. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-117-139 (In Russ.)
10. *Мид М.* Культура и мир детства: Избранные произведения / Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Асеева; Сост. и послесл. И.С. Кона М.: Наука, 1988. — 429 с.
Mead M. *Growing Up in New Guinea: A Comparative Study of Primitive Education: Selected Works*. Transl. from Eng. by Y.A. Aseev, Foreword., comp. by I.S. Kon. Moscow: Nauka publ., 1988. 429 p. (In Russ.)
11. *Ортега-у-Гассет Х.* Избранные труды / Пер. с исп.; Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. 2-е изд. М.: Весь Мир, 2000. — 704 с.
Ortega y Gasset J. *Selected Works*. Transl. from Span.; Comp. and ed. by A.M. Rutkevich. Moscow: Ves' mir publ., 2000. 704 p. (In Russ.)
12. *Радаев В.В.* Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. — 224 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1 EDN: STOTFS
Radaev V.V. *Millenials: How the Russian Society Changes*. Moscow: Publ. House of HSE, 2019. 224 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1 (In Russ.)
13. *Руднев М.Г., Савелькаева А.С.* Передача базовых ценностей внутри семьи: концептуализация и пилотное исследование // XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: В 4 кн. / Отв. ред.: Е.Г. Ясин. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. Кн. 3. С. 397–404. EDN: VYKTTL
Rudnev M.G., Savel'kaeva A.S. Transmission of Core Values within the Family: Conceptualization and Pilot Study. *XV April International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development: In 4 Vols*. Ed. by E.G. Yasin. Moscow: Publ. House of HSE, 2015. Vol. 3. P. 397–404. (In Russ.)
14. *Сапоровская М.В.* Теория и практика исследования межпоколенной связи в семейном контексте // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2010. № 1 (9) [электронный ресурс]. Дата обращения

18.07.2024. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/939/821>
EDN: KZULYT

Saporovskaya M.V. Methodology, Theory and Practice of Studying Inter-generational relation in Family Context. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 2010. No. 1 (9). Accessed 18.07.2024. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/939/821> (In Russ.)

15. Сорокин П.А. Социальная мобильность / Пер. с англ. М.В. Соколовой; Под общ. ред. В.В. Сапова. М.: Academia; LVS, 2005. — 588 с. EDN: QOEGUT

Sorokin P.A. *Social Mobility*. Trans. from Eng. by M.V. Sokolova. Ed. by V.V. Sapov. Moscow: Academia; LVS publ., 2005. 588 p. (In Russ.)

16. Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика / Пер. с англ. А. Боковикова; Под ред. К. Бейкер, А.Я. Варги; Под общ. ред. В.И. Белопольского. М.: Когито-Центр, 2005. — 496 с.

Murray Bowen's Theory of Family Systems: Basic Concepts, Methods and Clinical Practice. Trans. from Eng. by A. Bokovikov, Ed. by K. Beiker, A.Ya. Vargi, Head ed. V.I. Belopol'skii. Moscow: Kogito-Tsentr publ., 2005. 496 p. (In Russ.)

17. Чодороу Н. Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера / Пер. с англ. Гиль Сон И. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. — 496 с.

Chodorow N. *The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender*. Trans. from Eng. by Gil' Son I. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) publ., 2006. 496 p. (In Russ.)

18. Шютценбергер А.А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы / Пер. с фр. И.К. Масалков; Науч. ред. М. Бурняшев. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2011. — 256 с.

Schützenberger A.A. *Ancestral Syndrome: Transgenerational Connections, Family Secrets, Anniversary Syndrome, Trauma Transmission and Practical Use of the Genosociogram*. Trans. from Fr. by I.K. Masalkov. Ed. by M. Burnyashev. Moscow: Institute of Psychotherapy publ., 2011. 256 p. (In Russ.)

19. Assink M., Spruit A., Schuts M., Lindauer R., et al. The Intergenerational Transmission of Child Maltreatment: A Three-Level Meta-Analysis. *Child Abuse & Neglect*. 2018. No. 84. P. 131–145. DOI: 10.1016/j.chiabu.2018.07.037

20. Belsky J. The Determinants of Parenting: A Process Model. *Child Development*. 1984. No. 55 (1). P. 83–96. DOI: 10.2307/1129836

21. Belsky J., Conger R., Capaldi D.M. The Intergenerational Transmission of Parenting: Introduction to the Special Section. *Developmental Psychology*. 2009. Vol. 45. No. 5. P. 1201–1204. DOI: 10.1037/a0016245

22. Becker G., Tomes N. Human Capital and the Rise and Fall of Families. *Journal of Labor Economics*. 1986. Vol. 4. No. 3. Pt. 2: The Family and the Distribution of Economic Rewards. P. S1–S39. DOI: 10.1086/298118

23. Borisov G., Pissarides C. The Intergenerational Transmission of Human Capital and Earnings in Contemporary Russia. *IZA Discussion Papers No. 10300*. Oct. 2016. Accessed 18.07.2024. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/149159/1/dp10300.pdf>
24. Chen Z., Kaplan H.B. Intergenerational Transmission of Constructive Parenting. *Journal of Marriage and Family*. 2001. Vol. 63. No. 1. P. 17–31. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2001.00017.x
25. Denisova I.A., Kartseva M.A. Intergenerational Mobility of Russian Households. *Free Network. Policy Brief Series*. 2017. Accessed 18.07.2024. URL: https://freepolicybriefs.org/wp-content/uploads/2017/05/FREEPolicyBrief_May2.pdf
26. Egeland B., Jacobvitz D., Papatola K. Intergenerational Continuity of Abuse. *Child Abuse and Neglect: Biosocial Dimensions*. Ed. by R. Gelles, J. Lancaster. N.-Y.: Aldine, 1987. P. 255–276. DOI: 10.1016/0145-2134(87)90084-6
27. Gelso C.J., Birk J.M., Powers R. Intergenerational Relationships in the Development of Child Rearing Attitudes. *The Journal of Genetic Psychology: Research and Theory on Human Development*. 1978. Vol. 133. No. 1. P. 31–41. DOI: 10.1080/00221325.1978.10533355
28. Putallaz M., Costanzo P.R., Grimes C.L., Sherman D.M. Intergenerational Continuities and Their Influences on Children’s Social Development. *Social Development*. 1998. Vol. 7. Iss. 3. P. 389–427. DOI: 10.1111/1467-9507.00074
29. Schönplflug U. *Cultural Transmission: Psychological, Developmental, Social, and Methodological Aspects*. Cambridge University Press. 2008. 510 p. DOI: 10.1017/cbo9780511804670.
30. Serbin L., Karp J. Intergenerational Studies of Parenting and the Transfer of Risk from Parent to Child. *Current Directions in Psychological Science*. 2003. Vol. 12. No. 4. P. 138–142. DOI: 10.1111/1467-8721.01249
31. Shaffer A., Burt K.B., Obradović J., Herbers J.E., et al. Intergenerational Continuity in Parenting Quality: The Mediating Role of Social Competence. *Developmental Psychology*. 2009. Vol. 45. No. 5. P. 1227–1240. DOI: 10.1037/a0015361
32. Yarrow M.R., Campbell J.D., Burton R.V. Recollections of Childhood: A Study of the Retrospective Method. *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 1970. Vol. 35. No. 5. P. 1–83. DOI: 10.2307/1165649

Дата поступления: 22.07.2024; поступила после рецензирования и доработки: 17.10.2024; принята к публикации: 23.10.2024.

Received: 22.07.2024; revised after review: 17.10.2024; accepted for publication: 23.10.2024.

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.3

EDN: KEKQZB

*П. Д. ГУСЕВА*¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
101000, Москва, Мясницкая ул., д. 11.

ДЕМОНСТРАЦИИ КАК ФОРМА НЕИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ: СВЯЗЬ С ДОВЕРИЕМ К ИНСТИТУТАМ И РИСКАМИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА (по данным европейского социального исследования, 2020–2022)¹

Аннотация. В последнее время отмечается снижение участия граждан в голосовании на выборах и членства в партиях — институционализированных и глубоко укорененных в политической системе форм политической активности. Альтернативой им становятся такие формы, как участие в демонстрациях, забастовках, бойкотах и подписании петиций, которые, являясь менее институционализированными, позволяют гражданам влиять на политические решения, сохраняя дистанцированность от политической системы. Доверие к политическим институтам считается необходимым для участия в политической жизни, поскольку оно создает позитивное отношение к политической системе и предотвращает отчуждение от политики в ее институционализированных формах. Однако политическое недоверие способствует критическому восприятию политических элит, что может привести к расширению неинституционализированного политического участия. В то же время исследователи отмечают влияние на политическое участие не только переменных индивидуального уровня, но и особенностей странового уровня — характеристик политической системы, в рамках которой реализуется политическое участие. Цель данной статьи — выяснить, является ли отсутствие доверия к политическим институтам предпосылкой или препятствием для участия в политике и как характеристики политиче-

¹ Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

ского режима страны связаны с политическим участием граждан, на примере участия в демонстрациях. Результаты анализа данных Европейского социального исследования и V-Dem показывают, что участие в общественных демонстрациях негативно связано с доверием к политическим институтам. Кроме того, обнаружена связь двух характеристик политического режима с участием в демонстрациях — в странах с большей доступностью правосудия и более высоким уровнем физического насилия граждане более склонны к исследуемой форме политической активности.

Ключевые слова: политическое доверие/недоверие; формы политического участия; институционализированное политическое участие; неинституционализированное политическое участие; Европейское социальное исследование; V-Dem; многоуровневый регрессионный анализ.

Для цитирования: Гусева П.Д. Демонстрации как форма неинституционализированного политического участия: связь с доверием к институтам и рисками политического режима (по данным европейского социального исследования, 2020–2022) // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 4. С. 54–78. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.3 EDN: KEKQZB

Введение

В последнее десятилетие исследователи отмечают снижение участия граждан в таких формах политической активности, как голосование на выборах и членство в партиях [8]. При этом появляются и набирают все большую популярность новые формы политического участия, например онлайн-активизм, политическое потребление и подписание петиций [1; 34]. Так, некоторые исследователи подчеркивают изменение отношений между людьми и правительством, к которым политические системы вынуждены адаптироваться [39]. И хотя различие между традиционным и нетрадиционным политическим участием четко не определено, их институциональный анализ может пролить свет на происходящие сдвиги в отношениях между политическими системами и гражданами [30; 44]. С этой точки зрения голосование на выборах и участие в партиях считаются институционализированными и глубоко укорененными в политической системе. В то же время участие в демонстрациях, забастовках или бойкотах и подписание петиций, особенно онлайн, гораздо менее институционализированы и позволяют их участникам влиять на политические решения, оставаясь при этом дистанцированными и в некоторой мере независимыми от политических систем [35].

Предыдущие исследования политического участия были сосредоточены в основном на социально-экономических и социокультурных характеристиках респондентов [21; 33; 45]. Однако во многих работах также рассматривается доверие к политическим институтам как важный фактор политической активности граждан в связи с тем, что роль доверия в политическом участии может варьироваться в зависимости от формы такого участия [14; 23; 35; 40]. С одной стороны, доверие к по-

литическим институтам считается важным для политического участия, поскольку оно создает позитивное отношение к политической системе и предотвращает отчуждение граждан от политики в ее институционализованных формах [3]. С другой стороны, политическое недоверие способствует критическому восприятию политических элит, что может привести к росту неинституционализованного политического участия [27]. При этом часть исследователей отмечают влияние на политическое участие не только таких переменных индивидуального уровня, как доверие, но и особенностей странового уровня — характеристик политической системы, в рамках которой реализуется политическое участие [9; 31; 41]. Поскольку вопрос о том, является ли отсутствие политического доверия предпосылкой или препятствием для участия в политической жизни, спорный, цель данного исследования заключается в выявлении взаимосвязи политического участия с доверием к политическим институтам и особенностями политического режима страны.

Первая часть статьи посвящена работам, рассматривающим взаимосвязь между политическим доверием и институционализированными и неинституционализированными формами политического участия, на основе которых выдвигаются гипотезы исследования. Вторая часть фокусируется на социально-демографических характеристиках граждан как предикторах политического участия, что необходимо для выявления контрольных переменных. Далее на основе анализа данных Европейского социального исследования и данных V-Dem делаются выводы о взаимосвязи неинституционализованного политического участия в форме демонстраций с доверием к политическим институтам и характеристиками политического режима.

Политическое доверие и формы политического участия

Упадок институционализированных форм политического участия вызвал у западных политических исследователей обеспокоенность стабильностью демократических политических систем. С одной стороны, такая тенденция может быть связана со снижением доверия к политическим институтам, которое традиционно считалось необходимым условием политического участия. Эту классическую точку зрения поддерживают Дж. А. Алмонд и С. Верба [3], которые утверждают, что позитивное отношение к политической системе необходимо для участия граждан в любой форме политической активности. Негативная оценка политической сферы ведет к отчуждению от политики и препятствует политическому участию [3], что, в свою очередь, снижает эффективность системы и ставит под сомнение ее легитимность [25]. Поскольку активное участие граждан в политической жизни государства считается важным для демократических режимов, снижение уровня политического участия может представлять угрозу их стабильности.

С другой стороны, политическое недоверие может привести к распространению неинституционализированных форм политического

участия из-за более критического отношения граждан к политическим элитам. М. Каазе предположил, что «разочарование результатами “нормального” политического процесса... побуждает людей к нетрадиционной вовлеченности» [27, с. 16]. Поэтому снижение уровня политического доверия не порождает у граждан политического отчуждения. Наоборот, оно склоняет их к поиску новых форм политического участия, способствующих более эффективному взаимодействию с властью и политическими элитами в условиях, когда традиционные формы участия, такие как голосование и членство в партиях, не позволяют желаемым образом влиять на политические процессы и решения [47].

В связи с этим представляется полезным упомянутое во введении разделение некоторыми авторами форм политического участия на институционализованные и неинституционализованные. Так, под первыми понимаются те активности, которые организуются или регулируются членами политической элиты [26] и участники которых становятся частью политической системы, напрямую воздействуя на нее [35]. Вторые — формы, в которых участники «сохраняют некоторую дистанцию от политической системы, пытаясь косвенно влиять на принятие политических решений или вовсе обходя политическую систему» [35, с. 188]. Данное разделение подтверждается также и эмпирически. Например, М. Хуге и С. Мариен провели многоуровневый анализ на основе 6-го раунда Европейского социального исследования (European Social Survey — ESS), чтобы изучить взаимосвязь между политическим доверием и участием в политике в 25 европейских странах. Основываясь на результатах факторного анализа, авторы предлагают следующее разделение политических активностей на институционализованные и неинституционализованные. К первым были отнесены членство в партиях, участие в работе политической партии или инициативной группы и обращение к политику или в органы власти, ко вторым — подписание петиций, бойкотирование товаров или услуг и участие в демонстрациях. Также как отдельный вид участия было выделено голосование на выборах в связи с тем, что данная форма является наиболее распространенной и, в отличие от других форм, законодательно ограничена во времени, частоте и целях. Результаты исследования показали, что голосование на выборах и институционализованное политическое участие положительно связаны с политическим доверием, тогда как неинституционализованное — отрицательно [24]. Аналогичное распределение форм политического участия на институционализованные и неинституционализованные также было подтверждено и в более поздних исследованиях, проводившихся на 4-й и 8-й волнах ESS [29; 49].

Несмотря на растущее разнообразие неинституционализованных форм политического участия, демонстрации остаются одной из важнейших активностей, которая позволяет гражданам влиять на политику в период между выборами. Особенно это актуально для ряда

европейских стран, где отмечается некоторая «нормализация протеста». Так, в Северной и Южной Европе с начала 2000-х гг. протестная активность, по большей части связанная с левым движением, стала достаточно распространенным явлением [9]. При этом, даже в условиях общего снижения уровня протестной активности с начала пандемии COVID-19, в восточноевропейских странах количество протестных акций во время первой волны коронавируса в 2020 г. оставалось сравнимым с доковидным периодом и даже возросло больше, чем на 20%, во время второй волны заболевания. Наиболее частыми темами протестных движений в Европе, помимо связанных с коронавирусом проблем — локдауна и здравоохранения, стали вопросы экономики, политики (снижение уровня демократии, политические скандалы, оппозиционные движения), культурного либерализма (например, борьба за права женщин и меньшинств), охраны окружающей среды, иммиграция и политика Евросоюза [32].

Данное исследование фокусируется именно на участии в общественных демонстрациях как одной из наиболее заметных форм неинституционализованного политического участия. Так как такое участие в целом негативно связано с политическим доверием, можно предположить, что участие в демонстрациях также будет более свойственно тем гражданам, которые в меньшей степени доверяют политическим институтам.

Гипотеза 1. Доверие к политическим институтам отрицательно связано с участием в общественных демонстрациях как форме неинституционализованного политического участия.

Однако связь между неинституционализованным политическим участием и доверием к политическим институтам не так однозначна. Результаты исследования Т. Гайдите и Дж. Муиса [23], также основанные на анализе данных ESS 7-го раунда, показывают более сложную взаимосвязь между доверием и политическим участием. Исследователи сосредотачиваются как на политическом, так и на социальном доверии и показывают, что обе переменные положительно связаны только с одной, институционализованной, формой политического участия — явкой избирателей на выборы. В то же время прямой связи неинституционализованного политического участия с политическим и социальным доверием обнаружено не было. Авторы связывают это с тем, что два данных типа доверия коррелируют друг с другом, и делают вывод: доверие не стимулирует участие в неинституционализованных политических действиях напрямую. Это противоречит результатам предыдущих исследований [24]. Неоднозначность представленных выводов обусловлена сложным характером политической мобилизации как социального явления. Давно обсуждается, что политическая активность и вовлеченность — результат взаимодействия многих различных факторов. Помимо доверия, в рамках предыдущих

исследований были рассмотрены такие переменные, как социально-демографические характеристики граждан [4; 38; 42; 43], политический интерес [7; 36], политическая бестактность [48], медиапотребление [7], ценностные ориентации [13; 19] и многие другие.

Тем не менее политическое участие связано не только с индивидуальными характеристиками людей, но и с особенностями политической системы, в рамках которой они организуют свою активность [9]. Современные работы обращают внимание на изучение роли политического контекста, так как он определяет направление связи между политическим участием и характеристиками индивида [29], в том числе доверием [31; 41]. Так, например, предыдущие исследования показали, что доступность правовых институтов для граждан дает им возможность требовать более прозрачного правительства и способствует более активному гражданскому участию [11; 17], а позитивная оценка полиции увеличивает вероятность политического участия среди граждан, имеющих опыт ненасильственного личного взаимодействия с ее представителями [15]. С другой стороны, если говорить об участии в демонстрациях, такая активная и массовая форма политической деятельности предполагает физический контакт как с другими участниками, так и с органами охраны правопорядка и может заканчиваться насильственными конфликтами между сторонами и арестами. Но несмотря на насильственные действия полиции и несправедливую судебную систему, которые могут привести к недоверию этим политическим институтам, граждане продолжают ходить на демонстрации [12]. Такие разные результаты могут быть связаны с тем, что в целом уверенность в политической системе нелинейно связана с политическим участием. Граждане, умеренно убежденные в том, что политическая система их страны работает как положено и общество достаточно справедливо, в большей степени склонны голосовать на выборах и принимать участие в демонстрациях, чем те, кто выражает большую или меньшую уверенность в системе. Более того, данный паттерн зависит также и от особенностей политической системы страны [16].

Таким образом, в продолжение изучения контекста политического участия, в данной статье исследуется предположение о том, что, хотя в целом политическое доверие негативно связано с неинституционализированным политическим участием в форме демонстраций, этот эффект может различаться в зависимости от характеристик политического режима. Данное исследование сосредоточивается на двух особенностях политической системы, проявляющихся в контексте участия граждан в демонстрациях, а именно: доступности правосудия и физическом насилии со стороны государства, его институтов и их представителей.

Гипотеза 2.1. Чем выше уровень доступности правосудия, тем более граждане склонны принимать участие в общественных демонстрациях.

Гипотеза 2.2. Чем выше уровень физического насилия (ниже индекс физического насилия), тем более граждане склонны принимать участие в общественных демонстрациях.

Социально-демографические факторы политического участия

Отдельно нельзя не рассмотреть социально-демографические характеристики граждан как переменные, связанные с политическим участием. Как показали предыдущие исследования, пол, возраст, уровень образования и доход — одни из важнейших факторов, влияющих на политическое участие как в более, так и в менее традиционных формах. Что касается гендерных различий в политическом участии, то мужчины являются более активными и знающими участниками, чем женщины [28]. Хотя, если говорить о различных формах политического участия, то женщины более активны в частной политической деятельности, такой как подписание петиций, политическое потребление и денежные пожертвования. С другой стороны, мужчины чаще становятся членами партий, участвуют в коллективных формах политической деятельности (участие в демонстрациях и митингах), чаще вступают в контакт с политиками [18]. Таким образом, как институционализированные, так и неинституционализированные формы политического участия тесно связаны с полом, но также зависят и от конкретного вида деятельности.

Возраст является другим значимым фактором политического участия. Было продемонстрировано, что люди старшего возраста, как правило, более активно участвуют в выборах, чем представители молодого поколения, поскольку последние менее вовлечены в политику в целом [38]. Однако некоторые исследователи предполагают, что молодые люди склонны участвовать в неинституционализированных формах политической деятельности, а не в институционализированных. Тем не менее результаты существующих исследований неоднозначны [50]. В то время как некоторые работы не показывают влияния разницы в возрасте на нетрадиционные формы политического участия [43], другие обнаруживают некоторую ее связь с политической активностью в Интернете — например обсуждение и обмен политической информацией, а также присоединение к политическим группам в социальных медиа или их создание [22].

Образование также связано с политическим участием. В целом более образованные люди активнее участвуют в политике. Однако исследование, основанное на анализе данных по странам Западной Европы, показывает, что, несмотря на сокращение разрыва между гражданами с самым низким и с самым высоким уровнями образования, неравенство практик институционализированных форм политического участия, в частности в выборах, увеличивается [4]. Авторы связывают это явление с процессом индивидуализации. Участие граждан с низкими образовательными ресурсами требует социальной интеграции и социального контроля, которые могут дать им подсказки в принятии решений, в то время как лица с высокими образовательными ресурсами более независимы в этом процессе. Отсутствие социальной интеграции и социального контроля приводит к снижению вероятности политического участия малообразованных граждан. Что касается его

неинституционализированных форм, уровень образования становится еще более важным фактором, поскольку для участия в гражданских акциях и социальных движениях необходимы развитые когнитивные навыки и способность понимать сложные политические процессы [35]. Среди других социально-демографических характеристик образование оказывает наиболее существенное влияние на участие в демонстрациях, бойкотах и подписании петиций [43].

Еще одним важным предиктором политического участия является уровень дохода. В литературе широко обсуждалось, что группы граждан с более высокими доходами склонны активнее участвовать в голосовании. В регионах с высоким разрывом доходов в политической сфере преобладают более богатые граждане, чем в регионах с более равномерным распределением экономических ресурсов [42]. Та же картина наблюдается и с неизбирательными формами политического участия. Лица с более высоким уровнем дохода чаще занимаются неинституционализированной политической активностью [43].

Все описанные выше социально-демографические факторы рассматриваются как контрольные переменные, которые, помимо доверия к политическим институтам, могут быть связаны с участием в общественных демонстрациях как неинституционализированной форме политического участия.

Данные и методы

Исследование основано на 10-м раунде Европейского социального исследования (European Social Survey — ESS)², проведенного в 2020–2022 гг. ESS — это лонгитюдное межстрановое исследование, которое охватывает более 30 стран Европы. Опрос посвящен убеждениям, предпочтениям и мнениям жителей стран Европы по широкому кругу тем, таких как политические взгляды, религия, национальная идентичность, экология, благосостояние и многие другие. Набор данных также включает информацию о доверии к политическим институтам и участии в политической жизни страны, которые находятся в фокусе исследования.

Данные 10-го раунда ESS были собраны в ходе личных интервью с репрезентативными выборками населения 30 европейских стран. Всего в исследовании приняли участие 55 810 респондентов старше 14 лет. Общая доля ответов составила от 20,9% до 72,8%, со средним показателем около 40%. В опросе приняли участие 47,1% женщин и 52,9% мужчин, средний возраст респондентов составил 50,5 года. В целом по

² ESS Round 10: European Social Survey Round 10 Data. Data file edition 3.0. Sikt — Norwegian Agency for Shared Services in Education and Research, Norway — Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC. 2020. DOI: 10.21338/NSD-ESS10-2020. — <https://www.europeansocialsurvey.org/news/article/new-round-10-data-release>

всем странам большинство участников исследования имеют среднее образование и уровень их дохода находится в пятом-шестом дециле.

Переменные странового уровня были взяты из набора данных «Разновидности демократии» (Varieties of Democracy — V-Dem)³ версии 13 за 2021 и 2022 гг. в зависимости от года сбора данных в конкретной стране в ходе проведения 10-й волны ESS. Данный проект нацелен на измерение различных аспектов политических режимов, которые фиксируют принципы электоральной, либеральной, партисипаторной и делиберативной демократии. База данных представляет собой страновые измерения более чем по 600 переменным, построенным на основе экспертных оценок, включая агрегированные данные и отдельные индикаторы демократизации.

Переменные

Настоящее исследование посвящено участию в общественных демонстрациях как одной из важнейших форм неинституционализованного политического участия, в ходе которого граждане вовлечены в прямое взаимодействие с такими политическими институтами, как полиция, судебная система, правительство, политики и политические партии. Для измерения зависимой переменной — *участие в общественных демонстрациях* — использовался вопрос, в ответе на который респонденты указывали, принимали ли они участие в общественных демонстрациях в течение последних 12 месяцев. Участие было закодировано как 1, а неучастие — как 0.

В качестве независимых переменных были взяты различные формы политического доверия. В данном исследовании политическое доверие операционализируется как доверие к политическим институтам. Поскольку в работе рассматривается только одна форма неинституционализованного политического участия, а именно участие в общественных демонстрациях, для измерения политического доверия используется *доверие к политическим институтам*, наиболее активно вовлеченным в эту форму гражданской активности. Этими институтами являются *правовая система, полиция, правительство страны (парламент)*, а также *политики и политические партии* как одни из возможных организаторов таких демонстраций. Согласно выдвинутому выше предположению, доверие к ним необходимо для участия в демонстрациях, так как их участники должны быть уверены в справедливом отношении к себе со стороны представителей этих институтов. Все три компонента политического доверия измеряются по 11-балльной шкале: от 0 — «совершенно не доверяю» до 10 — «полностью доверяю». В целях анализа шкалы были перекодированы от 1 до 11, где более высокие баллы указывают на более высокий уровень доверия.

³ Coppedge M., Gerring J., Knutsen C.H., Lindberg S.I., Teorell J., Altman D., Bernhard M., et al. V-Dem Country-Year Dataset v13. 2023. — https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3802627

Описательная статистика по содержательным переменным представлена в таблице 1. Как видно из таблицы, в среднем по всем странам наиболее высокий уровень доверия наблюдается по отношению к полиции и правовой системе, а наиболее низкий — к политикам и политическим партиям.

Таблица 1

Описательные статистики по зависимой и независимым переменным

Зависимая и независимые переменные	Минимум	Максимум	Среднее значение	Медиана	Станд. отклонение
Участие в общественных демонстрациях	0	1	0,079	0	0,27
Доверие к парламенту	1	11	5,510	6	2,73
Доверие к правовой системе	1	11	6,240	6	2,83
Доверие к полиции	1	11	7,260	8	2,61
Доверие к политикам	1	11	4,480	4	2,52
Доверие к политическим партиям	1	11	4,470	4	2,46

В анализ также добавлены контрольные переменные — социально-демографические характеристики респондентов: *пол*, *возраст*, *уровень образования* и *уровень дохода*. Пол респондента был перекодирован в фиктивную переменную с 0 для мужчин и 1 для женщин (52,9% и 47,1% соответственно). Переменная «год рождения» для удобства интерпретации была перекодирована в возраст, измеряемый как количество лет на момент сбора данных (Mean = 50,52, Med = 51, SD = 18,57). Уровень образования респондентов кодировался по шкале от 1 до 7, где 1 — начальная школа и ниже, 2 — среднее неполное образование, 3 — неоконченное среднее полное образование, 4 — среднее полное образование, 5 — среднее профессиональное образование, 6 — бакалавриат, 7 — магистратура и выше (Mean = 4,24, Med = 4, SD = 1,79). В качестве показателя уровня дохода был взят общий чистый доход домохозяйства респондента, который измерялся по шкале от 1 до 10, где 1 — первый дециль, а 10 — десятый дециль (Mean = 5,54, Med = 6, SD = 2,73).

Для выявления взаимосвязи между участием в общественных демонстрациях и особенностями политического режима страны в исследовании используются две переменные странового уровня: *индекс*

физического насилия и доступ к правосудию. Данное исследование ограничивается только этими переменными, так как они непосредственно связаны с процессом участия в демонстрациях. Участники могут сталкиваться с физическим насилием со стороны правоохранительных органов как во время демонстрации, так и после — в случае задержания, а также в дальнейшем у них может возникнуть необходимость взаимодействия с судебной системой в случае административного или уголовного наказания, связанного с участием в демонстрации.

Индекс физического насилия показывает степень уважения физической неприкосновенности со стороны государства. Под таковой понимается свобода от политических убийств и пыток. Индекс основан на показателях, которые отражают насилие, совершаемое государственными агентами, и не имеют прямого отношения к выборам. Данный индекс рассчитывается как среднее значение двух индикаторов: свободы от пыток и свободы от политических убийств. Пытки определяются как «целенаправленное причинение сильной боли, душевной или физической, с целью получения информации или запугивания жертв, находящихся в заключении. В данном случае речь идет о пытках, применяемых государственными чиновниками или другими представителями государства (например, полицией, силами безопасности, тюремной охраной и военизированными группировками)» [20, с. 176]. «Политические убийства — это убийства, совершаемые государством или его агентами без соблюдения надлежащей правовой процедуры с целью устранения политических оппонентов. Эти убийства являются результатом преднамеренного применения силы полицией, силами безопасности, сотрудниками тюрем или другими представителями государства (включая военизированные группировки)» [20, с. 176]. Оба индикатора измеряются по пятибалльной шкале (где 0 — систематические пытки и политические убийства, 4 — отсутствие пыток и политических убийств), переведенной в интервальную.

Доступность правосудия представляет собой агрегированную переменную, рассчитанную как среднее значение безопасного и эффективного доступа к правосудию для мужчин и для женщин. Данная переменная определяет, насколько для мужчин и женщин возможно «обращаться в суд без риска для личной безопасности, насколько справедливы судебные разбирательства и насколько граждане имеют возможность эффективно добиваться возмещения ущерба, если государственные органы нарушают их права, включая право на адвоката, защиту и обжалование» [20, р. 179]. Оба индикатора измеряются по пятибалльной шкале (где 0 — «отсутствие безопасного и эффективного доступа к правосудию», 4 — «безопасный и эффективный доступ к правосудию практически всегда наблюдается»), переведенной в интервальную.

Обе переменные имеют интервал от 0 до 1, более высокие значения говорят о большей свободе от физического насилия со стороны государства, государственных политических институтов и акторов и о более безопасном и эффективном доступе к правосудию для граждан. Оба индекса смещены в сторону более высоких значений, что ограничивает вариативность выборки по данному параметру. Так, индекс физического насилия колеблется от 0,7 для Польши до 0,99 для Исландии, Швеции, Норвегии и Финляндии, среднее значение — 0,94. Показатель доступа к правосудию — от 0,66 для Северной Македонии до 0,99 для Германии, Бельгии и Швейцарии, среднее значение — 0,92. Значения данных индексов для каждой страны из данных ESS представлены на рисунках 1 и 2 в Приложении.

Результаты

С тем чтобы понять, как соотносятся между собой пять измеренных в исследовании индикаторов политического доверия — доверие к парламенту, правовой системе, полиции, политикам и политическим партиям, — были проведены анализ методом главных компонент (Principle Component Analysis — PCA), а также эксплораторный факторный анализ (Exploratory Factor Analysis — EFA). Результаты визуального анализа методом главных компонент выявили один или два фактора. При этом кумулятивный процент для одного фактора составил 70%. Эксплораторный факторный анализ для одного фактора продемонстрировал высокие факторные нагрузки (> 0,8) для трех индикаторов — доверие к парламенту, политикам и политическим партиям и средние (> 0,5) для доверия к правовой системе и к полиции (табл. 2).

Таблица 2

Факторный анализ

Индикаторы политического доверия	Факторные нагрузки
Доверие к парламенту	0,8
Доверие к правовой системе	0,67
Доверие к полиции	0,56
Доверие к политикам	0,94
Доверие к политическим партиям	0,91
Chi-squared	42 136
df	5
p-value	0

Дополнительно для выявления возможной мультиколлинеарности был проведен корреляционный анализ. Парные корреляции Пирсона для индикаторов политического доверия к различным институтам представлены в таблице 3. Так, все корреляции значимы на уровне

$p < 0,01$, положительны и варьируются от 0,45 до 0,87, что говорит о достаточной силе связи между индикаторами доверия к различным политическим институтам и акторам. Кроме того, для данных пяти индикаторов была рассчитана альфа Кронбаха, которая составила $\alpha = 0,89$, что является показателем высокой согласованности индикаторов и свидетельствует о возможности объединения их в одну переменную. Данные результаты соотносятся с методологией изменения политического доверия М. Хуге и С. Мариен [24], которые также на данных ESS выявили однофакторность данной переменной, хотя в случае 6-й волны факторные нагрузки всех пяти индикаторов были выше, чем в 10-й волне, которая анализируется в данной статье.

Таблица 3

Корреляционный анализ

Индикаторы политического доверия	Доверие к парламенту	Доверие к правовой системе	Доверие к полиции	Доверие к политикам	Доверие к политическим партиям
Доверие к парламенту	1,00				
Доверие к правовой системе	0,66	1,00			
Доверие к полиции	0,52	0,65	1,00		
Доверие к политикам	0,74	0,60	0,49	1,00	
Доверие к политическим партиям	0,70	0,57	0,45	0,87	1,00

Для проверки предложенных гипотез был проведен многоуровневый регрессионный анализ. Нулевая модель, включающая только свободный член, имеет $ICSS = 0,11$, то есть вариация наблюдений внутри кластеров отличается от вариации наблюдений в разных кластерах и многоуровневое моделирование имеет смысл. Модель 1 (табл. 4) содержит в качестве независимой переменной индекс политического доверия, рассчитанный как сумма ответов респондента на вопросы о доверии парламенту, правовой системе, полиции, политикам и политическим партиям. Результаты показывают, что политическое доверие негативно связано с участием в демонстрациях, что подтверждает гипотезу 1. Так, недоверие к политическим институтам и связанным с ними акторам стимулирует участие в демонстрациях: граждане, разочаровавшиеся в более традиционных формах участия, таких как голосование на выборах и членство в партиях, организуемых этими институтами и акторами, стремятся найти альтернативы для возможного влияния на политическую повестку [37; 24; 27; 47].

Таблица 4

Связь политического доверия и участия в общественных демонстрациях

Независимая переменная: индекс политического доверия	Зависимая переменная: участие в общественных демонстрациях		
	Модель 1		
	B	Odds ratio	SE
(Intercept)	-2,66***	0,07	0,12
Политическое доверие	-0,14***	0,87	0,02
N	56 270		
ICC	0,11		
AIC	30 183		
BIC	30 210		

Коды значимости: 0 '***' 0,001 '**' 0,01 '*' 0,05 '.' 0,1

В модели 2 (табл. 5) добавлены контрольные переменные — пол, возраст, уровень дохода и уровень образования. Все контрольные переменные оказывают существенное влияние на зависимую переменную. Таким образом, вероятность участия в общественных демонстрациях мужчин, более молодых и более образованных людей с более низким доходом выше по сравнению с женщинами, людьми старшего возраста и с низким уровнем образования и высоким доходом. Полученные результаты по большей части согласуются с предыдущими исследованиями. Так, хотя женщины более склонны к неинституционализированному политическому участию, те формы, которые они выбирают, в большей степени относятся к частной сфере — например, политическое потребление и денежные пожертвования. Мужчины же, напротив, помимо более активного участия в институционализированной политической активности — выборах и членстве в партиях, предпочитают публичные формы участия, которыми и являются демонстрации [18; 28]. Что касается взаимосвязи между возрастом и участием в общественных демонстрациях, несмотря на то что более молодые люди в целом менее политически активны [38], неинституционализированное участие свойственно для них в большей степени, чем для людей старшего возраста [50]. Это может быть связано с тем, что молодежь меньше доверяет акторам политической сферы, в особенности институту выборов, политикам и политическим партиям. Положительная связь между образованием и участием в общественных демонстрациях также подтверждает результаты предыдущих исследований. Образование направлено на развитие когнитивных способностей, в том числе помогает понимать комплексные процессы, к которым и относится политика. Кроме того, образование способствует большей интеграции индивида в сообщество, что также необходимо для участия в социальных движениях [35]. Уровень

дохода является наиболее слабым, но все же значимым предиктором участия в общественных демонстрациях. Однако, в отличие от предыдущих работ, которые показали, что люди с повышенным уровнем дохода, как правило, более склонны проявлять политическую активность в целом и в особенности в ее неинституционализированных формах [42; 43], данное исследование свидетельствует об обратном. Такой паттерн может быть связан с тематикой протестов, проходивших в период сбора данных ESS. Так как наибольшее количество протестов было связано с коронавирусом и экономическими проблемами [32], можно предположить, что данные темы были значимы именно для людей с более низким уровнем дохода, так как они больше пострадали финансово от последствий пандемии и вызванного ею локдауна.

Таблица 5

Связь политического доверия и участия в общественных демонстрациях: социально-демографические характеристики

Независимые переменные: индекс политического доверия и социально-демографические характеристики	Зависимая переменная: участие в общественных демонстрациях		
	Модель 2		
	B	Odds ratio	SE
(Intercept)	–2.66***	0,07	0,12
Политическое доверие	–0,17***	0,84	0,02
Пол (женский)	–0.14***	0,87	0,04
Возраст	–0.33***	0,72	0,02
Уровень дохода	–0,05*	0,95	0,02
Уровень образования	0,33***	1,4	0,02
N	43 582		
ICC	0,11		
AIC	22 799		
BIC	22 860		

Коды значимости: 0 ‘***’ 0,001 ‘**’ 0,01 ‘*’ 0,05 ‘.’ 0,1

В таблице 6 представлены результаты модели 3, включающей независимые переменные на уровне страны: доступность правосудия и индекс физического насилия. Как и в предыдущих моделях, политическое доверие, женский пол, возраст и уровень дохода отрицательно связаны с участием в демонстрациях, а уровень образования — положительно. При этом доступность правосудия и индекс физического насилия связаны с участием в общественных демонстрациях: положительно в первом случае и отрицательно во втором. Так, чем выше в стране уровень доступности правосудия, тем выше вероятность того, что ее граждане

будут принимать участие в общественных демонстрациях. В то же время, чем выше свобода от физического насилия со стороны государства, тем ниже вероятность участия его жителей в данной форме политической активности. Общественные демонстрации являются той ее формой, которая подразумевает возможность прямого контакта участников с правоохранительными органами и порой, как следствие, с судебной системой. Однако даже ожидание гражданами несправедливого обращения со стороны полиции и судебных органов может не быть важным условием активного политического участия данного типа [12].

Таблица 6

Связь политического доверия и участия в общественных демонстрациях: страновой уровень

Независимые переменные индивидуального и странового уровня	Зависимая переменная: участие в общественных демонстрациях		
	Модель 3		
	B	Odds ratio	SE
(Intercept)	0,26	1,34	1,73
Политическое доверие	-0,17***	0,84	0,02
Пол (женский)	-0,14***	0,87	0,04
Возраст	-0,33***	0,72	0,02
Уровень дохода	-0,05*	0,95	0,02
Уровень образования	0,33***	1,39	0,02
Доступ к правосудию	3,07.	21,62	1,79
Индекс физического насилия	-6,13*	0,002	2,62
N	43 582		
ICC	0,09		
AIC	22 798		
BIC	22 876		

Коды значимости: 0 '***' 0,001 '**' 0,01 '*' 0,05 '.' 0,1

Все проанализированные модели иллюстрируют, что более высокий уровень политического доверия респондента (к парламенту, правовой системе, полиции, партиям, а также к политикам в целом) отрицательно связан с участием в общественных демонстрациях, что подтверждает первую гипотезу. Вторая гипотеза о связи политического участия с уровнями доступности правосудия для граждан и физического насилия со стороны государства также подтвердилась. Результаты проведенного исследования демонстрируют наличие связи данных характеристик политического режима страны с участием в демонстрациях как одной из форм неинституционализированной политической активности. Таким образом, участие в демонстрациях зависит как от

индивидуальных характеристик граждан, так и от особенностей самого политического режима.

Заключение

Является ли доверие к политическим институтам стимулом к участию в политической жизни страны, или же, напротив, политическое недоверие способствует более активному вовлечению граждан в политическую активность? И какова роль особенностей политической системы, в рамках которой осуществляется политическое участие? Основываясь на анализе 10-го раунда Европейского социального исследования (ESS) и исследования «Разновидности демократии» (V-Dem), в данном исследовании автор изучает доверие к политическим институтам и характеристики политического режима страны как предикторы участия в общественных демонстрациях как форме политической активности.

Руководствуясь разделением политической активности на институционализированную (голосование на выборах, членство в партии) и неинституционализированную (участие в демонстрациях, подписание петиций, бойкотирование товаров) [24; 29; 35; 49], данная работа фокусируется на участии в демонстрациях как важнейшей форме второго ее вида. В качестве характеристик политического режима, непосредственно проявляющихся в процессе взаимодействия граждан и государства в контексте участия в демонстрациях, были взяты доступность правосудия и индекс физического насилия со стороны государства, государственных институтов и их представителей.

Результаты исследования показали, что политическое доверие отрицательно связано с участием в демонстрациях. Так, чем меньше граждане доверяют таким политическим институтам, как парламент, правовая система, полиция, политики и политические партии, тем более они склонны принимать участие в общественных демонстрациях. Так как демонстрации считаются неинституционализированной формой политической активности, которая позволяет их участникам влиять на политические решения, оставаясь вне политической системы [35], именно недоверие к институтам и представителям этой системы, способствуя их критическому восприятию, становится триггером к участию [27]. Кроме того, полученные результаты могут быть связаны с динамикой протеста и репрессий. Граждане, участвующие в демонстрациях, могут подвергаться политическим репрессиям со стороны властей, а во время проведения акций — враждебным действиям полиции, что может привести к снижению доверия к этим институтам и дальнейшему участию в неинституционализированных политических активностях [12].

При переходе анализа на страновой уровень, в соответствии с предложенными гипотезами, результаты исследования выявили страновую специфику влияния двух характеристик политического режима — доступности правосудия и индекса физического насилия — на участие в демонстрациях как форму неинституционали-

зированной политической активности. Так, бóльшая доступность правосудия для граждан страны положительно связана с участием в демонстрациях, что согласуется с результатами предыдущих исследований. Доступность эффективных правовых институтов делает политическую систему прозрачнее и способствует более активному гражданскому участию [11; 17]. Что касается физического насилия со стороны государства и его представителей, более высокий уровень физического насилия в стране способствует участию в демонстрациях, а не препятствует ему. Насильственные действия представителей правоохранительной системы по отношению к демонстрантам могут вызывать рост недоверия к политическим институтам, что, в свою очередь, стимулирует дальнейшее неинституционализированное политическое участие в форме демонстраций [12]. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что не только индивидуальные характеристики граждан, но и особенности политической системы оказывают существенное влияние на участие в демонстрациях [27; 31; 41].

Данное исследование ограничено изучением только одной формы неинституционализированной политической активности — участием в демонстрациях. Таким образом, в будущих исследованиях могут быть затронуты и другие формы участия, например политическая активность в Интернете, которая развивается в настоящее время и может иметь решающее влияние на принятие политических решений, тогда как ее отношение к политическим институтам и, следовательно, политическому доверию менее очевидно. Кроме того, на индивидуальном уровне в дальнейшем может быть изучена роль не только политического, но и межличностного доверия. Например, доверие парламенту, полиции, правовой системе, политическим партиям и политикам как индикаторам политического доверия может иметь не только институциональное (политическое), но и межличностное измерение, так как отношение к данным институтам может складываться через восприятие их представителей. В связи с тем что межличностное доверие положительно связано с политическим [2], низкий уровень первого также может быть вызван неразвитостью политического участия [5], в частности нежеланием взаимодействовать с представителями вышеназванных институтов.

Основное ограничение странового уровня анализа заключается в выборке европейских стран, что обусловлено выбором ESS как базы данных для эмпирической части работы. Чтобы более глубоко исследовать влияние характеристик политического режима страны на политическое участие, было бы интересно провести проверку выдвинутых в данном исследовании гипотез на основе анализа аналогичных переменных из других сравнительных баз данных с бóльшим количеством стран (например, Всемирное исследование ценностей — World Values Survey, WVS). Другое связанное с выборкой стран ограничение — низкая вариативность значений характеристик политического режима из

базы данных V-Dem: индексов физического насилия и доступности правосудия. Изучение более широкого спектра стран с более разнообразными показателями может выявить иной характер связи между особенностями политической системы и политическим участием, например нелинейный [16].

Помимо этого, продолжая анализ данных ESS, чтобы более подробно рассмотреть различия в политическом участии между разными регионами Европы, кроме влияния характеристик политического режима, будущие исследования могут сосредоточиться на ценностях, доминирующих в конкретной стране, как предикторах политического участия. Так, например, постматериалистические ценности часто связывают с более активным участием в неинституционализированных формах политической активности [10; 13; 19; 46], тогда как более традиционные — с институционализированными [6; 10]. В связи с этим, даже в контексте исследования стран Европы, несходство характеристик странового уровня между европейскими регионами может приводить к различиям в паттернах политического участия.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гусева Полина Дмитриевна — стажер-исследователь, аспирант, Международная лаборатория исследований социальной интеграции; преподаватель, кафедра методов сбора и анализа социологической информации, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (495) 772-95-90 *12018.

Электронная почта: pguseva@hse.ru

Research Article

POLINA D. GUSEVA¹

¹ HSE University.

11 Myasnitckaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

DEMONSTRATIONS AS A FORM OF NON-INSTITUTIONALIZED POLITICAL PARTICIPATION: THE RELATIONSHIP WITH INSTITUTIONAL TRUST AND POLITICAL REGIME RISKS

(BASED ON DATA FROM THE EUROPEAN SOCIAL SURVEY, 2020–2022)

Abstract: Recently there has been a decline in citizens' participation in elections and party membership — forms of political activity that are institutionalized and deeply rooted in the political system. They are being replaced by such forms as participation in demonstrations, strikes, boycotts and signing petitions, which, with them being institutionalized to a lesser degree, allow citizens to influence political decisions while maintaining their distance from the political system. Trust in political institutions is considered essential for political participation because it creates a positive attitude towards the political system and prevents alienation from politics in its institutionalised forms. However, political mistrust promotes critical perceptions of political elites, which can lead to increased non-institutionalised political participation. At the same time, researchers have noted

the influence on political participation not only of individual-level variables, but also of country-level characteristics — the specifics of the political system within which political participation is realised. The purpose of this article is to investigate whether lack of trust is a prerequisite for or a barrier to political participation and how the characteristics of a country's political regime are related to political participation, using the example of participation in demonstrations. The results of the European Social Survey and V-Dem data analysis demonstrate that participation in public demonstrations is negatively related to trust in political institutions. In addition, two characteristics of the political regime are found to be associated with participation in demonstrations — in countries with greater access to justice and higher levels of physical violence, citizens are more likely to participate in the form of political activity that this article is looking into.

Keywords: political trust; forms of political participation; institutionalized political participation; non-institutionalized political participation; European Social Survey; V-Dem; multilevel regression analysis.

For citation: Guseva, P.D. Demonstrations as a Form of Non-Institutionalised Political Participation: The Relationship with Institutional Trust and Political Regime Risks (Based on Data from the European Social Survey, 2020–2022). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 4. P. 54–78. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.3

Acknowledgements: This research is supported by the Faculty of Social Sciences, HSE University.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Polina D. Guseva — Research Assistant, Postgraduate Student, International Laboratory for Social Integration Research; Lecturer, Faculty of Social Sciences, HSE University.
Phone: +7 (495) 772-95-90 *12018. **Email:** pguseva@hse.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Ахременко А.С., Бродовская Е.В.* Влияние новых информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм: «линии напряжения» дискуссионного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 4–27. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111 EDN: EPFRSY
Akhremenko A.S., Brodovskaya E.V. Impact of New Information and Communication Technologies on Civic and Political Activism: “Tension Lines” of the Discussion Field. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2021. No. 6. P. 4–27. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111 (In Russ.)
2. *Мухаметов Р.* Почему граждане доверяют правительству? Истоки политического доверия в современной России // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 3. С. 196–218. DOI: 10.17323/1728-192x-2023-3-196-218 EDN: RKLLDA
Mukhametov R. Why do Citizens Trust the Government? The Origins of Political Trust in Modern Russia. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2023. Vol. 22. No. 3. P. 196–218. DOI: 10.17323/1728-192x-2023-3-196-218 (In Russ.)

3. Almond G.A., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press, 2015. 561 p. Accessed 26.12.2023. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=YwXWCgAAQBAJ&oi=fnd&pg=PR11&dq=The+civic+culture:+Political+attitudes+and+democracy+in+five+nations&ots=-_7-iJOVXJ&sig=IVVIJUK-bR9fR_W21LtdebtLOR-Q&redir_esc=y#v=onepage&q=The%20civic%20culture%3A%20Political%20attitudes%20and%20democracy%20in%20five%20nations&f=false
4. Armingeon K., Schädel L. Social Inequality in Political Participation: The Dark Sides of Individualization. *West European Politics*. 2015. Vol. 38. No. 1. P. 1–27. DOI: 10.1080/01402382.2014.929341
5. Benson M., Rochon T.R. Interpersonal Trust and the Magnitude of Protest: A Micro and Macro Level Approach. *Comparative Political Studies*. 2004. Vol. 37. No. 4. P. 435–457. DOI: 10.1177/0010414003262900
6. Besley J.C. The Role of Entertainment Television and Its Interactions with Individual Values in Explaining Political Participation. *Harvard International Journal of Press/Politics*. 2006. Vol. 11. No. 2. P. 41–63. DOI: 10.1177/1081180X06286702
7. Bimber B., Cunill M.C., Copeland L., Gibson R. Digital Media and Political Participation: The Moderating Role of Political Interest across Acts and over Time. *Social Science Computer Review*. 2015. Vol. 33. No. 1. P. 21–42. DOI: 10.1177/0894439314526559
8. Blais A., Rubenson D. The Source of Turnout Decline: New Values or New Contexts? *Comparative Political Studies*. 2013. Vol. 46. No. 1. P. 95–117. DOI: 10.1177/0010414012453032
9. Borbáth E., Gessler T. Different Worlds of Contention? Protest in Northwestern, Southern and Eastern Europe. *European Journal of Political Research*. 2020. Vol. 59. No. 4. P. 910–935. DOI: 10.1111/1475-6765.12379
10. Bozogáňová M., Výrost J. Social and Psychological Factors of Political Participation According to Recent European Social Survey Data. *Intersections. East European Journal of Society and Politics*. 2019. Vol. 5. No. 3. P. 116–130. DOI: 0.17356/ieejsp.v5i3.488
11. Brisman A. The Violence of Silence: Some Reflections on Access to Information, Public Participation in Decision-Making, And Access to Justice in Matters Concerning the Environment. *Crime, Law and Social Change*. 2013. Vol. 59. P. 291–303. DOI: 10.1007/s10611-013-9416-3
12. Carey S.C. The Dynamic Relationship Between Protest and Repression. *Political Research Quarterly*. 2006. Vol. 59. No. 1. P. 1–11. DOI: 10.1177/106591290605900101
13. Cheng E.W., Chung H.F., Cheng H.W. Life Satisfaction and the Conventionality of Political Participation: The Moderation Effect of Post-Materialist Value Orientation. *International Political Science Review*. 2023. Vol. 44. No. 2. P. 157–177. DOI: 10.1177/01925121211006567

14. Chen Y.H., Paolino P., Mason T.D. Who Protests and Why: Hierarchical Government Trust and Protest Participation in China. *Journal of East Asian Studies*. 2021. Vol. 21. No. 3. P. 499–513. DOI: 10.1017/jea.2021.26
15. Christiani L., Shoub K. Can Light Contact with the Police Motivate Political Participation? Evidence from Traffic Stops. *Journal of Race, Ethnicity, and Politics*. 2022. Vol. 7. No. 3. P. 385–405. DOI: 10.1017/rep.2022.18
16. Cichocka A., Górska P., Jost J.T., Sutton R.M., Bilewicz M. What Inverted U Can Do for Your Country: A Curvilinear Relationship Between Confidence in the Social System and Political Engagement. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2018. Vol. 115. No. 5. P. 883–902. DOI: 10.1037/pspp0000168
17. Cichowski R.A. Courts, Rights, and Democratic Participation. *Comparative Political Studies*. 2006. Vol. 39. No. 1. P. 50–75. DOI: 10.1177/0010414005283217
18. Coffé H., Bolzendahl C. Same Game, Different Rules? Gender Differences in Political Participation. *Sex Roles*. 2010. Vol. 62. No. 5–6. P. 318–333. DOI: 10.1007/s11199-009-9729-y
19. Copeland L. Value Change and Political Action: Postmaterialism, Political Consumerism, and Political Participation. *American Politics Research*. 2014. Vol. 42. No. 2. P. 257–282. DOI: 10.1177/1532673X13494235
20. Coppedge M., et al. “V-Dem Codebook v13”. *Varieties of Democracy (V-Dem) Project*. Gothenburg University of Gothenburg, V-Dem Institute, 2023. 454 p. Accessed 21.11.2024. URL: https://v-dem.net/documents/24/codebook_v13.pdf
21. Dim E.E., Asomah J.Y. Socio-Demographic Predictors of Political Participation Among Women in Nigeria: Insights from Afrobarometer 2015 Data. *Journal of International Women’s Studies*. 2019. Vol. 20. No. 2. P. 91–105. Accessed 27.12.2023. URL: <https://vc.bridgew.edu/jiws/vol20/iss2/7/>
22. Grasso M. Young People’s Political Participation in Europe in Times of Crisis. *Young People Re-Generating Politics in Times of Crises*. Ed. by S. Pickard, J. Bessant. Springer, 2018. P. 179–196. DOI: 10.1007/978-3-319-58250-4_10
23. Gaidyte T., Muis J. Examining Political Participation in Lithuania: The Direct and Mediated Effects of Social Trust. *Baltic Journal of Political Science*. 2019. Vol. 2019. No. 9–10. P. 41–71. DOI: 10.15388/BJPS.2019.9-10.8
24. Hooghe M., Marien S. A Comparative Analysis of the Relation between Political Trust and Forms of Political Participation in Europe. *European Societies*. 2013. Vol. 15. No. 1. P. 131–152. DOI: 10.1080/14616696.2012.692807
25. Hooghe M., Quintelier E. Political Participation in European Countries: The Effect of Authoritarian Rule, Corruption, Lack of Good Governance and Economic Downturn. *Comparative European Politics*. 2014. No. 12. P. 209–232. DOI: 10.1057/cep.2013.3
26. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton: Princeton University Press, 1997. 453 p.

27. Kaase M. Interpersonal Trust, Political Trust and Non-Institutionalised Political Participation in Western Europe. *West European Politics*. 1999. Vol. 22. No. 3. P. 1–21. DOI: 10.1080/01402389908425313
28. Karp J.A., Banducci, S.A. When Politics Is Not Just a Man's Game: Women's Representation and Political Engagement. *Electoral Studies*. 2008. Vol. 27. No. 1. P. 105–115. DOI: 10.1016/j.electstud.2007.11.009
29. Kitanova M. Youth Political Participation in the EU: Evidence from a Cross-National Analysis. *Journal of Youth Studies*. 2020. Vol. 23. No. 7. P. 819–836. DOI: 10.1080/13676261.2019.1636951
30. Koc P. Measuring Non-Electoral Political Participation: Bi-Factor Model as a Tool to Extract Dimensions. *Social Indicators Research*. 2021. Vol. 156. No. 1. P. 271–287. DOI: 10.1007/s11205-021-02637-3
31. Kołczyńska M. Micro- and Macro- Level Determinants of Participation in Demonstrations: An Analysis of Cross-National Survey Data Harmonized Ex-Post. *Methods, Data, Analyses*. 2020. Vol. 14. No. 1. P. 91–126. DOI: 10.12758/mda.2019.07
32. Kriesi H., Oana I.E. Protest in Unlikely Times: Dynamics of Collective Mobilization in Europe During the COVID-19 Crisis. *Journal of European Public Policy*. 2023. Vol. 30. No. 4. P. 740–765. DOI: 10.1080/13501763.2022.2140819
33. Li Y., Marsh D. New Forms of Political Participation: Searching for Expert Citizens and Everyday Makers. *British Journal of Political Science*. 2008. Vol. 38. No. 2. P. 247–272. DOI: 10.1017/S0007123408000136
34. Norris P. Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 263 p. Accessed 26.12.2023. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=w-fNPdyiwbYQC&oi=fnd&pg=PR9&dq=Digital+divide:+Civic+engagement,+information+poverty,+and+the+Internet+worldwide&ots=gCb-K8ilXeM&sig=qbrnqB6hUtZxivo03_RvoLyZmJo&redir_esc=y#v=onepage&q=Digital%20divide%3A%20Civic%20engagement%2C%20information%20poverty%2C%20and%20the%20Internet%20worldwide&f=false
35. Marien S., Hooghe M., Quintelier E. Inequalities in Non-Institutionalised Forms of Political Participation: A Multi-Level Analysis of 25 Countries. *Political Studies*. 2010. Vol. 58. No. 1. P. 187–213. DOI: 10.1111/j.1467-9248.2009.00801.x
36. Min S.J. From the Digital Divide to the Democratic Divide: Internet Skills, Political Interest, and the Second-Level Digital Divide in Political Internet Use. *Journal of Information Technology and Politics*. 2010. Vol. 7. No. 1. P. 22–35. DOI: 10.1080/19331680903109402
37. Ouattara E., Steenvoorden E. The Elusive Effect of Political Trust on Participation: Participatory Resource or (Dis)incentive? *Political Studies*. 2023. P. 1–19. DOI: 10.1177/00323217231194820

38. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. N.-Y.: Simon and Schuster, 2001. 546 p. DOI: 10.1145/358916.361990
39. Rosanvallon P., Goldhammer A. *Counter-democracy: Politics in an Age of Distrust*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 348 p. Accessed 26.12.2023. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=9k-CQt5ldSnMC&oi=fnd&pg=PT7&dq=Counter-democracy:+Politics+in+an+age+of+distrust&ots=Fd5HT9zh1F&sig=i7G3QMI8Bm9mYjo-JGUx3tEoDVR8&redir_esc=y#v=onepage&q=Counter-democracy%3A%20Politics%20in%20an%20age%20of%20distrust&f=false
40. Sabucedo J.M., et al. Comparing Protests and Demonstrators in Times of Austerity: Regular and Occasional Protesters in Universalistic and Particularistic Mobilisations. *Social Movement Studies*. 2017. Vol. 16. No. 6. P. 704–720. DOI: 10.1080/14742837.2017.1338940
41. Sika N. Contentious Activism and Political Trust in Non-Democratic Regimes: Evidence from the MENA. *Democratization*. 2020. Vol. 27. No. 8. P. 1515–1532. DOI: 10.1080/13510347.2020.1813113
42. Solt F. Does Economic Inequality Depress Electoral Participation? Testing the Schattschneider Hypothesis. *Political Behavior*. 2010. Vol. 32. No. 2. P. 285–301. DOI: 10.1007/s11109-010-9106-0
43. Stockemer D. What Drives Unconventional Political Participation? A Two Level Study. *The Social Science Journal*. 2014. Vol. 51. No. 2. P. 201–211. DOI: 10.1016/j.soscij.2013.10.012
44. Stolle D., Hooghe M. Shifting Inequalities: Patterns of Exclusion and Inclusion in Emerging Forms of Political Participation. *European Societies*. 2011. Vol. 13. No. 1. P. 119–142. DOI: 10.1080/14616696.2010.523476
45. Schwartz-Tayri T.M. The Willingness of Social Work Students to Engage in Policy Practice: The Role of Personality Traits and Political Participation Predictors. *The British Journal of Social Work*. 2021. Vol. 51. No. 7. P. 2381–2398. DOI: 10.1093/bjsw/bcaa065
46. Theocharis Y. The Influence of Postmaterialist Orientations on Young British People's Offline and Online Political Participation. *Representation*. 2011. Vol. 47. No. 4. P. 435–455. DOI: 10.1080/00344893.2011.611160
47. Van Stekelenburg J., Klandermans B. In Politics We Trust... Or Not? Trusting and Distrusting Demonstrators Compared. *Political Psychology*. 2018. Vol. 39. No. 4. P. 775–792. DOI: 10.1111/pops.12464
48. Van't Riet J., Van Stekelenburg A. The Effects of Political Incivility on Political Trust and Political Participation: A Meta-Analysis of Experimental Research. *Human Communication Research*. 2022. Vol. 48. No. 2. P. 203–229. DOI: 10.1093/hcr/hqab022
49. Weiss J. Disengaged or Raising Voices? An Analysis of the Relationship between Individual Risk Perception and Non-Institutionalised Political Participation. *Acta Politica*. 2024. Vol. 59. No. 2. P. 439–457. DOI: 10.1057/s41269-023-00301-x

50. Weiss J. What is Youth Political Participation? Literature Review on Youth Political Participation and Political Attitudes. *Frontiers in Political Science*. 2020. Vol. 2. P. 1–13. DOI: 10.3389/fpos.2020.00001

ПРИЛОЖЕНИЕ. Значения страновых переменных

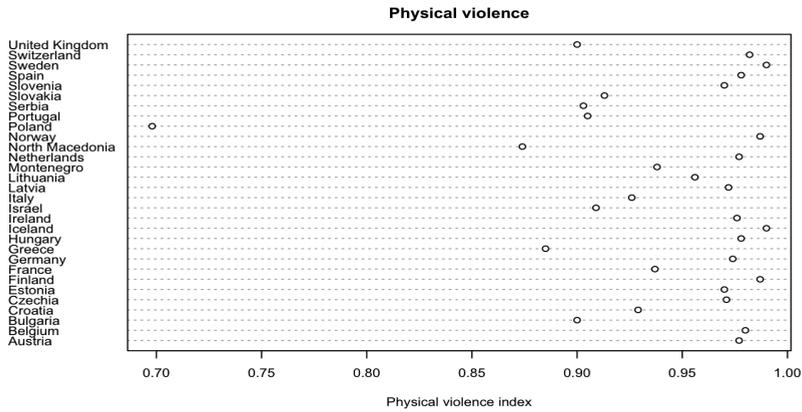

Рис. 1. Индекс физического насилия

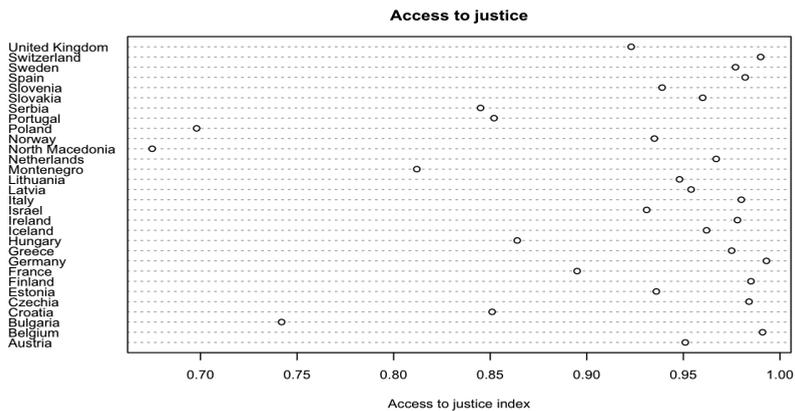

Рис. 2. Доступ к правосудию

Статья поступила в редакцию: 09.01.2024; поступила после рецензирования и доработки: 02.08.2024; принята к публикации: 13.08.2024.

Received: 09.01.2024; revised after review: 02.08.2024; accepted for publication: 13.08.2024.

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.4

EDN: KFTAFH

А. В. САПОНОВА¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
101000, Москва, Мясницкая ул., д. 11.

ОЦЕНКА ВАЛИДНОСТИ САМООТЧЕТОВ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СМАРТФОНА: СРАВНЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ И ОБЪЕКТИВНЫХ ДАННЫХ¹

Аннотация. В настоящее время смартфоны являются главным источником для доступа к онлайн-платформам и сервисам, а также основным драйвером проникновения Интернета как в России, так и за рубежом. Расширение функционала смартфонов и регистрация статистики их использования создает для исследователей новый и важный источник цифровых данных о поведении пользователей. Однако получение данных такого типа требует разработки новых методологических подходов и решения ряда технологических, юридических и этических вопросов. Значимым элементом в этом процессе является и сравнительная оценка опросных данных, основанных на ретроспективных самоотчетах, традиционно используемых для исследований онлайн-активности пользователей, и объективных данных о поведении, основанных на цифровых следах онлайн-активности. В рамках настоящей статьи представлены результаты эксперимента по кросс-валидации данных самоотчета об использовании смартфона и цифровых поведенческих данных ($N = 80$). Данные для эксперимента были собраны в рамках методического подхода «пожертвование данных» (data donation), который заключается в том, что участники опроса делятся с исследователями информацией, которую уже собрали их мобильные устройства. Результаты эксперимента позволяют сделать вывод об уме-

¹ Автор выражает благодарность И.Ф. Девятко, А.М. Климовой, И.В. Задорину за важные содержательные комментарии в процессе проведения исследования, а также рецензентам и редакции «Социологического журнала» за ценные замечания к тексту статьи. Отдельно автор благодарит семью и друзей за их безусловную поддержку при подготовке настоящей работы.

ренной позитивной корреляции между ретроспективным самоотчетом и цифровыми поведенческими данными об использовании смартфонов. Статистически значимого эффекта «временного окна» для оценки объема использования смартфона за короткий (день) и более длительный (текущую неделю) период выявлено не было, что позволяет говорить о сравнительной устойчивой валидности самоотчета и, следовательно, его надежности/воспроизводимости в рамках недельного интервала. Таким образом, в условиях невозможности сбора и интеграции в исследование цифровых поведенческих следов респондентов использование ретроспективного самоотчета может быть целесообразным.

Ключевые слова: использование смартфона; самоотчет; связывание данных; цифровые поведенческие следы; интеграция данных.

Для цитирования: Сапонова А.В. Оценка валидности самоотчетов об использовании смартфона: сравнение субъективных и объективных данных // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 4. С. 79–103. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.4 EDN: KFTAFH

Введение

В период интенсивной цифровизации социальных взаимодействий исследователи все чаще обращаются к изучению онлайн-практик. Однако, несмотря на развитие нереактивных методов измерения [2], не требующих активного участия респондента в сборе данных (например, мониторинг социальных медиа (*social media listening*) или отраслевые проекты медиаметрии с использованием приложений-трекеров интернет-активности²), в социологических исследованиях ретроспективный самоотчет о предпочитаемых средствах коммуникации, частоте и объеме их использования все еще остается основным источником данных об онлайн-активности респондентов. Вопросы о предпочитаемых источниках информации, частоте и объеме использования социальных медиа регулярно задаются российскими³ и зарубежными полстерами⁴. Среди очевидных преимуществ изме-

² Один из самых крупных проектов по измерению аудитории Интернета в России реализует компания Mediascope. Подробнее см.: Cross WEB // Mediascope. — 2023. — URL: <https://mediascope.net/services/media/media-audience/internet/description/> (дата обращения 13.03.2024).

³ Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения // ВЦИОМ. — 2023. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija> (дата обращения 13.03.2024).

⁴ Social Media Users More Inclined to Browse Than Post Content // Gallup. — Inc. 2023. — URL: <https://news.gallup.com/poll/467792/social-media-users-inclined-browse-post-content.aspx>; News Consumption Across Social Media in 2021 // Pew Research Center. — 2021. — URL: <https://www.pewresearch.org/journalism/2021/09/20/news-consumption-across-social-media-in-2021/>;

рения этого типа можно отметить низкую стоимость, относительную легкость получения данных и гибкость в использовании [26]. Вместе с тем точность некоторых типов самоотчетов об онлайн-активности, использовании цифровых устройств, медиапотреблении, как уже экспериментально неоднократно доказывалось, находится на низком уровне [5; 9; 19; 33; 34]. Эти результаты важны не только в контексте разговора о валидности и надежности измерения одного конкретного показателя (например, использования социальных медиа), но они затрагивают более широкий круг вопросов качества социологического измерения. Кроме непосредственной информации об интересующей социолога практике, данные самоотчетов о поведении часто используются в качестве предикторов или зависимых переменных в рамках изучения широкого круга вопросов. Таким образом, валидность выводов подобных исследований напрямую зависит в том числе от качества и точности используемых самоотчетов. Объективные поведенческие индикаторы в этой связи могут предоставлять возможность получения более детальных данных, а также снизить нагрузку на респондентов и уменьшить ошибку измерения [24]. Перспективы использования различных трекеров (шагомеров, фитнес-браслетов, трекеров цифровой активности) в качестве новых источников данных активно обсуждаются в академическом сообществе [24; 38]. Исследователи также возлагают надежды на получение доступа к данным смартфонов, которые агрегируют все большее число функций и могут предоставлять по ним детальную статистику онлайн-активности пользователей. Такие данные могут служить, например, дополнительным (а иногда и единственным) индикатором потребления СМИ или использования социальных медиа [28]. Однако главная трудность таких исследований заключается в сборе малореактивных данных о потреблении медиа или цифровом использовании различных устройств на индивидуальном уровне, то есть в привязке к конкретному респонденту. Одно из возможных решений проблемы доступа к таким данным — методический подход «пожертвование данных», который позволяет получать цифровые поведенческие следы непосредственно от участника исследования, без установки специальных трекинговых приложений.

Цель статьи — оценить валидность самоотчетов об использовании смартфона, учитывая цифровые следы, полученные в результате «пожертвования данных» респондентами. Будут рассмотрены общие вопросы качества данных ретроспективных самоотчетов, отмечены особенности методического подхода «пожертвование данных» и представлены результаты попытки кросс-валидации данных самоотчета

с цифровыми поведенческими следами как первого шага к их дальнейшей интеграции.

**Ретроспективный самоотчет о поведении:
оценка надежности и валидности**

У исследователей довольно часто возникает потребность получить от респондентов оценки совершаемых ими действий в категориях частоты или объема затрачиваемого времени. Так, самоотчеты респондентов о поведении, даже с учетом широкого и доступного набора цифровых данных, и по сей день остаются одними из основных и важнейших источников эмпирических данных для социологов и психологов. Как инструмент в социологическом исследовании самоотчет используется для измерения поведения (фактического или предполагаемого), установок, убеждений, эмоций. Очевидные недостатки самоотчета как метода получения информации известны социологам с самого начала его активного использования в массовых опросах 1930-х гг., первые методологические исследования в этой области появляются уже в 1940-е гг.⁵ [32]. Один из самых известных примеров — Денверское исследование валидности (*Denver Validity Survey*) 1947 г., отличающееся от других экспериментов своим масштабом и использованием вероятностной выборки (редкий случай для методического эксперимента) [30], в рамках которого результаты ответов на фактологические вопросы сопоставлялись с данными местной официальной статистики [1]. Результаты исследования показали, что респонденты были довольно точны в самоотчетах о своем текущем статусе (например, о возрасте, факте владения недвижимостью, автомобилем [10]), но их же самоотчеты о факте голосования на выборах, наличии читательского билета оказались менее надежными.

Несмотря на общую критику самоотчетов, исследователи сходятся во мнении, что они могут быть использованы для измерения таких теоретических конструктов, как атрибуты, планы, установки, убеждения, эмоции и настроения, также самоотчет остается относительно валидным индикатором поведения [20]⁶. Помимо многообразия видов самоотчетов в измерении психологических и социологических конструктов, они существенно различаются также по степени понимания стоящей перед участником исследования задачи (то есть прозрачности формулировки запрашиваемого исследователем самоотчета) и сложности когнитивных процедур, требуемых от участника [20]; качество

⁵ Психологи критиковали самоотчеты еще в 1920-е гг., на раннем этапе развития методов психологического измерения [31].

⁶ В настоящей статье разговор будет идти в основном о ретроспективном самоотчете как о количественной оценке респондентом частоты и объема использования цифровых устройств за определенный промежуток времени.

получаемых с помощью самоотчета данных значительно зависит от формулировки, типа и порядка вопросов [36].

Н. Шварц и Д. Ойзерман отмечают, что, обращаясь к респонденту с задачей оценить свое поведение, мы принимаем ряд допущений о правильном выполнении около десятка действий, которые в полевых условиях не поддаются прямой валидации. Так, предлагая респонденту ретроспективно оценить свое поведение, мы заранее предполагаем, что он: правильно понимает вопрос, идентифицирует искомое поведение/выполнение каких-либо действий, извлекает из памяти релевантные примеры, правильно определяет референтный временной период, соотносит извлеченные примеры с референтным периодом и наконец подсчитывает частоту повторяемого действия [36]. Предполагаемый процесс формирования ответа респондентом эксплицирован и представлен в работах Ф. Стрэка и Л. Мартина [37], Ч. Каннела [11], Р. Туранджо, Л.Дж. Рипса и К.А. Расинского [41; 42], Дж. Заллера и С. Фельдмана [48].

Проблема валидности самоотчетов в целом наиболее активно изучалась применительно к вопросам о социально-демографических параметрах (о возрасте, зарплате, трудовом стаже) [3; 46], к чувствительным вопросам фактологического характера (о состоянии здоровья [16], потреблении алкоголя [13; 17] или психотропных препаратов [21], о криминальном поведении [27]), к вопросам, подверженным эффектам социальной желательности (например, об экологическом поведении [26], а также к некоторым часто повторяющимся видам поведения (физической активности [6], использовании Интернета и мобильной коммуникации [9; 12; 14; 25; 28; 35; 44; 45; 47]). Говоря об альтернативных самоотчету способах измерения поведения и установок, стоит отметить, что таковых в методологическом арсенале социологов сравнительно немного. Среди них можно выделить следующие.

Малореактивные данные («достоверные» внешние источники) — это доступные поведенческие следы, административные данные, данные статистики, цифровые следы, объективные показатели здоровья (данные медицинских карт, фитнес-трекеров).

Наблюдение — его возможности существенно ограничены объективной доступностью лишь немногочисленных видов социального поведения для исследователей, сюда же можно отнести оценки проживающих рядом (*significant-other reports*) и экспертные оценки.

Дневники — один из видов самоотчета в формате самозаполнения, разбитый на определенные (как правило, короткие) промежутки времени. Ранее активно применялся для изучения телесмотрения, бюджетов времени, сейчас сравнительно редко используется в социологической практике для количественной оценки времени медиапотребления.

Однако, несмотря на теоретическое разнообразие типов данных, доступных для валидации и интеграции, основной вектор в кросс-валидации самоотчетов состоит в использовании класса малореактивных данных, в частности цифровых поведенческих следов. Далее мы кратко рассмотрим специфику примененного методологического подхода к сбору данных и представим результаты оценки конкурентной валидности самоотчетов⁷ об использовании смартфона.

**«Пожертвование данных»:
новый методический подход к сбору цифровых следов**

Подход «пожертвование данных» (*data donation*) появился как следствие активного развития неактивного сбора данных о пользователях цифровых платформ. Он позволяет собирать цифровые поведенческие следы непосредственно от участников исследования, то есть получать доступ к тем данным, которые уже собрали о пользователях цифровые платформы. Методический подход только начинает развиваться в социальных науках, однако уже можно кратко описать некоторые направления в практике его применения.

Во-первых, подход открывает доступ к исследованию социальных медиа. Сейчас цифровые платформы — в частности, платформы социальных медиа — начинают предоставлять пользователям возможности для выгрузки своих данных (вероятно, одна из причин — политика со стороны регуляторов по расширению доступа пользователей к персональным данным)⁸. «Пожертвование» пользователями наборов своих данных, предварительно полученных от платформ, позволяет исследователям получить частичный доступ к открытой информации об индивидуальных страницах пользователей, что особенно ценно в условиях, когда внешний доступ к публичной информации ограничивается. Так, доступ к данным пользователей Facebook* стал невозможен после за-

⁷ Конкурентная валидность (*concurrent validity*) — это валидность индикатора латентной переменной (конструкта) по отношению к другому индикатору (методу измерения) этого же конструкта, используемому как критерий (стандарт). Конкурентная валидность является подвидом критериальной валидности. Если предсказываются будущие значения критериальной переменной индикатора, валидность является предиктивной, если предсказаны текущие значения, как в нашем случае, то валидность конкурентная [15].

⁸ Например, возможности доступа к личным архивам пользователей из социальных медиа на территории Европейского союза были существенно расширены после вступления в силу в 2018 г. новых правил обработки персональных данных (*General Data Protection Regulation — GDPR*), согласно которым все цифровые платформы обязаны по запросу предоставить доступ пользователям к их персональным данным, хранящимся на платформе [43].

крытия доступа к API⁹, хотя сейчас обсуждается возможность открытия доступа для исследовательских целей¹⁰. Пользователь Facebook^{*11} может скачать архив из социальной сети, который будет содержать информацию о его персональной ленте (то есть то, чем он делится с другими), о реакциях (отметки «нравится») на страницах, а также о том, как социальная сеть маркирует (классифицирует) контент, на который реагирует пользователь [39], а пользователь Instagram^{**} — историю личных сообщений, информацию о реакциях пользователя на контент, историю просмотра других профилей, а также свои личные публикации, в том числе короткие истории, которые исчезают из публичного доступа через 24 часа [43]. Однако даже такой сравнительно небольшой набор параметров может стать важным источником данных для исследователей, например, при изучении влияния алгоритмов социальных медиа на электоральное поведение [39].

Во-вторых, подход «пожертвование данных» может использоваться для изучения мобильной коммуникации. Сейчас функция отслеживания экранного времени есть почти в каждом смартфоне операционных систем IOS и Android, что позволяет исследователям получать объективные поведенческие данные об активности смартфона без установки сторонних приложений (тайм-трекеров). Внедренные разработчиками функции трекинга исходно имеют целью предоставить пользователю возможность осуществлять контроль за своим использованием платформ [28], однако эти данные могут быть полезны и для исследовательских целей. В отличие от данных социальных медиа, для доступа к информации об использовании смартфона не требуется специального запроса, она хранится на смартфоне и доступна для извлечения пользователем в любое время.

В целом знания о валидности данных, полученные в рамках рассматриваемого методического подхода, еще достаточно ограничены, а практика применения сопряжена с рядом сложностей в процессе сбора и обработки данных. Однако можно предположить, что подход займет свою нишу как один из возможных способов сбора малореактивных данных. Возможности и ограничения подхода применительно к исследованию использования смартфона обсудим далее.

⁹ Facebook* will stop sharing as much of your personal data with people outside of Facebook // VOX. — URL: <https://www.vox.com/2018/4/4/17199354/facebook-stop-sharing-data-outside-app> (дата обращения 20.07.2024).

¹⁰ Meta** is giving researchers more access to Facebook and Instagram data // MIT Technology Review. — URL: <https://www.technologyreview.com/2023/11/21/1083760/meta-transparency-research-database-nick-clegg/> (дата обращения 20.07.2024).

¹¹ *Принадлежит компании Meta, которую признали экстремистской, запрещен в России.

**Компания Meta признана экстремистской, запрещена в России.

Методология исследования

Обоснование методического подхода. Важность изучения мобильной коммуникации состоит не только в том, что именно мобильная связь является главным источником для выхода в онлайн как в России¹², так и за рубежом¹³ и основным драйвером проникновения Интернета (глобальный рост числа новых интернет-пользователей происходит за счет прироста пользователей смартфонов¹⁴). Более существенными представляются ее диффузный характер и интеграция во множество повседневных социальных практик. Так, мобильные девайсы выполняют функции агентов и посредников медиатизации общества [4], а также драйверов изменения норм общественного поведения [22], например, они участвуют в изменении практики управления временем, формируя привычку к постоянной проверке контента (*checking habit*) [29].

Паттерны использования смартфона сейчас регулярно изучаются маркетологами и рекламодателями для коммерческих целей [14], однако социологи-исследователи, как правило, доступа к детальной статистике использования мобильных приложений не имеют и вынуждены опираться на ретроспективные самоотчеты. Сложившуюся ситуацию неравенства в доступе к цифровым данным можно рассматривать через призму «знающего капитализма» (*“knowing capitalism”*) [40]. «Коммерческая социология» в лице аналитических отделов компаний и корпораций, имея возможность собирать и анализировать данные, которые являются производными бизнес-процессов, получает существенное преимущество перед так называемой «академической социологией», локализованной в университетах. В такой ситуации контроль над потоками данных и их аналитикой находится на стороне бизнеса, что и приводит к кризису количественного измерения в «академической социологии» [23].

¹² Согласно данным Mediascope, на первое полугодие 2023 г. 93% от времени использования Интернета в Рунете приходится на мобильные устройства: среди интернет-пользователей максимальных значений параметр достигает в молодежной группе «12–17» (96%) и постепенно снижается в старших возрастных группах, в когорте «65+» он достигает 86%. Тем не менее даже с учетом возрастной дифференциации мобильный телефон можно считать основным средством для онлайн-коммуникации для всех возрастных когорт, включенных в онлайн-среду. Подробнее см.: Аудитория социальных сетей // Mediascope. — 2023. — URL: <https://mediascope.su/library/presentations/> (Ghiselli, Campbell, and Zedeck 1981) (дата обращения 13.03.2024).

¹³ Самая высокая доля использующих смартфон для выхода в онлайн в странах Латинской Америки, Африки и Азии. Подробнее см.: Digital 2023 Global Overview Report // DataReportal. — URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation> (дата обращения 13.03.2024).

¹⁴ Digital 2023 Global Overview Report // DataReportal. — URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation> (дата обращения 13.03.2024).

В ранее проведенных исследованиях по интеграции самоотчетов об использовании мобильных средств связи на индивидуальном уровне в качестве альтернативного источника данных, помимо указанных цифровых поведенческих следов, учитывалась информация из платежных документов (счетов за мобильную связь), а также данные операторов мобильных сетей [44]. Однако именно цифровые поведенческие следы представляются наиболее перспективными с точки зрения возможностей доступа и дальнейшей обработки¹⁵. Так, сбор цифровых поведенческих следов может быть осуществлен: 1) путем использования возможностей панелей, у участников которых было предустановлено программное обеспечение для мониторинга онлайн-активности [34; 35], 2) через установку *ad hoc* специальных приложений для отслеживания активности (см., например: [14; 25; 45; 47]), 3) благодаря подходу «пожертвование данных», который стал методической основой настоящего эксперимента. Главным преимуществом «пожертвования данных» является снижение нагрузки на респондента и воспринимаемой угрозы конфиденциальности — установка сторонних приложений может быть барьером к участию в исследовании (из соображений трудозатратности и приватности)¹⁶. Однако у встроенных трекинговых функций есть фиксируемый набор измеряемых параметров, который не может быть изменен, а также нет возможности выгрузки данных единым файлом. Извлечь информацию возможно только с помощью скриншотов или видеозаписей экрана, что в последующем требует ручной кодировки или разработки скрипта для автоматизированного извлечения информации¹⁷. Использование сторонних приложений имеет значительные преимущества в случае, если требуется большая детализация по отдельным параметрам или выгрузка файлов в удобном для исследователя формате (например, при большой выборочной совокупности).

Гипотезы. Можно выделить корпус работ, в которых предпринималась аналогичная попытка оценить валидность самоотчета об исполь-

¹⁵ Однако предположительная большая валидность данных, полученных от трекеров, сопряжена с такими вопросами, как покрытие Интернета, самоотбор [34], а также с этическими и юридическими ограничениями [8].

¹⁶ Установка специального программного обеспечения представляется более целесообразной в случае проведения исследования на базе панели, где выше вероятность получить согласие на сбор цифровых данных у потенциальных участников в силу уже сложившегося доверительного взаимодействия. Также трекинг панелистов предоставляет возможность отслеживать данные в динамике. Однако здесь возникает вопрос о возможных смещениях при отборе, так как представления о приватности довольно часто являются барьером для участия в таких исследованиях [34].

¹⁷ Один из примеров разработки скрипта для извлечения данных об экранном времени использования смартфона на операционной системе IOS представлен в работе [7].

зовании смартфона (для более ранних исследований — мобильного телефона) (см., например: [9; 12; 14; 25; 28; 44; 45; 47]), однако многие из них значительно различаются по методологическим подходам к конструированию эксперимента, набору оцениваемых параметров и стратегии оценки валидности данных. Тем не менее, основываясь на результатах ранее проведенных экспериментов, близких по дизайну настоящему исследованию [14; 28], можно предположить, что уровень валидности самоотчета о практике использования смартфона будет сравнительно низким.

Качество и точность самоотчетов существенно зависят от установленного временного диапазона для оценки [36]. Не обосновывая здесь тезис о предпочтительности короткого периода как универсальной стратегии для получения самоотчета, все же можно отметить, что для оценки высокочастотных и рутинных действий короткий период представляется наиболее оптимальным [44]. Так, в настоящем исследовании возьмем в качестве временных окон два периода — текущий день и текущую неделю, предполагая, что за короткий период оценки будут более валидными.

Таким образом, для проверки в рамках эксперимента мы выдвинули следующие две гипотезы. Первая состоит в том, что оценки ретроспективного самоотчета об использовании смартфона слабо коррелируют с цифровыми поведенческими следами (то есть обладают низкими показателями конкурентной валидности). Вторая гипотеза заключается в проверке влияния на точность самоотчета диапазона оценивания. Так, можно предположить, что оценки за короткий период (день) времени точнее, чем за более длительный (текущая неделя).

Процедура и план эксперимента. Мы просили участников эксперимента (студентов российского университета) ответить на вопросы небольшой анкеты, позволяющей изучить современные практики использования смартфона. Анкета заполнялась участниками самостоятельно онлайн в удобное для них время и в удобном месте. За участие в исследовании студенты получали небольшое нематериальное вознаграждение (дополнительный балл к накопленной оценке). Участники эксперимента были проинформированы о том, что перед ними стоит задача оценить практику использования смартфона¹⁸ самостоятельно, без учета информации об экранном времени со смартфона (об этом было сказано в приглашении к исследованию). После заполнения анкеты участники прикрепляли к ней скриншоты из разделов «Экранное

¹⁸ В настоящем исследовании под использованием смартфона понимаются практики применения приложений для решения различных задач (общение, поиск информации, совершение покупок и т. д.). Звонки, которые совершаются со смартфона (в том числе через мессенджеры), трекером экранного времени не учитываются.

время» или «Цифровое благополучие» (для операционных систем *IOS* или *Android* соответственно) с информацией об использовании смартфона, зафиксированной трекерами (см. примеры таких скриншотов в Приложении). В завершение опроса в качестве контрольного вопроса для оценки добросовестности заполнения участники спрашивали об использовании данных трекеров во время заполнения анкеты (информация об участниках, подтвердивших использование трекеров, в дальнейшем была исключена из анализа).

Анкета эксперимента конструировалась с опорой на временные параметры пользования устройством, измеряемые функциями операционных систем смартфонов¹⁹. Были выделены ряд переменных (см. Приложение), которые могут быть параллельно измерены объективно, без участия респондентов, и доступны для извлечения, а также допускают оценку с помощью ретроспективного самоотчета о поведении. Так, в качестве независимых переменных были взяты: временные интервалы («окна») для ретроспективного самоотчета об использовании смартфона трех уровней — в среднем, за день и за текущую неделю (от начала недели до дня заполнения), а также информация об относительной частоте использования отдельных мобильных приложений (ранжирование)²⁰. Зависимыми переменными являлись ошибки субъективной оценки — абсолютная и направленная²¹. В качестве контрольных переменных в анкету также были включены вопросы об интенсивности пользования смартфонами, о практиках использования приложений, ограничивающих экранное время, и целях, для которых находят применение смартфоны.

¹⁹ Мы просили респондентов оценить время использования смартфона в удобном для них формате — в часах или минутах, далее для анализа данных все оценки были переведены в минуты. Субъективное восприятие времени здесь может быть фактором, который влияет на точность оценок, однако этот параметр никак нельзя проконтролировать во время эксперимента.

²⁰ Оценивать валидность самоотчета возможно не только через общий объем времени, затраченного на использование смартфона, за разные промежутки времени, но и через другие типы доступных параметров (например, через локальную оценку практик использования конкретных приложений). Такие оценки предположительно могут оказаться более валидными. В настоящей статье мы не рассматриваем это направление и сфокусируемся на оценке валидности оценок общего времени.

²¹ В данном случае цифровые поведенческие следы выступают как своего рода объективный критерий для валидации данных самоотчета. Поэтому направленная ошибка — это разница между значениями оценок самоотчета и цифровых поведенческих следов участников эксперимента. Абсолютная ошибка — это значение направленной ошибки, взятое по модулю.

Таким образом, для проверки первой гипотезы о слабой взаимосвязи оценки ретроспективного самоотчета об использовании смартфона с цифровыми поведенческими следами сравнивались значения двух индикаторов конструкта (объема использования смартфона): данные самоотчета и трекеров смартфона. Для определения влияния размера временного интервала («окна») на точность ретроспективного самоотчета (вторая гипотеза) был использован дисперсионный анализ с повторными измерениями (*Repeated Measures ANOVA*), где в качестве внутрисубъектного фактора был взят двухуровневый временной интервал для ретроспективного самоотчета об использовании смартфона (за день и за неделю), в качестве же межсубъектного — факт использования данных трекеров при заполнении анкеты («подглядывание»).

Испытуемые (участники эксперимента). В исследовании приняли участие студенты бакалавриата НИУ ВШЭ, а именно факультета креативных индустрий, факультета социальных наук и факультета гуманитарных наук, всего — 143 человека. В процессе чистки массива 24 анкеты были исключены из анализа по причине добавления некорректных скриншотов или их отсутствия, еще 39 анкет — по причине недобросовестного заполнения (участники задекларировали использование трекеров во время заполнения анкеты). Итоговая выборка составила 80 участников: женщин — 82,5%, мужчин — 17,5%, средний возраст — 19 лет 8 месяцев ($SD = 0,958$). 82,5% участников используют *iOS*, 17,5% — *Android*. Большинство участников эксперимента не прибегают к практикам цифрового детокса и не используют дополнительные инструменты для управления временем пользования мобильным телефоном (только 23,8% респондентов сообщили о применении таких инструментов). Согласно собственным оценкам участников, они являются активными пользователями смартфонов (*heavy users*): 30% оценили интенсивность использования на 4 из 5 баллов, 46,3% — на 5 баллов.

Основные результаты

Декларируемые цели использования смартфона. Участники эксперимента являются активными пользователями смартфонов, основные их цели — социальные сети, мессенджеры (97,5%), прослушивание музыки и подкастов (86,3%), а также поиск информации через браузер (62,5%) (табл. 1)²².

²² Результаты недавнего исследования на базе опт-ин онлайн-панели в Германии показывают, что на ошибку самоотчета существенно влияет степень активности использования смартфона [47].

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Для чего Вы используете мобильный телефон чаще всего? Отметьте не более ПЯТИ вариантов ответов»

Вариант ответа	Доля ответивших, %
Провожу время в социальных сетях и мессенджерах	97,5
Слушаю музыку и/или подкасты	86,3
Ищу информацию через браузер	62,5
Использую для навигации и передвижения по городу	50,0
Смотрю видеоконтент	43,8
Учусь (Zoom, Microsoft Teams)	36,3
Снимаю/обрабатываю фото/видео	25,0
Использую электронную почту	20,0
Совершаю финансовые операции (мобильный банкинг)	18,8
Делаю звонки через мобильную связь	17,5
Делаю покупки	16,3
Другое	7,6

Декларируемые участниками цели использования смартфона отражают общие тренды в использовании сервисов Рунета, где крупнейшим сегментом активности пользователей являются социальные сети и мессенджеры — время, проводимое в социальных медиа, составляет, по разным подсчетам, от трети до четверти всего времени, проводимого онлайн²³. Вместе с тем практики применения студентами смартфона соотносятся и с мировой практикой использования Интернета, главными целями которого являются поиск информации и общение с друзьями и близкими²⁴. Отличительной характеристикой группы участников эксперимента можно назвать только прослушивание музыки и подкастов: такая практика в большей степени характерна для молодых когорт и менее распространена среди всех интернет-пользователей.

Оценка валидности самоотчета об объеме времени использования смартфона. Объем времени использования смартфона за день, по данным трекеров в группе участников эксперимента, несколько ниже (табл. 2), но в целом эквивалентен среднесуточному времени использования смартфона (369 минут), зафиксированному компани-

²³ Аудитория социальных сетей // Mediascope. — 2023. — URL: <https://mediascope.ru/library/presentations/>; Медиапотребление в России // Mediascope. — 2023. — URL: <https://mediascope.ru/library/presentations/> (дата обращения 13.03.2024).

²⁴ Digital 2023 Global Overview Report // DataReportal. — URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation> (дата обращения 13.03.2024).

ей Mediascope среди россиян в когорте 12–24 года²⁵. Таким образом, можно говорить о некоторой «типичности» пользовательского портрета участников эксперимента и его соответствии основным трендам в использовании смартфона. Сравнивая же время декларируемого использования смартфона и данные цифровых поведенческих следов, можно отметить, что оно несколько больше, чем зафиксированное трекером, в оценках «в среднем» (за не фиксированный жестко интервал времени) и «за текущую неделю». Для оценки за день, напротив, скорее, характерна недооценка фактически использованного времени.

Таблица 2

Описательные статистики, мин

Числовые характеристики изменяемых параметров	Опросные данные	Данные трекеров
<i>Среднее время</i>		
Среднее	424,5	392,6
Медиана	420	392
Стандартное отклонение	184,5	135,3
<i>Текущий день</i>		
Среднее	241,8	303,8
Медиана	225	282,5
Стандартное отклонение	133,6	177,1
<i>Текущая неделя</i>		
Среднее	1719,3	1518,3
Медиана	1500	1361
Стандартное отклонение	1172,8	946,3

Результаты корреляционного анализа (табл. 3) демонстрируют значимость связи между оценками, полученными в рамках ретроспективных самоотчетов, и цифровыми поведенческими следами. Коэффициенты корреляции говорят о среднем (ближе к умеренным значениям) уровне связи по всем трем указанным временным диапазонам для оценки; существенной дифференциации по уровню связи между разными диапазонами для оценки не наблюдается. Таким образом, мы отвергаем нашу гипотезу о слабой связи между ретроспективным самоотчетом о поведении и цифровыми поведенческими следами и можем охарактеризовать уровень конкурентной валидности самоотчета как удовлетворительный.

Таблица 3

²⁵ Аудитория медиа // Mediascope. — 2023. — URL: <https://mediascope.su/library/presentations/> (дата обращения 13.03.2024).

Оценка конкурентной валидности самоотчетов об использовании смартфона

Источник данных	Среднее время, самоотчет	Текущий день, самоотчет	Текущая неделя, самоотчет
Данные трекеров	0,447**	0,590**	0,479**

Примечание: ** — статистическая значимость на уровне 0,01. Для анализа использовался коэффициент корреляции Пирсона.

Далее были рассчитаны абсолютная и направленная ошибки в оценке времени использования смартфона (табл. 4). Среднее значение ошибки для оценки среднего времени использования составило 122,8 мин (SD = 122,4), за текущий день — 115,8 мин (SD = 109,7), за текущую неделю — 701,8 мин (SD = 913,7). В целом участники склонны, скорее, переоценивать использование: в среднем — на 132,6 мин (SD = 146,8), за текущую неделю — на 889,5 мин (SD = 1191,2), а время использования смартфона за день — недооценивать на 137,6 мин (SD = 122,2).

Таблица 4

Сравнение абсолютной и направленных ошибок, мин

Числовые характеристики измеряемых параметров	Абсолютная ошибка	Ошибка недооценки	Ошибка переоценки
<i>Среднее время</i>			
Среднее	122,8	-109,6	132,6
Медиана	87	-96,5	84
Стандартное отклонение	122,4	79,5	146,8
<i>Текущий день</i>			
Среднее	115,8	-137,6	73,1
Медиана	82	-113	58
Стандартное отклонение	109,7	122,2	62,4
<i>Текущая неделя</i>			
Среднее	701,8	-521,5	889,5
Медиана	421	-419	508
Стандартное отклонение	913,7	490,5	1191,2
<i>Текущая неделя (нормированная)²⁶</i>			
Среднее	244,1	-164,4	327,1
Медиана	122,3	-101,5	140,8
Стандартное отклонение	370,0	223	468,8

²⁶ Значение ошибки за текущую неделю было нормировано по числу фактически прошедших дней на неделе, которые оценивал участник.

Оценка влияния размера временного интервала («окна») на точность ретроспективного самоотчета производилась с помощью дисперсионного анализа с повторными измерениями (*Repeated Measures ANOVA*). Внутрисубъектный фактор — двухуровневый временной интервал для ретроспективного самоотчета об использовании смартфона (за день и неделю), межсубъектный — факт использования данных трекеров при заполнении анкеты («подглядывание»). Результаты анализа показывают, что статистически значимого главного эффекта величины временного «окна» для оценок использования смартфона за короткий (день) и более длительный (текущую неделю) период не наблюдается ($F(1,67) = 3,399, p < 0,070, \eta^2 = 0,048$). Вероятно, для оценки времени за текущую неделю могут использоваться схожие когнитивные стратегии — например, экстраполизирование времени, потраченного за один день, на недельный период (при условии типичности паттерна использования для каждого дня). Таким образом, наша гипотеза о большей точности самоотчета в рамках более короткого периода не подтвердилась. Этот результат также, скорее, подтверждает аргумент в пользу умеренной конкурентной валидности ретроспективного самоотчета в сравнении с цифровыми поведенческими следами (данными трекеров). Впрочем, этот вывод нуждается в дальнейшем уточнении с использованием более дифференцированных временных интервалов, при которых могут проявиться эффекты забывания (например, сравнение суточного и двухнедельного временных диапазонов при оценивании объема использования смартфона).

О схожести в ретроспективных оценках за разные временные интервалы говорят и результаты корреляционного анализа (табл. 5) — оценки за все три периода в значительной степени коррелируют между собой.

Таблица 5

Взаимосвязь между оценками в рамках самоотчетов за разные периоды времени

Измеряемые параметры	Среднее время	Текущий день	Текущая неделя
Среднее время	1		
Текущий день	0,715**	1	
Текущая неделя	0,617**	0,511**	1

Примечание: ** — статистическая значимость на уровне 0,01. Для анализа использовался коэффициент корреляции Пирсона.

Обсуждение

Таким образом, полученные результаты методического эксперимента позволяют говорить о том, что в целом уровень конкурентной валидности самоотчета может быть охарактеризован как позитивный и умеренный с точки зрения тесноты связи. В условиях невозможности сбора и интеграции в исследование цифровых поведенческих следов

анализ ретроспективного самоотчета об использовании смартфона может быть целесообразным.

Результаты дисперсионного анализа с повторными измерениями показывают, что статистически значимой разницы в точности для оценок использования смартфона за короткий (один день) и более длительный (текущую неделю) периоды не наблюдается, то есть внутри недельного интервала точность самоотчета не варьируется значительно. Вопрос о воспроизводимости этого результата для оценок за более длительные временные периоды нуждается в дальнейшем изучении. Однако, анализируя возможные альтернативные объяснения полученных нами данных, можно гипотетически предположить, что такой относительно высокий по сравнению с данными предыдущих исследований результат кросс-валидации ретроспективного поведенческого самоотчета и объективных данных о цифровом поведении, несмотря на типичность целей и общего объема использования смартфона для этой возрастной группы, отчасти может быть связан с особенностью экспериментальной группы студентов. Текущий стиль жизни студентов предполагает следование четко структурированному и разбитому на сравнительно короткие промежутки времени расписанию, и, соответственно, можно предположить, что участники имеют навыки тайм-менеджмента, которые, возможно, позволяют им давать более точные оценки в рамках самоотчета. Другое возможное объяснение — рутинизированность и регулярность практик использования смартфона, что позволяет сравнительно «корректно» экстраполировать дневное использование на период в несколько дней. Полученные нами относительно высокие показатели валидности самоотчета расходятся с результатами некоторых предыдущих исследований. Например, Оме и соавторы, основываясь на результатах эксперимента с гетерогенной выборкой пользователей iPhone в Нидерландах, отмечают более низкий уровень корреляции между самоотчетом о времени «в айфоне» за день и данными трекеров IOS ($0,37, p < 0,05$) [28]. Консенсуса среди исследователей по поводу набора факторов, которые влияют на величину ошибки и ее направленность, пока достигнуто не было. Так, одни эксперименты фиксируют влияние возраста, пола, уровня образования на точность оценок [14; 44; 47], другие свидетельствуют о том, что увеличение или занижение объема использования смартфона не связано с демографическими показателями, и обращают внимание на такие возможные факторы, как социальные или психологические установки или черты личности (например, склонность к экстраверсии) [25]. Такие расхождения могут быть обусловлены, с одной стороны, небольшим числом экспериментов в этой области, а с другой — быстро углубляющейся медиатизацией и цифровизацией, меняющимися практиками использования смартфона вследствие расширения его функционала.

Результаты предыдущих исследований фиксировали как паттерн переоценки мобильного использования в параметрах объема и частоты [9; 14; 44; 47], так и склонность к существенной недооценке [28]. Наши

результаты показывают, что направленность ошибки варьируется в разных временных периодах и не является устойчивой для оценок испытуемых. Факторы, которые опосредуют направление ошибки, следует изучать в дальнейшем.

Несмотря на умеренный уровень конкурентной валидности, цифровые поведенческие следы при прочих равных условиях представляются наиболее предпочтительными для оценки объема и частоты использования смартфона с точки зрения доступности для сбора информации, отсутствия существенных дополнительных издержек, а также предположительно сокращения времени заполнения анкеты и снижения нагрузки на респондентов. Вместе с тем использование цифровых поведенческих следов и, в частности, практики «пожертвования данных» со стороны участников исследований сопряжено с рядом ограничений. Во-первых, оценки готовности делиться данными трекеров смартфона невелики — гипотетически предоставить согласие на установку стороннего трекера на смартфон и делиться собираемыми им сведениями готовы 35% панелистов в Германии [24]. Фактическая же доля респондентов, завершивших опрос и «пожертвовавших» данные, извлеченные из трекеров смартфонов (без установки дополнительных приложений), в проведенных ранее экспериментах составляла порядка 12–13% [18; 28]. Среди основных факторов, которые влияют на согласие респондентов делиться данными трекеров, выделяют более высокий уровень владения техническими возможностями смартфона и низкий уровень беспокойства о конфиденциальности персональных данных [28]. Во-вторых, при таком подходе вынуждены ограничиваться измерением набора параметров, предзаданных структурой внутренних трекеров смартфонов (как минимум, операционных систем *IOS* и *Android*). В настоящее время набор доступных для извлечения параметров о практике использования смартфона невелик, что существенно ограничивает возможности обработки таких данных. Наконец, проблемной точкой является и отсутствие контроля исследователя над принципами и алгоритмами работы трекеров экранного времени, а также над проводимыми в них изменениями со стороны разработчиков (о том, есть ли разница в работе трекеров разных операционных систем, нам также неизвестно). Понимание принципов работы трекеров — одно из условий корректной интеграции данных в социологическое исследование.

Настоящее исследование имеет пилотный характер, его основные задачи заключались в апробации методического подхода «пожертвование данных» и разработке подхода к оценке конкурентной валидности самоотчета об использовании смартфона. Решение этих задач в перспективе может способствовать развитию методологических подходов к интеграции разных источников данных с целью повышения их качества. К ограничениям данного исследования можно отнести гомогенную по социально-демографическим характеристикам выборку, а также анализ лишь ограниченного числа параметров, доступных

для прямой кросс-валидации. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение цифрового профиля респондентов, то есть получение информации в целом об используемых цифровых устройствах (о фактах использования нескольких смартфонов, планшетов, о пользователях одного устройства и т. д.), а также получение данных по другим временным «окнам» (например, данных об использовании смартфона за каждый день в течение недели).

Выводы

Полученные результаты позволяют говорить о самоотчете как о сравнительно валидном методе измерения практик использования смартфона для временных интервалов в пределах недели. Однако цифровые поведенческие следы все же представляются более предпочтительным источником данных в силу большей точности измерения. В связи с этим апробированный в рамках настоящего исследования подход, который заключается в «пожертвовании данных» со стороны респондентов и предполагает наименьшее вмешательство исследователя в их персональное пространство по сравнению с аналогичными — более «реактивными» — подходами сбора цифровых следов, представляется перспективным для использования в социологической практике. Однако в рамках полномасштабных опросов (в формате CAPI, CATI и отчасти в CAWI, за исключением онлайн-панелей) сбор цифровых поведенческих следов таким способом потребует проведения предварительной работы с респондентами (формирование инструкций по выгрузке данных, контролю и проверке корректности загруженных данных), а также решения ряда технологических и этических вопросов (для исследовательских компаний — еще и юридических, например, в части необходимого уточнения политики конфиденциальности).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сапонова Анастасия Владимировна — аспирант, преподаватель, кафедры анализа социальных институтов, департамент социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Телефон: +7 (495) 772-95-90, доб. 12454. **Электронная почта:** asapounova@hse.ru

Research Article

ANASTASIA V. SAPONOVA¹

¹ HSE University.

11 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

ASSESSING THE VALIDITY OF SELF-REPORTED DATA ON SMARTPHONE USAGE: COMPARING SUBJECTIVE AND OBJECTIVE DATA

Abstract. Nowadays smartphones are the main source of access to online platforms and services and the key driver of internet proliferation both in Russia and abroad. Expanding the functionality of smartphones and registering statistics on their usage creates a new and

important source of digital data on user behavior for researchers. However obtaining this type of data requires the development of new methodological approaches and solving a number of technological, legal and ethical issues. A significant step in this process is a comparative assessment of survey data based on retrospective self-reports that are traditionally used for researching online user activity with objective data on behavior based on digital traces of online activity. This article presents the results of an experiment on cross-validation of self-reported data on smartphone usage and digital behavioral data (N = 80). The data for the experiment were collected within the methodological approach referred to as “data donation”, which means that the respondents share with the researchers the data that their mobile devices have already collected. The results of the experiment show a moderate positive correlation between retrospective self-report data and digital behavioral data on mobile phone usage. There is no statistically significant time window effect for estimating the volume of smartphone usage over a short (day) and longer period (current week). It indicates a comparative stable validity of self-reporting and, consequently, its reliability-reproducibility within a week. Thus, when there is no possibility to collect and integrate digital behavioral data into the study, the use of retrospective self-reports may be warranted.

Keywords: smartphone usage; self-report; data linkage; digital behavioral data; data integration.

For citation: Saponova, A.V. Assessing the Validity of Self-Reported Data on Smartphone Usage: Comparing Subjective and Objective Data. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 4. P. 79–103. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.4

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia V. Saponova — Postgraduate student, Lecturer, Department of Sociology, HSE University. **Phone:** +7 (495) 772-95-90, ext. 12454. **Email:** asaponova@hse.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Девятко И.Ф.* Диагностическая процедура в социологии. Очерк истории и теории. М.: Наука, 1993. — 175 с.
Devyatko I.F. *Diagnostic Procedure in Sociology. An Essay on History and Theory*. Moscow: Nauka publ., 1993. 175 p. (In Russ.)
2. *Девятко И.Ф.* Инструментарий онлайн-исследований: попытка каталогизации // *Онлайн исследования в России 3.0* / Отв. ред.: И.Ф. Девятко, А.В. Шашкин, С.Г. Давыдов; науч. ред. И.Ф. Девятко. М.: Online market intelligence, 2012. С. 17–30. EDN: XFYL BZ
Devyatko I.F. *Online Research Toolkit: An Attempt at Cataloging. Online Research in Russia 3.0*. Ed. by I.F. Devyatko, A.V. Shashkin, S.G. Davydov; science ed. I.F. Devyatko. Moscow: Online market intelligence publ., 2012. P. 17–30. (In Russ.)
3. *Мягков А.Ю.* Социально-демографические переменные в социологическом исследовании: Проблемы достоверности самоотчетов респондентов. М.: Флинта: Наука, 2002. — 474 с. EDN: MHTBUC
Myagkov A.Yu. *Socio-demographic Variables in Sociological Research: Problems of Reliability of Respondents' Self-reports*. Moscow: Flinta: Nauka publ., 2002. 474 p. (In Russ.)

4. Ним Е.Г. «Вы есть ваши данные»: селф-трекинг как феномен глубокой медиатизации // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2020. № 5. С. 29–53. DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2020.2953 EDN: LEEECMI
Nim E.G. “You Are Your Data”: Self-Tracking as a Phenomenon of Deep Mediatization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2020. No. 5. P. 29–53. DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2020.2953 (In Russ.)
5. Araujo T., Wonneberger A., Neijens P., de Vreese C. How Much Time Do You Spend Online? Understanding and Improving the Accuracy of Self-Reported Measures of Internet Use. *Communication Methods and Measures*. 2017. Vol. 11. No. 3. P. 173–190. DOI: 10.1080/19312458.2017.1317337
6. Baranowski T. Validity and Reliability of Self Report Measures of Physical Activity: An Information-Processing Perspective. *Research Quarterly for Exercise and Sport*. 1988. Vol. 59. No. 4. P. 314–327. DOI: 10.1080/02701367.1988.10609379
7. Baumgartner S.E., Sumter S.R., Petkevič V., Wiradhany W. A Novel iOS Data Donation Approach: Automatic Processing, Compliance, and Reactivity in a Longitudinal Study. *Social Science Computer Review*. 2023. Vol. 41. No. 4. P. 1456–1472. DOI: 10.1177/08944393211071068
8. Beuthner C., Weiss B., Silber H., Keusch F., et al. Consent to Data Linkage for Different Data Domains — the Role of Question Order, Question Wording, and Incentives. *International Journal of Social Research Methodology*. 2023. Vol. 27. No. 4. P. 1–14. DOI: 10.1080/13645579.2023.2173847
9. Boase J., Ling R. Measuring Mobile Phone Use: Self-Report Versus Log Data. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2013. Vol. 18. No. 4. P. 508–519. DOI: 10.1111/jcc4.12021
10. Cahalan D. Correlates of Respondent Accuracy in the Denver Validity Survey. *Public Opinion Quarterly*. 1968. Vol. 32. No. 4. P. 607–621. DOI: 10.1086/267649
11. Cannell C.F., Miller P.V., Oksenberg L. Research on Interviewing Techniques. *Sociological Methodology*. 1981. Vol. 12. P. 389–437. DOI: 10.2307/270748
12. Cohen A.A., Lemish D. Real Time and Recall Measures of Mobile Phone Use: Some Methodological Concerns and Empirical Applications. *New Media & Society*. 2003. Vol. 5. No. 2. P. 167–183. DOI: 10.1177/1461444803005002002
13. Del Boca F.K., Darkes J. The Validity of Self-Reports of Alcohol Consumption: State of the Science and Challenges for Research. *Addiction*. 2003. Vol. 98. P. 1–12. DOI: 10.1046/j.1359-6357.2003.00586.x
14. Deng T., Kanthawala S., Meng J., Peng W., et al. Measuring Smartphone Usage and Task Switching with Log Tracking and Self-reports. *Mobile Media & Communication*. 2019. Vol. 7. No. 1. P. 3–23. DOI: 10.1177/2050157918761491
15. Everitt B.S., Howell D.C. *Encyclopedia of Statistics in Behavioral Science*. Hoboken: John Wiley & Sons, 2021. 2368 p.

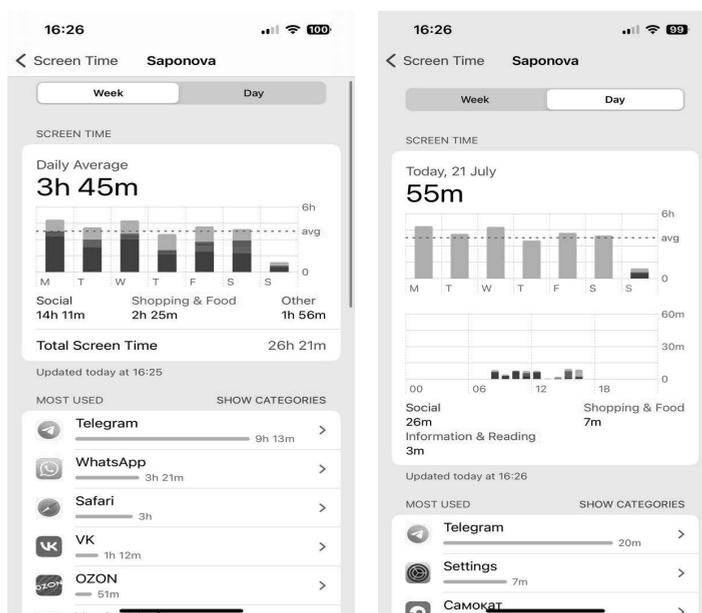
16. Ezzati M., Martin H., Skjold S., Hoorn S.V., et al. Trends in National and State-Level Obesity in the USA after Correction for Self-Report Bias: Analysis of Health Surveys. *Journal of the Royal Society of Medicine*. 2006. Vol. 99. No. 5. P. 250–257. DOI: 10.1177/014107680609900517
17. Fitzgerald J.L., Mulford H.A. Self-report Validity Issues. *Journal of Studies on Alcohol*. 1987. Vol. 48. No. 3. P. 207–211. DOI: 10.15288/jsa.1987.48.207
18. Gower A.D., Moreno M.A. A Novel Approach to Evaluating Mobile Smartphone Screen Time for iPhones: Feasibility and Preliminary Findings. *JMIR mHealth and uHealth*. 2018. Vol. 6. No. 11. DOI: 10.2196/11012
19. Greenberg B.S., Eastin M.S., Skalski P., Cooper L., et al. Comparing Survey and Diary Measures of Internet and Traditional Media Use. *Communication Reports*. 2005. Vol. 18. No. 1–2. P. 1–8. DOI: 10.1080/08934210500084164
20. Haefffel G.J., Howard G.S. Self-Report: Psychology’s Four-Letter Word. *The American Journal of Psychology*. 2010. Vol. 123. No. 2. P. 181–188. DOI: 10.5406/amerjpsyc.123.2.0181
21. Hafferty J.D., Campbell A.I., Navrady L.B., Adams M.J., et al. Self-reported Medication Use Validated through Record Linkage to National Prescribing Data. *Journal of Clinical Epidemiology*. 2018. Vol. 94. P. 132–142. DOI: 10.1016/j.jclinepi.2017.10.013
22. Humphreys L. Cellphones in Public: Social Interactions in a Wireless Era. *New Media & Society*. 2005. Vol. 7. No. 6. P. 810–833. DOI: 10.1177/1461444805058164
23. Ignatow G. *Sociological Theory in the Digital Age*. 1st ed. N.-Y.: Routledge, 2020. 132 p.
24. Keusch F., Struminskaya B., Antoun C., Couper M.P., et al. Willingness to Participate in Passive Mobile Data Collection. *Public Opinion Quarterly*. 2019. Vol. 83. Iss. 1. P. 210–235. DOI: 10.1093/poq/nfz007
25. Kobayashi T., Boase J. No Such Effect? The Implications of Measurement Error in Self-Report Measures of Mobile Communication Use. *Communication Methods and Measures*. 2012. Vol. 6. No. 2. P. 126–143. DOI: 10.1080/19312458.2012.679243
26. Kormos C., Gifford R. The Validity of Self-Report Measures of Proenvironmental Behavior: A Meta-Analytic Review. *Journal of Environmental Psychology*. 2014. Vol. 40. P. 359–371. DOI: 10.1016/j.jenvp.2014.09.003
27. Maxfield M.G., Weiler B.L., Widom C.S. Comparing Self-Reports and Official Records of Arrests. *Journal of Quantitative Criminology*. 2000. Vol. 16. No. 1. P. 87–110. DOI: 10.1023/A:1007577512038
28. Ohme J., Araujo T., de Vreese C.H., Piotrowski J.T. Mobile Data Donations: Assessing Self-Report Accuracy and Sample Biases with the iOS Screen Time Function. *Mobile Media & Communication*. 2021. Vol. 9. No. 2. P. 293–313. DOI: 10.1177/2050157920959106
29. Oulasvirta A., Rattenbury T., Ma L., Raita E. Habits Make Smartphone Use More Pervasive. *Personal and Ubiquitous Computing*. 2012. Vol. 16. No. 1. P. 105–114. DOI: 10.1007/s00779-011-0412-2

30. Parry H.J., Crossley H.M. Validity of Responses to Survey Questions. *Public Opinion Quarterly*. 1950. Vol. 14. No. 1. P. 61–80. DOI: 10.1086/266150
31. Paulhus D.L., Vazire S. The Self-Report Method. *Handbook of Research Methods in Personality Psychology*. Ed. by R.W. Robins, R.C. Fraley, R.F. Krueger. N.-Y.: Guilford Press, 2007. P. 224–239.
32. Peterson R.A., Kerin R.A. The Quality of Self-Report Data: Review and Synthesis. *Annual Review of Marketing*. Ed. by B.M. Emis, K.J. Roering. Chicago: American Marketing Association, 1981. P. 5–20.
33. Prior M. The Immensely Inflated News Audience: Assessing Bias in Self-Reported News Exposure. *Public Opinion Quarterly*. 2009. Vol. 73. No. 1. P. 130–143. DOI: 10.1093/poq/nfp002
34. Revilla M., Ochoa C., Loewe G. Using Passive Data from a Meter to Complement Survey Data in Order to Study Online Behavior. *Social Science Computer Review*. 2017. Vol. 35. No. 4. P. 521–536. DOI: 10.1177/0894439316638457
35. Scharkow M. The Accuracy of Self-Reported Internet Use — A Validation Study Using Client Log Data. *Communication Methods and Measures*. 2016. Vol. 10. No. 1. P. 13–27. DOI: 10.1080/19312458.2015.1118446
36. Schwarz N., Oyserman D. Asking Questions About Behavior: Cognition, Communication, and Questionnaire Construction. *American Journal of Evaluation*. 2001. Vol. 22. No. 2. P. 127–160. DOI: 10.1177/109821400102200202
37. Strack F., Martin L.L. Thinking, Judging, and Communicating: A Process Account of Context Effects in Attitude Surveys. *Social Information Processing and Survey Methodology*. Ed. by H.J. Hippler, N. Schwarz, S. Sudman. N.-Y.: Springer New York, 1987. P. 123–148. DOI: 10.1007/978-1-4612-4798-2_7
38. Struminskaya B., Keusch F. From Web Surveys to Mobile Web to Apps, Sensors, and Digital Traces. *Survey Methods: Insights from the Field. Special Issue: "Advancements in Online and Mobile Survey Methods"*. 2020. DOI: 10.13094/SMIF-2020-00015. Accessed 10.11.2024. URL: <https://surveyinsights.org/?p=15106&print=pdf>
39. Thorson K., Cotter K., Medeiros M., Pak C. Algorithmic Inference, Political Interest, and Exposure to News and Politics on Facebook. *Information, Communication & Society*. 2021. Vol. 24. No. 2. P. 183–200. DOI: 10.1080/1369118X.2019.1642934
40. Thrift N. *Knowing Capitalism*. London: Sage Publications, 2005. 256 p. DOI: 10.4135/9781446211458
41. Tourangeau R. Cognitive Processes Underlying Context Effects in Attitude Measurement. *Psychological Bulletin*. 1988. Vol. 103. No. 3. P. 299–314. DOI: 10.1037/0033-2909.103.3.299
42. Tourangeau R., Rips L.J., Rasinski K. *The Psychology of Survey Response*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 401 p. DOI: 10.1017/CBO9780511819322

43. Van Driel I.I., Giachanou A., Pouwels J.L., Boeschoten L., et al. Promises and Pitfalls of Social Media Data Donations. *Communication Methods and Measures*. 2022. Vol. 16. No. 4. P. 266–282. DOI: 10.1080/19312458.2022.2109608
44. Vanden Abeele M., Beullens K., Roe K. Measuring Mobile Phone Use: Gender, Age and Real Usage Level in Relation to the Accuracy and Validity of Self-Reported Mobile Phone Use. *Mobile Media & Communication*. 2013. Vol. 1. No. 2. P. 213–236. DOI: 10.1177/2050157913477095
45. Verbeij T., Pouwels J.L., Beyens I., Valkenburg P.M. Experience Sampling Self-Reports of Social Media Use Have Comparable Predictive Validity to Digital Trace Measures. *Scientific Reports*. 2022. Vol. 12. No. 1. DOI: 10.1038/s41598-022-11510-3
46. Weaver C.N., Swanson C.L. Validity of Reported Date of Birth, Salary, and Seniority. *Public Opinion Quarterly*. 1974. Vol. 38. No. 1. P. 69–80. DOI: 10.1086/268135
47. Wenz A., Keusch F., Bach R.L. Measuring Smartphone Use: Survey Versus Digital Behavioral Data. *Social Science Computer Review*. January 2024. P. 1–20. DOI: 10.1177/08944393231224540
48. Zaller J., Feldman S. A Simple Theory of the Survey Response: Answering Questions versus Revealing Preferences. *American Journal of Political Science*. 1992. Vol. 36. No. 3. P. 579–616. DOI: 10.2307/2111583

ПРИЛОЖЕНИЕ

Примеры скриншотов из раздела «Экранное время» операционной системы IOS

Список переменных эксперимента

№ п/п	Измеряемый параметр	Формулировка вопроса из анкеты	Данные из трекера смартфона
1	Среднее время использования смартфона	«Сколько времени Вы проводите в среднем за мобильным телефоном? Оцените, пожалуйста, примерное число в часах или минутах»	да
2	Время использования смартфона за текущий день	«Сколько времени Вы провели за мобильным телефоном сегодня? Оцените, пожалуйста, примерное число в часах или минутах»	да
3	Время использования смартфона за текущую неделю	«А теперь попробуйте оценить количество часов, которые Вы провели за мобильным телефоном на этой неделе. В качестве начальной точки отсчета используйте понедельник текущей недели, в качестве конечной — сегодняшний день. Оцените, пожалуйста, примерное число в часах или минутах»	да
4	Относительная частота использования отдельных мобильных приложений (ранжирование) (Аналитика по этому параметру в настоящей статье не приводится.)	«Ниже напишите, пожалуйста, названия пяти приложений, которыми Вы пользуетесь чаще всего. Проранжируйте их по убыванию — от часто используемых к менее используемым. Пример: <i>Telegram, VK, Instagram*</i> , Яндекс. <i>Электрички, Музыка</i> »	да
5	Цели использования приложений	«Для чего Вы используете мобильный телефон чаще всего? Отметьте не более ПЯТИ вариантов ответов. Провожу время в социальных сетях и мессенджерах. Совершаю финансовые операции (мобильный банкинг). Использую для навигации и передвижения по городу (навигаторы, расписание общественного транспорта, вызов такси). Использую электронную почту. Слушаю музыку и/или подкасты. Учусь (Zoom, Microsoft Teams и другие), использую приложения для образования (РУЗ и другие). Делаю покупки. Смотрю видеоконтент. Ищу информацию через браузер. Делаю звонки через мобильную связь. Снимаю/обрабатываю фото/видео. Другое _____»	—
6	Интенсивность использования смартфона	«Как бы Вы оценили интенсивность пользования мобильным телефоном в целом по шкале от 1 до 5, где 1 — очень мало использую, а 5 — очень много использую. 1 — 2 — 3 — 4 — 5»	—
7	Практика использования приложений, ограничивающих экранное время	«Пользуетесь ли Вы функциями или приложениями, которые ограничивают время пользования мобильным телефоном? Да Нет»	—
8	Добросовестность заполнения анкеты	«Пользовались ли Вы информацией о Вашем экранном времени во время заполнения этой анкеты? Да Нет»	—

Статья поступила в редакцию: 14.03.2024; поступила после рецензирования и доработки: 04.08.2024; принята к публикации: 03.09.2024.

Received: 14.03.2024; revised after review: 04.08.2024; accepted for publication: 03.09.2024.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.5

EDN: LIKFDS

*Д. В. МОИСЕЕВА*¹

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики».
101000, Москва, Мясницкая ул., д. 11.

ВОЛОНТЕРЫ ФИНАНСОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ВЫБОР В НОВЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ¹

Аннотация. Функционирование социальных институтов — основа социальной жизни. Создание новых институтов может проходить через выработку формальных требований и классификаций на уровне старых институтов. Фокусом исследования, результаты которого представлены в данной работе, стало изучение процесса присвоения вновь созданных правил и классификаций на уровне индивидов в ходе формирования нового института. В качестве методологической рамки выбрана теория когнитивных институтов М. Дуглас, которая позволила выделить этапы создания нового института через соотнесение трех определений понятия «институт»: крупномасштабный индустриальный процесс, легитимизированная социальная группа и конвенция. Эмпирическим объектом стали проект «Волонтеры финансового просвещения» и его участники. Функционирование проекта рассмотрено в широком контексте работы по повышению финансовой грамотности населения. Дана подробная характеристика институционального оформления этого проекта, проанализированы классификации, создаваемые в его рамках, показан процесс зарождения нового института. Исследование включения волонтеров в процесс повышения финансовой грамотности населения позволило выделить пять вариантов индивидуального выбора: включение путем выработки классификаций; через принятие классификаций; с помощью решения задач локальных сообществ и непринятия классификаций; включение, опосредованное вовлеченностью в другую волонтерскую деятельность, без принятия классификаций; участие в волонтерской деятельности на основе личных мотивов без принятия

¹ Работа выполнена в Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) НИУ ВШЭ в рамках проекта «Повседневные поведенческие практики россиян в условиях внешних шоков» при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

классификаций. Описание трех уровней процесса институционализации новых классификационных решеток позволило получить комплексную характеристику системы повышения финансовой грамотности в России.

Ключевые слова: финансовая грамотность; финансовое просвещение; финансовое поведение; экономическое поведение; волонтерство; институт.

Для цитирования: Моисеева Д.В. Волонтеры финансового просвещения: индивидуальный выбор в новых институциональных условиях // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 4. С. 104–125. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.5 EDN: LIKFDS

Введение

Повышение финансовой грамотности можно рассматривать на двух уровнях. Первый — работа различных федеральных и региональных органов государственного управления, регулирующая финансовое поведение населения. Это уровень институтов, которые вырабатывают правила, нормы финансово грамотного поведения и создают институциональные условия, направленные на освоение населением этих правил и норм. Институтами реализовано большое количество разнообразных проектов и инициатив: от внедрения компетенции по финансовой грамотности в Федеральных государственных образовательных стандартах всех уровней образования до популяризации использования индивидуальных инвестиционных счетов розничными инвесторами. Второй уровень — индивиды, осуществляющие различные финансовые практики. Эти практики институтами классифицируются как финансово грамотные или финансово неграмотные. Также индивиды включаются или не включаются в проекты, направленные на повышение финансовой грамотности и реализуемые институтами.

Рассмотрение процесса повышения финансовой грамотности населения на институциональном и индивидуальном уровнях приводит к постановке «вечного» социологического вопроса: как осуществляется индивидуальный выбор в существующих институциональных условиях? Как будет показано далее, с одной стороны, институтами задаются довольно жесткие рамки: за последние 15 лет приняты ряд мер по повышению прозрачности и обеспечению стабильности функционирования российской финансовой системы [1]. С другой стороны, не происходит кардинального изменения финансового поведения индивидов [10] и массового включения их в программы повышения финансовой грамотности. «Зазор» между институциональным и индивидуальным уровнями существует всегда, однако изучение процесса индивидуального выбора в формирующихся институциональных условиях может дать прирост и теоретического, и прикладного знания.

Целью исследования стало изучение индивидуального выбора акторов при включении их в процесс повышения финансовой грамотности населения на примере проекта «Волонтеры финансового просвещения». Данный проект выбран в качестве кейса исходя из

нескольких предпосылок. Во-первых, проект в значительной степени инновационный для данного вида деятельности. Примеров институционализированного проекта, совмещающего волонтерскую деятельность и финансовое просвещение, за рубежом нет. Во-вторых, под волонтерством обычно понимается добровольная, безвозмездная, инициативная деятельность, следовательно, принятие решения о включении его в проект должно быть в большей степени основано на индивидуальном выборе, а не на институциональном оформлении проекта. В-третьих, в волонтерстве участвуют практически все основные стейкхолдеры деятельности по повышению финансовой грамотности в России. Описывая их взаимодействия в рамках этого проекта, можно выйти на концептуальную рамку организации работы в целом.

На первом этапе обоснована методологическая рамка анализа реализации проекта на разных уровнях. Затем представлено институциональное оформление проекта «Волонтеры финансового просвещения» (далее — Проект) и типизированы способы индивидуального выбора при включении в него волонтеров. Ключевые выводы сделаны на основе соотнесения вариантов индивидуального выбора и задаваемых институциональных рамок (классификаций).

Как мыслят институты: обоснование методологической оптики исследования

Чтобы показать, как осуществляется взаимодействие между индивидуальным и институциональным уровнями, обратимся к когнитивной теории институтов М. Дуглас. В своей работе «Как мыслят институты» автор делает основной акцент на изучении степени зависимости мышления людей от институтов. Ключевая идея Дуглас состоит в утверждении, что у индивидов «нет другого способа принимать важные решения, кроме как в рамках институтов, которые они создают» [3, с. 229]. Она последовательно доказывает, что теоретическая модель «мыслящий человек как суверенный индивид», предлагаемая в рамках теории рационального выбора, неприменима для анализа реального поведения людей, так как основой мышления каждого индивида выступают общие категории, являющиеся коллективными представлениями — конвенциями. Процесс мышления любого индивида обусловлен теми категориями, которые он разделяет. Опираясь на теоретические ресурсы, разработанные Э. Дюркгеймом [4–9] и Л. Флеком [12], М. Дуглас предложила теоретическое объяснение процесса формирования социальных институтов через создание общепринятых классификаций и поставила ряд исследовательских вопросов, поиск ответов на которые задал направления дальнейших научных дискуссий о функционировании институтов. Ее критиковали за непоследовательность использования введенных понятий [18], но регулярно предпринимали попытки использовать ее концепты как в теоретических, так и в прикладных проектах [2; 11; 16; 17; 19].

Исследовательская логика М. Дуглас позволяет усматривать сюжеты, которые ранее оставались за рамками представлений ученых.

Дуглас предлагает три подхода к определению понятия «социальный институт», каждый из которых задает важный ракурс исследования: «институт как легитимированная социальная группа» [3, с. 115], «институт как конвенция» [3, с. 114] и «институт как крупномасштабный индустриальный процесс» [3, с. 203]. Рассмотрим каждое определение подробнее.

Критикуя теорию индивидуального рационального выбора, Дуглас отмечает: «Мы знаем, что индивиды подчиняют свои личные интересы благу других людей, что наблюдается альтруистическое поведение, что группы влияют на мышление своих членов и даже вырабатывают собственные стили мышления» [3, с. 79]. Для Дуглас принципиально важно, что институт есть соединение социальной группы и ее коллективных представлений. По ее мнению, невозможно рассматривать коллективные представления в отрыве от социальной группы, которая их разделяет.

Следующее определение — «института как конвенции» — Дуглас формулирует в результате анализа коллективных действий малых сообществ и латентных групп: «категории политического дискурса, когнитивные основания социального порядка являются договорными» [3, с. 91]. В интерпретации Дуглас социальный институт создается следующим образом: «Индивиды, выбирая среди природных аналогий те, которым они будут доверять, также одновременно выбирают союзников и противников, шаблон своих будущих отношений. Создавая свою версию природы, они смотрят на то, как устроено общество. Словом, они конструируют машину для мышления и принятия решения» [3, с. 138-139]. Идея конвенционального характера социальных институтов позволяет иначе взглянуть и на процесс индивидуального познания, и на процесс индивидуального выбора. И то и другое происходит при согласовании набора утверждений с членами социальной группы, к которой относиться индивид. Рассматривая общепринятые классификации как часть социальных институтов, Дуглас делает следующее заключение при решении вопроса об осуществлении индивидуального выбора в рамках тех или иных институтов: «Индивид может отвергать публичные классификации и не позволять им влиять на его суждения либо индивид может признавать полезность публичных классификаций, но считать, что он (или она) не способен (не способна) соответствовать ожидаемым стандартам» [3, с. 189]. При осуществлении своего выбора индивид также понимает степень его правильности/неправильности: «Наши социальные взаимодействия в значительной степени заключаются в сообщении друг другу того, что есть правильное мышление, и в порицании ошибочного мышления. Именно так мы строим институты, придавая идеям друг друга единую форму, так что доказательством правильности становится количество независимо

соглашающихся людей» [3, с. 179]. В представлении Дуглас, создание института и его легитимация — это процесс выработки конвенций.

Серьезный шаг в сторону от своих рассуждений Дуглас делает, когда утверждает, что «крупномасштабные индустриальные процессы сами по себе являются институтами. Они не подчиняются механизмам локального контроля со стороны сообщества» [3, с. 203]. Данное определение института становится итогом обсуждения условий и механизма смены существующих классификаций. Крупномасштабный индустриальный процесс не является социальной группой и тем более коллективными представлениями этой группы. Кардинальное изменение экономических условий хозяйствования приводит к появлению социальных институтов нового типа, функционирование которых, видимо, уже происходит на другом уровне и по другим правилам, но данные вопросы не рассматриваются самой Дуглас. Однако зафиксируем этот момент, так как он представляется важным для дальнейшего анализа.

Используя описанную теоретическую модель, обратимся к анализу процесса повышения финансовой грамотности. Если принять рамку «социальный институт как крупномасштабный индустриальный процесс», то можно предположить, что работа по повышению финансовой грамотности населения является следствием процесса финансиализации экономики, подробно описанного в работах современных экономистов и социологов [13; 14; 15; 21]. Финансиализация выступает в современных для нас условиях социальным институтом, каким были во времена Дуглас крупномасштабные индустриальные процессы. Финансиализация экономики — это пример социального института глобализационного характера, который формируется уже на уровне не локальных, а, скорее, профессиональных сообществ (участников глобальных финансовых рынков) из разных стран мира.

Как и любой социальный институт, финансиализация требует легитимации, признания через освоение классификаций и вовлечение в финансовые практики все большего числа индивидов. Профессионалы финансовых систем отдельных стран участвуют в создании классификаций, используемых как на глобальных, так и на локальных финансовых рынках. Наиболее общие классификации создаются на глобальном уровне, затем происходит их осмысление и закрепление на уровне отдельных государств в виде нормативных документов: «...в любом случае мы применяем категории, используемые нашими чиновниками для сбора налогов, проведения переписи населения и оценки потребности в школах и тюрьмах» [3, с. 191]. Индивиды же, получая готовые классификации, выбирают, принять или не принять их. Тогда процесс повышения финансовой грамотности населения можно изучать с позиций присвоения индивидами существующих и вновь создаваемых классификаций, формирования новых институтов путем согласования норм, правил финансового поведения (рис.).

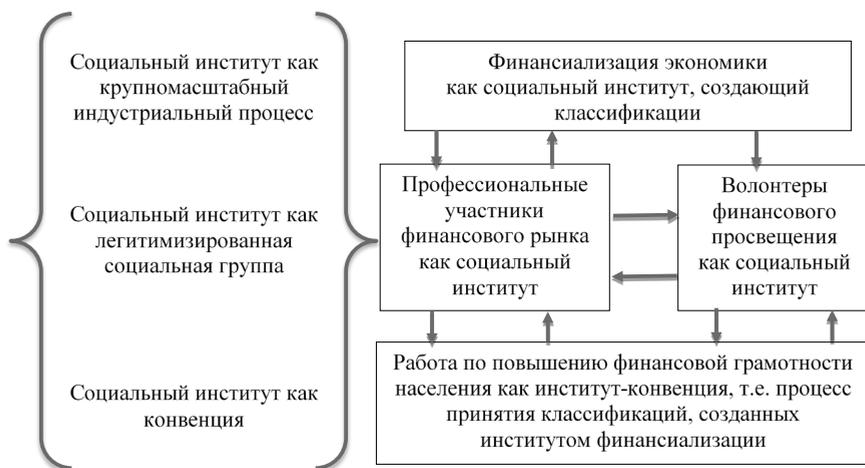

Рис. Модель взаимодействия индивидуального и институционального уровней

На уровне гипотез исследования можно сформулировать следующее утверждение: финансиализация экономики актуализировала потребность разных социальных групп в овладении финансовыми навыками. В первую очередь необходимость вовлечения широких слоев населения в работу финансовой системы (кредитование, страхование, инвестирование и др.) осознали профессиональные участники финансового рынка. Объединившись, они инициировали процесс «повышения финансовой грамотности населения», то есть создания условий для принятия классификаций, разрабатываемых самими участниками финансового рынка. В рамках этого процесса, помимо базовых классификаций (различные финансовые категории), стали появляться новые. Институт выработал сначала правила, регламентирующие финансовое просвещение, а затем и правила, определяющие деятельность волонтеров финансового просвещения. При этом принятие/непринятие этих новых классификаций является выбором индивида. Если произойдет массовое принятие публичных классификаций (как базовых, так и волонтерских), то можно будет сделать вывод об успешности работы по повышению финансовой грамотности населения. Соответственно, необходимо изучить модели индивидуального выбора при принятии решения о волонтерстве в сфере финансового просвещения. Определив методологическую оптику исследования, рассмотрим его методы и опишем результаты.

Методика исследования

Для достижения обозначенной цели исследования необходимо было разработать комплексную методику, основанную на изучении

институционального уровня функционирования проекта и выбора индивидов при принятии решения о включении в работу по финансовому просвещению. На первом этапе был проведен контент-анализ публикаций о проекте, раздела о проекте на сайте Ассоциации развития финансовой грамотности (АРФГ)², разработанных сотрудниками АРФГ документов, регламентирующих деятельность волонтеров, отчетов Банка России, содержащих информацию о волонтерстве в сфере финансового просвещения. На основе результатов контент-анализа были описаны институциональные условия реализации проекта и классификации, задаваемые ключевыми участниками финансового рынка.

В качестве основного инструмента получения информации об индивидуальном уровне был выбран метод глубинного интервью. Данный метод позволяет представить совокупность возможных вариантов индивидуальных выборов акторов с детальным описанием базовой логики принятия решений о включении в проект финансового просвещения. Кроме этого, качественная методика позволила получить первичные описания волонтерских практик и мотивов. Эмпирическую основу исследования составили 23 глубинных интервью с волонтерами финансового просвещения, проведенные в марте – апреле 2021 г. и январе – феврале 2022 г. с использованием видео-конференц-связи. Для отбора информантов применялась комбинированная стратегия: целевой набор через институциональный канал (обратная связь конференций, организуемых АРФГ), дополненный методом снежного кома. Это обосновано необходимостью обеспечить разнообразие точек входа в поле и выход за пределы институционального канала. Основные характеристики информантов приведены в Приложении. В ходе глубинных интервью был описан опыт организации студенческих волонтерских отрядов, который не учитывался на этапе проектирования основной выборки. Данный кейс оказался важным для достижения заявленной цели исследования, поэтому в феврале – марте 2022 г. были проведены два групповых интервью с представителями студенческих отрядов, занимающихся финансовым просвещением (одно — с обучающимися в организации среднего профессионального образования (СПО), другое — со студентами вуза).

В исследовании использовалось три гайда: для волонтеров, не зарегистрированных на сайте АРФГ; для волонтеров, зарегистрированных на сайте АРФГ; гайд группового интервью. Общими были блоки, касающиеся социально-демографических характеристик информантов, опыта волонтерской деятельности в целом и в сфере финансового просвещения, содержания волонтерской деятельности, мотивации, включенности в социальные сети волонтеров финансового просве-

² Волонтеры // Ассоциация развития финансовой грамотности. — URL: <https://fincubator.ru/volontery.php> (дата обращения 30.01.2024).

щения, требований к волонтеру, организационных вопросов, оценки распространенности изучаемого вида волонтерства. Если волонтер был зарегистрирован на сайте АРФГ и/или имел опыт взаимодействия с ассоциацией, задавался блок вопросов об этом опыте. На групповых интервью было важно понять особенности функционирования отрядов, мотивацию участия в них волонтеров, распределение ролей.

Волонтеры финансового просвещения: институциональное оформление проекта

Для решения государственной задачи по повышению финансовой грамотности населения России запланировано привлечение широкого круга физических лиц для добровольной и безвозмездной организации мероприятий в сфере финансового просвещения. На данный момент вопросы организации и финансирования проекта решает АРФГ. Учитывая источники финансирования деятельности АРФГ, можно утверждать, что проект финансируется ключевыми игроками российского финансового рынка.

В основе описываемого проекта лежит идея создания института независимых финансовых советников (financial advisors) — специалистов, которые консультируют в вопросах личного финансового планирования [15; 20]. Но если за рубежом это оплачиваемые клиентом услуги, то в России подготовка подобных специалистов и их последующая деятельность финансировались государством. В 2015–2017 гг. при поддержке Минфина России появились реестры тьюторов по повышению финансовой грамотности³ и консультант-методистов в области финансовой грамотности населения⁴. Эти специально обученные консультанты занимались как личным консультированием, так и организацией мероприятий в области финансовой грамотности на безвозмездной основе. Данный проект существовал до 2021 г., позднее его участникам было предложено продолжить свою деятельность, зарегистрировавшись в качестве волонтеров финансового просвещения. Согласно аналитическому докладу за 2022 г. о ходе реализации «Стратегии повышения финансовой грамотности в РФ на 2017–2023 гг.», размещенному на сайте «Научно-исследовательского финансового института» Минфина России, на сайте АРФГ в 2022 г. было зарегистрировано

³ Всероссийский реестр тьюторов по повышению финансовой грамотности взрослого населения // Ваши финансы. — URL: <https://vashifinancy.ru/upload/docs/%D0%A0%D0%B5%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%80%20%D1%82%D1%8C%D1%8E%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%202017.pdf> (дата обращения 30.01.2024).

⁴ Реестр консультант-методистов // Ваши финансы. — URL: <https://vashifinancy.ru/dlya-uchastnikov-proekta/metodicheskie-tzenryi/center3/consultants/> (дата обращения 30.01.2024).

11 187 волонтеров финансового просвещения, их силами было организовано 1 692 мероприятия с охватом 50 424 участников⁵.

Анализ функционирования проекта необходимо начать с анализа классификаций, которые задали разработчики проекта. На сайте АРФГ предлагаются два определения понятия «волонтер финансового просвещения»:

— доброволец, безвозмездно участвующий в деятельности по повышению уровня финансовой грамотности населения;

— физическое лицо, осуществляющее благотворительную деятельность в форме добровольного выполнения работ, оказания услуг населению и общественным институтам в области финансового просвещения, не предусматривающего оплату по результатам работ (услуг).

АРФГ позиционирует проект как «сообщество единомышленников, использующих разные формы и методы работы, но объединенных едиными этическими принципами и профессиональными подходами, формирующими стандарт работы волонтера финансового просвещения»⁶. АРФГ разработала волонтерскую программу, в которой представлены основные понятия проекта, стандарт работы волонтера, условия и требования к его деловой активности, ценности волонтера, ступени развития компетенций, требования к уровню компетентности (грамотности), базовые требования к результатам его работы и формы деловой активности.

Важным с точки зрения процесса институализации волонтерства в сфере финансового просвещения является функционирование электронной среды для регистрации волонтеров на сайте АРФГ. С позиций института практика регистрации волонтеров необходима для поддержки волонтерской деятельности (компетентностная, методическая, информационная, организационная поддержка), а также для контроля и учета. После регистрации волонтер должен пройти обучение, далее ему назначается куратор и появляется возможность подачи заявок на поддержку своих проектов, ему доступны формы отчетности по проведенным мероприятиям. Создание электронной среды для АРФГ — это способ контроля за контентом мероприятий и предупреждения попыток использования бренда волонтеров АРФГ для продвижения

⁵ Аналитический доклад за 2022 г. о ходе реализации «Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 гг.» — URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/Reports/%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82_%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4_%D0%A4%D0%93_2022.pdf (дата обращения 14.06.2024).

⁶ Волонтерская программа Ассоциации развития финансовой грамотности // Ассоциация развития финансовой грамотности. — URL: <https://fincubator.ru/upload/iblock/f7b/f7b204edc7eb68fe8aef10de31354e0f.pdf> (дата обращения 30.01.2024).

конкретных финансовых продуктов, а также возможность учета числа волонтеров, количества проведенных ими мероприятий и численности их участников. На сайте существует рейтинг волонтеров, который зависит от количества организованных мероприятий. С ростом рейтинга волонтерам присваивается квалификация. Это способ нематериального стимулирования волонтеров.

За 11 лет (2012–2023 гг.) идея поддержки частных и общественных инициатив в сфере финансового просвещения воплотилась в проект с четко регламентированными правилами. Изучив институциональное оформление проекта, можно подтвердить гипотезу о том, что профессиональные участники финансового рынка активно создают классификации и механизмы их присвоения другими социальными группами. В рамках проекта создано более 10 формальных классификаций: определение волонтера финансового просвещения, классификация уровней профессионализации волонтеров и направлений волонтерской активности, формат мероприятий и их целевые группы, наличие/отсутствие регистрации и др. Выработанные классификационные решетки в большей степени нацелены на подсчет количественных показателей волонтерства и практически оставляют за рамками содержательную сторону. Так, например, вместо системы мотивации описана система нематериального стимулирования. Создание институциональных условий (классификаций) не гарантирует масштабного присвоения этих классификаций, включения в работу по новым предлагаемым институтом правилам. Для ответа на вопрос, «как осуществляется индивидуальный выбор при решении вопроса о включении в работу по финансовому просвещению?», обратимся к результатам анализа глубинных интервью с волонтерами.

Волонтеры финансового просвещения: индивидуальный выбор

На этапе проектирования данного исследования не было четкого понимания, кто те люди, которые принимают решение стать волонтером финансового просвещения, какова их мотивация, как они выстраивают свою работу, какими источниками информации пользуются для повышения финансовой грамотности населения, как происходит взаимодействие с электронной средой, с какими сложностями и ограничениями сталкиваются, как можно оценить эффективность их работы. При изучении вопроса о способе индивидуального включения в волонтерскую деятельность были рассмотрены два варианта: непосредственно включение в работу по повышению финансовой грамотности на безвозмездной основе и регистрация в качестве волонтера на сайте АРФГ. Для всех волонтеров, принявших участие в исследовании, регистрация была вторична по отношению к волонтерской деятельности, то есть все, кто зарегистрирован на сайте, пришли к регистрации, уже имея определенный волонтерский опыт.

На основе выбранной методологической оптики была разработана типология способов принятия волонтером решения в пользу включения в работу по финансовому просвещению в рамках новых институциональных условий и принятия/непринятия предложенных классификаций. Необходимо отметить, что в целом организация работы по финансовому просвещению, инициированная профессиональными участниками финансового рынка, во многом построена на сотрудничестве с системой образования⁷. Эта тесная связь отражается и на волонтерстве в сфере финансового просвещения. Одни волонтеры, принявшие участие в исследовании, работают или работали преподавателями в разных образовательных организациях, для других вуз стал точкой входа в волонтерство. Информация о волонтерах финансового просвещения вне системы образования получена косвенным путем. Например, в исследовании ФОМа и проведенных глубинных интервью описаны волонтеры, работающие в Банке России, но выйти на эту группу нам не удалось.

Тип 1: включение путем выработки классификаций

Волонтеры, описывающие свой выбор в пользу включения в работу по финансовому просвещению на уровне выработки классификаций, — это волонтеры системного уровня, которые на безвозмездной основе не просто проводят мероприятия по финансовому просвещению, а в большей степени ориентированы на организацию работы других волонтеров.

В одном случае волонтер работал в системе образования, но еще до выхода на пенсию ушел с работы в вузе и сконцентрировался на волонтерской деятельности, создал свой проект в сфере финансового просвещения и сейчас ищет возможность для его монетизации. Суть проекта: разработка методического контента для сотрудников детских садов, занимающихся финансовым просвещением (вебинары, ведение социальных групп, личные консультации). Включение в работу по финансовому просвещению произошло через повышение квалификации в системе образования и получение статуса сертифицированного методиста-консультанта. Со сменой типа занятости волонтер не только не перестал заниматься этой деятельностью, но и перешел на другой уровень, помогая педагогам осваивать классификации и транслировать их своим ученикам.

Второй кейс в данном типе волонтеров интересен тем, что волонтер участвует в самых первых этапах разработки концепции повышения финансовой грамотности, а также описывает свой опыт финан-

⁷ Перечень мероприятий Минобрнауки России и Центрального банка РФ в области повышения финансовой грамотности обучающихся образовательных организаций в Российской Федерации на 2017–2021 гг. — URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/17579/map_2017-04-13.pdf (дата обращения 30.01.2024).

сового волонтерства задолго до старта официальной работы в этом направлении. Этот волонтер много лет проработал на финансовом рынке в качестве руководителя страховой компании и по завершении карьеры пришел в образование. Будучи представителем сообщества профессиональных участников финансового рынка, он стал преподавателем и активно включился в воспитательную работу со студентами. В определенный момент эта работа и финансовое просвещение отрядились в один проект и появился студенческий волонтерский отряд на базе вуза. Этот проект несколько раз получал грантовую поддержку, благодаря чему работу удалось преобразовать в систему. На сегодняшний день при активном участии этого волонтера в вузе функционирует центр компетенций по финансовой грамотности, который проводит большое количество мероприятий для разных групп населения, его опыт работы масштабируется на соседние регионы. По поводу индивидуального выбора данного волонтера следует отметить, что этот профессионал, понимая необходимость принятия публичных классификаций молодежи, включился в финансовое просвещение через волонтерские практики. Выбор был сделан осознанно, более того, волонтер принял участие в институализации проекта, в его разработке и реализации.

Тип 2: включение через принятие классификаций

Индивидуальный выбор в пользу включения в работу по финансовому просвещению на уровне принятия классификаций основывается на личной заинтересованности волонтера и его работе в системе образования. Это преподаватели образовательных организаций, специализирующиеся на проведении занятий по финансовой грамотности для учащихся, их родителей и своих коллег. В данном случае волонтерская и профессиональная деятельности тесно связаны: волонтеры ведут занятия в рамках работы в образовательной организации, при этом они могут быть зарегистрированы на сайте АРФГ. Обычно волонтерская деятельность предполагает практики за рамками основных занятий. Включение волонтеров данного типа в работу по финансовому просвещению проходило в основном в ходе обязательного повышения квалификации педагогов, но при этом у них был выбор между привычной тематикой (методика преподавания профильных дисциплин) и финансовой грамотностью. Но, помимо повышения квалификации, есть примеры вовлечения через конкурс методических разработок, организованный Банком России, а также через волонтерскую программу фонда «Вклад в будущее» при Сбербанке.

Дополнительным стимулом для вовлечения в финансовое просвещение стало появление отчетности о мероприятиях по повышению финансовой грамотности на уровне школ и организаций среднего профессионального образования. В учебных заведениях стали назначать ответственными за организацию работы по финансовой грамотности,

однако назначение происходило по согласию сторон из тех преподавателей, которые прошли повышение квалификации и практиковали разные виды активности в данном направлении.

Создание новых институциональных условий во многом определило включение данной группы волонтеров в работу по финансовому просвещению. На первых этапах это в большей степени имело добровольный, инициативный характер, педагоги с интересом осваивали новые знания и транслировали их ученикам в свободной форме (дополнительные занятия, организация экскурсий, вовлечение в участие в тематических конкурсах, олимпиадах и др.). Регистрация на сайте в качестве волонтера в большей степени определялась поиском новых форматов работы с учениками. Впоследствии с введением финансовой грамотности как обязательной дисциплины в основные образовательные программы и отчетности данная деятельность в меньшей степени стала определяться как волонтерская.

Есть пример волонтера, который, являясь кадровым офицером, начал посещать со своими детьми занятия по финансовой грамотности, организованные в клубе на базе областной библиотеки при поддержке Минфина России. До этого он обучался по программе независимых финансовых советников и валютных трейдеров. Опираясь на полученные знания, он начал проводить занятия в этом клубе и активно включился в работу проекта Минфина России, затем стал сертифицированным консультантом по финансовой грамотности и получил золотой грейд. По завершении службы в армии он стал преподавателем в организации СПО и продолжает активную волонтерскую деятельность в сфере финансового просвещения. Свой выбор по включению в работу по финансовому просвещению он обосновывает личной заинтересованностью, стремлением к самореализации, желанием обеспечить финансовое благосостояние своей семьи и помочь людям, живущим в его регионе. Этот кейс интересен тем, что волонтер, изначально не связанный с системой образования, полностью встроился в новый формирующийся институт. Хобби, досуговые практики и волонтерская деятельность определили смену его профессиональной траектории. Индивидуальный выбор постоянно совершался в пользу принятия новых институциональных условий. Достигнув значительных успехов в качестве сертифицированного методиста-консультанта по завершении проекта Минфина России, он прошел регистрацию в качестве волонтера на сайте АРФГ и в будущем планирует продолжать эту работу.

В данном случае личная заинтересованность была поддержана новыми институциональными условиями, что привело к полному принятию заданных классификаций. Согласно классификации волонтеров АРФГ по направлениям деятельности, это волонтеры-презентаторы и волонтеры-игротехники, причем сочетающие в своей деятельности оба направления.

Тип 3: включение через решение задач локальных сообществ при непринятии классификаций

Это волонтеры, которые давно начали заниматься финансовым просвещением и вошли в проект со своим богатым опытом волонтерской деятельности в данной области. При этом принятие решения о включении в работу происходило по-разному. Например, среди них есть кадровые офицеры в отставке. В одном случае информант является членом Всероссийского общества инвалидов. Работая в рамках президентского гранта по проекту, не связанному с финансовой грамотностью, он делился своими знаниями в области экономики с ребятами-инвалидами и понял, что тема очень востребована. Общение сформировалось на постоянной основе, и родилась идея подать заявку на новый президентский грант по финансовому просвещению инвалидов. Этот волонтер, работая преподавателем в вузе, прошел повышение квалификации по финансовой грамотности, хотя финансовым просвещением инвалидов занимался и раньше. Благодаря масштабной информационной поддержке работы по повышению финансовой грамотности возникла идея оформить свою деятельность в виде проекта.

В другом случае включение в работу по финансовому просвещению было основано на личном негативном опыте взаимодействия с мошенниками. Информант также отмечает, что более активно стал заниматься финансовым просвещением после прихода на работу в школу. Но «карьера» этого волонтера развивалась вне процессов институционализации, и он транслирует негативное отношение к вмешательству в работу каких-либо институтов. Вокруг волонтера стихийно сложился клуб финансовой грамотности из жителей поселка, где расположена школа, в которой он работает. Члены клуба регулярно собираются для обсуждения различных аспектов финансовой грамотности. Параллельно волонтер оказывает юридическую помощь односельчанам, попавшим в сложные ситуации (МФО, коллекторы). Видя реальную пользу для локального сообщества от своей деятельности, он убеждается в правильности выбранного направления работы.

Данных волонтеров объединяет желание помочь локальному сообществу, но по способам организации своей деятельности они различаются. Начиная как «независимые» акторы, они пришли к включению в новые институциональные условия. При этом освоения публичных классификаций, созданных в рамках проекта, не происходит.

Тип 4: включение, опосредованное вовлеченностью в другую волонтерскую деятельность, без принятия классификаций

Данный тип индивидуального выбора выделен у «серебряного» волонтера и работников ресурсных волонтерских центров. Для них определяющим фактором принятия решения об организации мероприятий по финансовому волонтерству является вовлеченность в волонтерскую деятельность в целом, конкретное наполнение мероприятий вторично. «Серебряный» волонтер — это педагог, переквалифицировавшийся

в 1990-х гг. в сотрудника банка и проработавший в нем более 20 лет. После выхода на пенсию он стал посещать «Университет пожилого человека», затем на форуме волонтеров увидел бывших коллег, которые презентовали программы повышения финансовой грамотности, реализуемые Банком России, и включил в свою волонтерскую деятельность работу по повышению финансовой грамотности как одно из основных направлений. В итоге был реализован большой проект, ориентированный на разные группы населения.

Для «серебряного» волонтера это классический вариант организованной волонтерской деятельности, способ самореализации и возможность почувствовать свою востребованность, причастность к решению социально значимой проблемы. Институциональные условия в этом случае сыграли большую роль: без запуска образовательных проектов для старшего поколения, проектов по созданию центров для «серебряных» волонтеров реализация данного проекта была бы невозможна. Однако здесь важно, что ранее существовавшая волонтерская организация наполнила свою привычную деятельность новым содержанием — материалами по финансовому просвещению. Индивидуальный выбор во многом был определен предыдущим жизненным опытом и существующими институциональными рамками волонтерства.

В такой же логике описывают свой опыт включения в проект по финансовому просвещению работники волонтерских центров. Во время своей текущей деятельности они создали запрос на финансовое просвещение среди своих волонтеров и благополучателей и, когда появилась возможность, добавили этот элемент в свою работу. В случае работников волонтерских центров, когда они помогают организовать работу по финансовому просвещению, речь, скорее, идет не об индивидуальном выборе, а о сотрудничестве двух институтов — волонтерства и финансового рынка, которые нашли точки пересечения и выработали формат взаимодействия. «Серебряные» волонтеры и их благополучатели в этом случае вряд ли совершают индивидуальный выбор, они, вероятно, пассивно участвуют в институционально организованной деятельности. Однако при этом описывается опыт обращения за помощью в случае затруднений в использовании финансовых продуктов, и этот опыт становится причиной включения в работу.

Таким образом, в данном случае индивидуальный выбор основан на имеющемся опыте волонтерской деятельности и запросе со стороны благополучателей. Сам проект этих волонтеров интересует в части методической поддержки, взаимодействия посредством сайта АРФГ не требуется.

***Тип 5: участие в волонтерской деятельности
на основе личных мотивов без принятия классификаций***

Включение в работу по финансовому просвещению может иметь разовый характер на основе личных утилитарных мотивов без приня-

ров, регистрация в электронной среде, система их стимулирования, этические нормы и др.) слабо соответствует существующему разнообразию волонтерских практик. Отсутствие понимания мотивации волонтеров и способов осуществления ими индивидуального выбора при включении в работу по финансовому просвещению тормозит масштабирование проекта.

Анализ глубинных интервью с волонтерами финансового просвещения выявил запрос на повышение финансовой грамотности со стороны различных социальных групп (молодежь, пенсионеры, жители сельских районов и др.). Образовательный контент, создаваемый с целью присвоения базовых классификаций (категории финансовой системы), востребован и активно используется как самими волонтерами, так и целевыми группами. Волонтеры отмечают, что для проведения мероприятий по финансовому просвещению требуется высокий уровень подготовленности (принятия базовых классификаций на индивидуальном уровне).

По результатам изучения индивидуального выбора волонтеров при включении в процесс повышения финансовой грамотности населения были выделены следующие типы включения в волонтерскую деятельность и ее последующей организации:

Тип 1. Волонтеры могут без взаимодействия с АРФГ продумывать способы организации своей работы (организация студенческих волонтерских отрядов, создание клубов финансовой грамотности, запуск методических проектов и др.). Они в большей степени ориентированы на создание правил работы (создание классификаций), при этом разработанные ими проекты могут быть институализированы и масштабированы и могут существовать вне института.

Тип 2. Это случай, заложенный в «идеальной» модели, разработанной на институциональном уровне, когда инициативный, внутренне мотивированный актер включается в работу по правилам, предложенным АРФГ. Волонтеры проходят регистрацию на сайте, организуют мероприятия с использованием электронной среды, загружают отчетность, учувствуют в волонтерской программе АРФГ и в будущем планируют свою деятельность на основе взаимодействия с АРФГ.

Тип 3. Индивидуальный выбор волонтеров может быть основан на желании обеспечить финансовую безопасность той социальной группы, к которой он принадлежит. В этом случае деятельность волонтера организуется стихийно, но с использованием возможностей, предлагаемых институтом (образовательный контент, грантовая поддержка и др.). При этом волонтеры не видят необходимости взаимодействия с АРФГ, более того, негативно реагируют на идею институализации своей деятельности.

Тип 4. Волонтеры, занимающиеся профессионально волонтерством (зарегистрированные на сайте добро.рф, имеющие опыт запуска проектов на этой платформе), делают финансовое просвещение одним из направлений своей деятельности. Этот выбор основывается на запросе благополучателей. Волонтеры готовы сотрудничать с АРФГ на уровне организации совместных мероприятий, но без регистрации на сайте и представления отчетности.

Тип 5. Волонтер при включении в работу по финансовому просвещению может иметь личные утилитарные мотивы (получение поощрения со стороны преподавателя или руководителя организации, в которой он трудоустроен; использование волонтерской деятельности при подготовке отчета; получение сертификата об участии в мероприятии). При этом имеет место формальный подход к регистрации в качестве волонтера на сайте АРФГ, без принятия классификаций.

Результаты данного исследования требуют дальнейшего научного осмысления. Проект «Волонтеры финансового просвещения» — лишь один из примеров попытки трансляции классификаций «сверху». Важно понять, как происходит принятие/непринятие этих классификаций, исследовать мотивы индивидуального выбора в рамках формирующихся институтов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Моисеева Дарья Викторовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория экономико-социологических исследований, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (495) 772-95-90 доб. 22109
Электронная почта: dmoiseeva@hse.ru

Research Article

DARYA V. MOISEEVA¹

¹ HSE University.

11 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

FINANCIAL LITERACY VOLUNTEERS: INDIVIDUAL CHOICE IN NEW INSTITUTIONAL CONDITIONS

Abstract. The functioning of social institutions is the basis of social life. The creation of new institutions can take place through the development of formal requirements and classifications at the level of old institutions. The focus of the study the results of which are presented in this paper is examining the process of appropriating newly created rules and classifications at the level of individuals during the development of a new institution. The methodological framework chosen was M. Douglas's theory of cognitive institutions, which allowed us to identify the stages of creating a new institution by correlating three definitions of the concept of 'institution': a large-scale industrial process, a legitimized social group and a convention. The empirical object was the project 'Volunteers of

Financial Education’ and its participants. The functioning of the project is considered in the broad context of work on improving financial literacy among the population. The detailed characteristic of the institutional design of this project is given, classifications created within its framework are analyzed, the process of origin of the new institution is shown. The study of volunteers’ inclusion in the process of improving financial literacy among the population allowed us to identify five options of individual choice: inclusion through the development of classifications; through the adoption of classifications; through solving the problems of local communities and non-adoption of classifications; inclusion mediated by involvement in other volunteer activities, without the adoption of classifications; participation in volunteer activities on the basis of personal motives without the adoption of classifications. The description of the three levels of the process of institutionalization of new classification grids allowed us to obtain a comprehensive characteristic of the system of improving financial literacy in Russia.

Keywords: financial literacy; financial education; financial behavior; economic behavior; volunteering; institution.

For citation: Moiseeva, D.V. Financial Literacy Volunteers: Individual Choice in new Institutional Conditions. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal. 2024. Vol. 30. No. 4. P. 104–125. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.5*

Acknowledgments. The study was conducted in the Laboratory for Studies in Economic Sociology at the HSE University, the project “Russians’ Daily Social Practices under Exogenous Shocks”, and supported by the Program for Basic Research of the HSE University.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Darya V. Moiseeva — Candidate of Sociological Sciences, Research fellow, Laboratory for Studies in Economic Sociology, HSE University. **Phone:** +7 (495) 772-95-90 ext. 22109. **Email:** dmoiseeva@hse.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Белехова Г.В.* Регулирование финансового поведения населения современной России: формирование нормативной среды и воспитание человека // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* 2020. Т. 13. № 3. С. 111–128. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.8 EDN: HXPKN
Belekhova G.V. Regulation of Financial Behavior of the Population of Modern Russia: Regulatory Context Formation and Personal Development. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz.* 2020. Vol. 13. No. 3. P. 111–128. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.8 (In Russ.)
2. *Волкова М.Д.* Шаманы, чиновники и их космологии: местные религиозные организации Бурятии и Иркутской области // *Антропологический форум.* 2021 № 51. С. 39–71. DOI: 10.31250/1815-8870-2021-17-51-39-71 EDN: AYMZWF
Volkova M.D. Shamans, Bureaucrats, and their Cosmologies: Local Religious Organisations in Buryatia and The Irkutsk Region. *Antropologicheskii forum.* 2021. No. 51. P. 39–71. DOI: 10.31250/1815-8870-2021-17-51-39-71 (In Russ.)

3. *Дуглас М.* Как мыслят институты / Пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы, 2020. — 250 с.
Douglas M. *How Institutions Think*. Transl. from Eng. by A.M. Korbut. Moscow: Elementarnye formy publ., 2020. 250 p. (In Russ.)
4. *Дюркгейм Э., Мосс М.* О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Пер. с фр.; сост.; предисловие, вступит. ст.; коммент. А.Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. С. 55–124.
Durkheim É., Mauss M. On Some Primitive Forms of Classification. Towards the Study of Collective Representations. *Mauss M. Societies. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology*. Transl. from French; comp.; foreword; notes by A.V. Gofman. Moscow: KDU publ., 2011. P. 55–124. (In Russ.)
5. *Дюркгейм Э.* Метод социологии // Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с франц. А.Б. Гофмана. М.: Юрайт, 2019. С. 39–158.
Durkheim É. The Method of Sociology. *Sociology. Its Subject, Method, Purpose*. Transl. from French by A.V. Gofman. Moscow: Yurait publ., 2019. P. 39–158. (In Russ.)
6. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / Пер. с франц. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996. — 430 с.
Durkheim É. *The Division of Labour in Society*. Transl. from French by A.V. Gofman. Moscow: Kanon publ., 1996. 430 p. (In Russ.)
7. *Дюркгейм Э.* Представления индивидуальные и представления коллективные социологии // Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Юрайт, 2019. С. 165–190.
Durkheim É. Individual and Collective Representations Sociology. *Sociology. Its Subject, Method, Purpose*. Transl. from French by A.V. Gofman. Moscow: Yurait publ., 2019. P. 165–190. (In Russ.)
8. *Дюркгейм Э.* Самоубийство / Пер. с фр. А.Н. Ильменского. СПб.: Изд-во Н.П. Карбасникова, 1912. — 541 с.
Durkheim É. *Suicide*. Transl. from French. by A.N. Il'menskii. Moscow: Izd-vo N.P. Karbasnikova publ., 1912. 541 p. (In Russ.)
9. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / Пер. с фр. А.Б. Гофмана // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения / Под общ. ред. А.Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. С. 175–231.
Durkheim É. Elementary Forms of Religious Life. The Totemic System in Australia. Transl. from French by A.V. Gofman. *Mysticism. Religion. Science. Classics of World Religious Studies*. Ed. by A.N. Krasnikov. Moscow: Kanon+ publ., 1998. P. 175–231. (In Russ.)
10. *Кузина О.Е., Моисеева Д.В.* Стратегии финансового поведения россиян: понятие, динамика, факторы // Вопросы экономики. 2021. № 10. С. 71–88. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-10-71-88 EDN: MLXEAB

Kuzina O.E., Moiseeva D.V. Strategies of Financial Behavior of Russians: Concept, Dynamics, Factors. *Voprosy Ekonomiki*. 2021. No. 10. P. 71–88. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-10-71-88 (In Russ.)

11. Пацюкова Ю. Как классифицируют институты: пересборка аргумента Мери Дуглас // Прощай, COVID? Публичное, частное и политическое в медиализированном мире: Сборник статей / Под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М.: Издательство Института Гайдара, 2020. С. 326–355.
Patsyukova Yu. How Institutions Are Classified: A Reassembly of Mary Douglas’s Argument. *Goodbye, COVID? Public, Private and Political in a Medicalized World: A Collection of Articles*. Ed. by K. Gaaze, V. Danilov, I. Dudenkova, D. Kralechkin, P. Safronov. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy publ., 2020. P. 326–355. (In Russ.)
12. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / Пер. с англ., нем., польск. яз., сост., предисл., общ. ред. В.Н. Поруса. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. — 220 с.
Fleck L. *Genesis and Development of a Scientific Fact: Introduction to the Theory of the Style of Thinking and the Thinking Team*. Transl. from Eng., Germ., Polish, comp., foreword, ed. by V.N. Porus. Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual’noi knigi publ., 1999. 220 p. (In Russ.)
13. Cruciani C. *Investor Decision-Making and the Role of the Financial Advisor: A Behavioural Finance Approach*. Cham: Springer International Publishing, 2017. 161 p. DOI: 10.1007/978-3-319-68234-1
14. Dodd N. *The Social Life of Money*. Princeton: Princeton University Press, 2014. 444 p.
15. Epstein G.A. *Financialization and the World Economy*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2005. 413 p.
16. Irvine L. The Problem of Unwanted Pets: A Case Study in How Institutions “Think” about Clients’ Needs. *Social Problems*. 2003. Vol. 50. Iss. 4. P. 550–566. DOI: 10.1525/sp.2003.50.4.550
17. Karin K. *Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999. 352 p.
18. Latour B. How Institutions Think (Book Review). *Contemporary Sociology*. 1988. Vol. 17. No. 3. P. 383–385. DOI: 10.2307/2069673
19. Logue D., Clegg S., Gray J. Social Organization, Classificatory Analogies and Institutional Logics: Institutional Theory Revisits Mary Douglas. *Human Relations*. 2016. Vol. 69. No. 7. P. 1587–1609. DOI: 10.1177/0018726715614637
20. Morin D. *The Good Financial Advisor*. Indianapolis: Dog Ear Publishing, LLC, 2008. 348 p.
21. Zwan N., van der. Making Sense of Financialization. *Socio-Economic Review*. 2014. Vol. 12. Iss. 1. P. 99–129. DOI: 10.1093/ser/mwt020

ПРИЛОЖЕНИЕ

Характеристики информантов

№ п/п	Пол информанта	Возраст информанта	Тип населенного пункта	Место работы информанта	Наличие регистрации на сайте fincubator	Канал отбора информантов
1	ж	41	малый город	детский дом	+	АРФГ
2	ж	49	малый город	СПО	+	АРФГ
3	ж	52	столица	СПО	+	АРФГ
4	м	37	столица	школа	+	АРФГ
5	ж	30	село	школа	+	АРФГ
6	м	30	областной центр	СПО	+	АРФГ
7	ж	31	малый город	СПО	–	АРФГ
8	ж	50	областной центр	СПО	–	АРФГ
9	ж	38	малый город	СПО	–	АРФГ
10	ж	50	областной центр	школа	–	АРФГ
11	ж	45	областной центр	самозанятый	–	АРФГ
12	ж	44	малый город	школа	–	АРФГ
13	м	54	село	школа	–	АРФГ
14	ж	46	село	школа	–	АРФГ
15	ж	64	областной центр	пенсионер	– (только добро.рф)	АРФГ
16	м	34	село	школа	–	АРФГ
17	м	76	малый город	ВО	–	АРФГ
18	ж	52	областной центр	школа	–	АРФГ
19	м	33	областной центр	АНО	– (только добро.рф)	снежный ком
20	ж	40	областной центр	ВО	+	АРФГ
21	ж	24	областной центр	ВО/АНО	– (только добро.рф)	снежный ком
22	ж	61	областной центр	ВО	–	АРФГ
23	м	42	областной центр	СПО/ВО	+	социальная сеть ВК
Групповые интервью						
1	4 (ж - 1; м - 3)	19–20	областной центр	ВО	–	личные связи
2	5 (ж - 4; м - 1)	18–19	областной центр	СПО	+	снежный ком

Статья поступила в редакцию: 15.02.2024; поступила после рецензирования и доработки: 07.06.2024; принята к публикации: 04.11.2024.

Received: 15.02.2024; revised after review: 07.06.2024; accepted for publication: 04.11.2024.

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.6

EDN: OIQNMJ

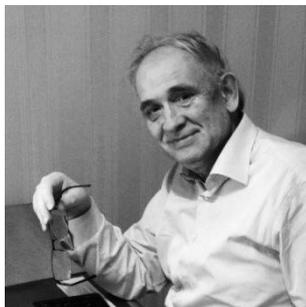

Ф.Э. ШЕРЕГИ¹, Б.З. ДОКТОРОВ²

¹ Центр социального прогнозирования и маркетинга.
127106, Москва, ул. Гостиничная, д. 9, пом. II, ком. 1-19.

² Независимый исследователь.
Фостер-Сити, США.

К 80-ЛЕТИЮ Ф.Э. ШЕРЕГИ

Готовясь к интервью с Францем Шереги о том, как и почему полвека назад он стал социологом, я рассчитывал на долгую, неспешную беседу, такой она и оказалась, но в неожиданном формате. Франц решил построить свой ответ в той логике и в той структуре, которые позволили бы ему изложить все необходимое, и я получил законченный текст объемом 220 тыс. знаков, то есть фактически небольшую брошюру.

Ознакомившись с материалом Шереги и обсудив с ним сделанную работу, я отказался от преобразования написанного в стандартную форму интервью «вопрос – ответ». В данном случае такая трансформация исходного текста не только определенным образом повлияла бы на его содержание, но, чего никак нельзя было допустить, принципиально изменила бы дух, темп, стиль воспоминаний Шереги, в высшей степени доверительных, откровенных.

Базовый текст состоит из двух частей. Первая начинается с трагического рассказа Франца о его рождении на только что освобожденной от фашистов венгерской территории, недавно вошедшей в состав СССР, о сложной жизни семьи в годы кардинального изменения образа жизни многонационального населения региона, вынужденного осваивать советскую идеологию и систему хозяйствования. И завершается тем, как он, овладев русским языком и массой профессий, начав обучение на математическом факультете университета

и отслужив в армии, успешно завершил аспирантуру в Институте социологии АН СССР в Москве и вступил на социологическую тропу.

Вторая часть интервью с некоторыми сокращениями публикуется ниже, она охватывает полувековую профессиональную деятельность Шереги в области многообразных прикладных исследований, теоретических построений, а также издания и распространения социологической литературы.

Полный вариант интервью под названием «Сквозь социальные тернии в поисках себя» расположен на странице «Социологического журнала» как приложение к этой публикации по адресу: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/9488/9293>

Редколлегия и редакция «Социологического журнала», его читатели поздравляют Франца Эдмундовича Шереги, внесшего значительный вклад в историю и методологию прикладных социологических исследований и в решение сложных, малоосвоенных теоретических проблем нашей науки, с его славным юбилеем. Желают ему здоровья и успехов в осуществлении всего задуманного.

ЕДИНСТВО ПРИКЛАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. Рассказ Ф.Э. Шереги о своей научной деятельности — это нестандартное многослойное повествование, которое берет начало в событиях полувековой давности и завершается сюжетами о сегодняшних научных поисках. В повествовании нет строгой датировки событий, но время читается в смене отмечаемых макрособытий и, более того, — в тематике представляемых исследований. Вот молодежные комсомольские стройки, в том числе Байкало-Амурская магистраль (БАМ), вот серия замеров отношения молодежи к решениям съездов ВЛКСМ. Затем — отношение разных групп молодежи и населения к социальным и экономическим инновациям Михаила Горбачева. Идет время — темами становятся электоральные опросы и предсказание победителей. Показана широчайшая тематика динамических исследований проблем молодежи, студенчества, преподавателей, здесь же — изучение многих девиантных форм поведения молодых россиян.

Это не простое перечисление тематики научных поисков: в них Шереги раскрывает суть своего подхода к социологическим проблемам. Так, анализ национального состава строителей БАМа, направляемых на работу различными советскими республиками, доминирование среди приезжающих русских подводит его к выводу о скором распаде страны. Контент-анализ тематических планов книжных издательств за 1975–1985 гг. опровергает официальные утверждения властей об отсутствии в стране инфляции.

Уникальным для автобиографий российских социологов является то, как Шереги описывает свое карьерное движение. Его можно назвать бегством от государственной службы. Открывшиеся в годы перестройки новые формы трудовых отношений и организации научных исследований сразу привлекли его, он увидел в них то, что знал с ранних лет жизни в венгерском регионе Западной Украины, где долго сохранялись навыки, традиции капиталистических отношений. Шереги раскрывает и мотивацию созда-

ния собственного (частного) исследовательского центра, и особую форму организации научной работы, значительно более эффективную, нежели в государственных социологических подразделениях. Особое место в деятельности центра занимает активное и почти всегда благотворительное издание и распространение литературы по социологии: к настоящему времени эта «библиотечка» насчитывает около двух с половиной сотен книг. В последние годы в силу многих обстоятельств жизни Ф.Э. Шереги возвращается к социологическим теоретическим разработкам, и это опять — оригинальные постановки проблем и собственный взгляд на их генезис и решение.

Ключевые слова: Центр социального прогнозирования и маркетинга; научная карьера; социология образования; социология молодежи; электоральные опросы; прикладная социология; потребительский и политический маркетинг; социальное прогнозирование; книгоиздательство; политическая культура; образ жизни; формы массового сознания; социологическая теория; законы трех R.

Для цитирования: Шереги Ф.Э. Единство прикладной социологии и социальной философии / Интервью подготовил Б.З. Докторов // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 4. С. 126–156. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.6 EDN: OIQNMJ

Начало самостоятельной работы в прикладной социологии

Инициатива создания научно-исследовательского центра Высшей комсомольской школы не столько проистекала от научных или информационных потребностей, сколько возникла по причине нарастания «кадрового затора» в системе комсомольского управления. Лишние кадры направлялись в аспирантуру, а для тех, кто уже имел ученую степень, создавались научные подразделения. Научным «костяком» вновь созданного Центра исследования проблем молодежи была группа социологов из Свердловска (Екатеринбург), прошедшая социологическую школу у Льва Наумовича Когана, видного специалиста по социологии культуры. Директор центра тоже был с Урала — философ Юрий Евгеньевич Волков (через несколько лет его сменил Николай Михайлович Блинов, бывший заместителем директора, потом директором ИКСИ).

Несмотря на то что отдел, куда я попал и которым руководил социолог из Свердловска Владимир Иосифович Мухачев, назывался Отделом трудящейся молодежи, направления исследований работавших в нем сотрудников никак не ограничивались. Во время моего поступления в отдел его сотрудники разрабатывали программу исследования отношения к труду рабочей молодежи, адаптированной из материалов книги А. Здравомыслова и В. Ядова «Человек и его работа...». Тема планировалась не менее чем на три года (надо было чем-то занять социологов средней квалификации), я помогал в создании программы и анкеты, но оставалось очень много свободного времени, и хотелось его чем-то занять. Весной 1978 года планировалось проведение XVIII съезда ВЛКСМ,

и я решил на примере отношения к съезду посмотреть, как функционирует общественное мнение молодежи и насколько оно дифференцировано. Сначала занялся построением модели всесоюзной выборки. Для этого построил типологические группы областей (включая области республик и автономные образования) по доле городского и сельского населения, по возрастному составу населения (14–30 лет); соотношение по полу принял 50% : 50%. Определить репрезентативность данных опроса было невозможно, так как не было реального события, как в случае электората, а математические расчеты в такой ситуации, когда анализируется социальный объект по многим параметрам, являлись фикцией. Ранее эта проблема заботила Б.А. Грушина, который в итоге показал, что в условиях СССР правомерно говорить не об общественном мнении, а о массовом сознании. Именно по этой причине установки респондентов были весьма устойчивыми и во многом схожими, так что ошибиться в отношении этого «монолита» было невозможно.

Стал разрабатывать анкету для измерения отношения молодежи к съезду комсомола, решив опрос проводить после окончания работы съезда, когда молодежь из газет уже ознакомится с его решениями. В этот период в Академии общественных наук при ЦК КПСС, на кафедре А.К. Уледова, разрабатывавшего теорию общественного мнения, кандидатскую диссертацию по проблеме динамики общественного мнения готовил М.К. Горшков. Он приступил к подготовке практической части диссертации в форме проверки выдвинутых гипотез о зарождении общественного мнения и искал возможность подключиться к любому массовому исследованию, имеющему характер опроса общественного мнения. Задача была не из простых, исследования проводились редко, в основном на ограниченном объекте. Кроме того, что касается зондажа общественного мнения, особенно по политическим вопросам, в стране все еще действовало табу и власть такие исследования не приветствовала. До Горшкова дошли слухи, что я собираюсь проводить общесоюзный опрос общественного мнения молодежи по политической тематике. Позвонил и попросил о встрече, приехал в Комсомольскую школу и изложил свою проблему. Я сказал, что действительно готовлю масштабный опрос мнения молодежи о решениях съезда после его завершения. Михаил Константинович предложил изучить не просто состояние общественного мнения, а его динамику, для чего целесообразно было провести три повторных опроса: до начала съезда (измерить ожидания молодежи), во время работы съезда (измерить степень интереса молодежи к политическому форуму), после съезда (оценить отношение молодежи к решениям съезда). Мне идея понравилась, и он подключился к разработке анкет. Исследование было удачным, и его продолжили вплоть до XX съезда ВЛКСМ (на XXII съезде комсомол самораспустился), даже провели аналогичное исследование во время работы XXVII съезда КПСС. Так началось мое научное сотрудничество с М.К. Горшковым, которое длится более 40 лет.

Казалось, власть не проявляет серьезного интереса к прикладной социологии и она еще долго будет «вариться в собственном соку». Однако экономические и социальные проблемы в стране нарастали, а причины многих явлений не лежали на поверхности: в общественное разделение труда вошло послевоенное, более образованное поколение со своей прагматичной субкультурой, требовалось найти компромисс между поколениями, формировавшимися в сильно различавшихся исторических условиях. Искусственное удерживание населения в селах, отсутствие свободной территориальной миграции рабочей силы порождали недовольство у молодежи. Для послабления запрета на территориально-трудоуловую мобильность населения, запуска миграции молодежи были объявлены ударные комсомольские стройки, куда комсомол мобилизовал интернациональные отряды молодежи. В конце 1970-х годов стали возникать проблемы с мобилизацией молодежных строительных отрядов, многие покидали стройку до завершения контракта. Особенно обострились проблемы на Байкало-Амурской магистрали (БАМ). В 1983 году изучить ситуацию поручили НИЦ Высшей комсомольской школы. Была создана группа изучения проблем БАМа, которую я возглавил. Объект для изучения был сложный: строительство растянуто на сотни километров (общая длина БАМа — 4300 км). Руководство БАМа было против исследования и всячески затягивало допуск наших сотрудников на стройку. Однако вышло указание ЦК КПСС, и исследование мы провели. <...>

При анализе состава интернациональной по определению рабочей силы БАМа оказалось, что 85% приезжающих на БАМ из всех национальных республик — русские. Например, представители азиатских республик составляли всего 2,5%, да и работали они в основном в сфере обслуживания. На следующий год по собственной инициативе провел аналогичное исследование еще на двух комсомольских ударных стройках: на КАТЭКе (Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс в Красноярском крае Сибири) и на строительстве завода «Атоммаш» в Волгодонске. Эти стройки также были объявлены молодежными и интернациональными. И здесь более 80% приехавшей молодежи оказались русскими. По итогам трех исследований я сделал вывод, что из национальных республик стали выводить русскую молодежь под видом их направления на ударные стройки. Причина заключалась в следующем: социальные фонды в республиках стали скудеть, места в детских садах, квартиры, хорошо оплачиваемые рабочие места предоставлялись в основном представителям титульного для соответствующей республики этноса, что создавало социальное напряжение. Чтобы не было социального взрыва, решили русскую молодежь переселить в Российскую Федерацию путем мобилизации на масштабные стройки. Тогда я сделал предположение, что СССР стоит перед распадом, и оказался прав. В 1985 году с сотрудником своей группы Е.В. Белкиным издал книгу «Формирование населения в зоне

БАМ» [4]. Картину мы отобразили реальную, но ряд очень острых проблем освещать не стали (нам бы цензура не дала это сделать).

Следующий практический заказ на масштабное исследование поступил в НИЦ ВКШ в 1985 году от издательства «Молодая гвардия». Наблюдались перемены в спросе населения на литературу, что было вызвано изменением субкультуры послевоенного поколения, ставшего по численности основным в составе населения. Руководить исследованием поручили мне. Провел исследование как научное, делая акцент на динамике читательского интереса. Однако это исследование было и маркетинговым: изучались спрос, мотивация и характер покупки книг, тематический состав и комплектация домашней библиотеки, цель покупки книги (для себя, в подарок), хотя маркетинговые исследования официально в СССР не проводились по причине отсутствия рыночных отношений. Сначала мы сделали контент-анализ тематических планов издательства за 1975–1985 годы, фиксируя также объем в печатных листах и цену книг. В тот период еще бытовала официальная позиция власти, доводимая до населения: в СССР нет инфляции и цены на товары десятилетиями остаются постоянными. Когда мы соотнесли динамику цены книги относительно одного печатного листа продукции и средний объем реализуемых населению книг, то оказалось, что в денежном выражении объем оборота за 10 лет не изменился, однако общий листаж изданных книг уменьшился на 40%. Так я увидел, что и в СССР есть латентная инфляция. <...>

В это время в СССР начался всплеск интереса молодежи к рок-музыке. Партийные органы решили не противодействовать этому, однако стремились взять под контроль деятельность и репертуар рок-групп. Первый крупный рок-фестиваль состоялся в клубе Института международных отношений (МГИМО). Я договорился с организаторами фестиваля о проведении опроса публики во время концерта. Изучали мотивацию интереса к рок-музыке. В организации опроса помогал также известный певец А. Градский, являвшийся одним из организаторов рок-фестиваля.

По ходу отмечу, почему относительно исследований рассказ получается эгоцентричный. В моей исследовательской группе только я был профессиональным социологом, остальные учились у меня. Принцип организации работы был (и по сей день остается) нетрадиционный, то есть строился не иерархически, как принято в учреждениях (управляющий директор, заместитель директора, заведующий подразделением и научные сотрудники разного ранга). У меня по-другому: я — весь институт (и организатор, и разработчик программы, анкеты, и автор отчетов), остальные помогали в работе, как правило, «колхозом», взаимодополняя и, если необходимо, заменяя друг друга. То есть модель такова: я строю дом, все остальные подносят кирпичи. Я и управляющий, и финансист, и работающий директор в одном лице, поэтому преемственности не получилось, и фирма прекращает свое существование.

В это время другой отдел планировал проведение исследования по политической культуре молодежи, и я подключился помогать им по разработке методики исследования. Отдел возглавлял профессор Ю.П. Ожегов, приглашенный в НИЦ из Новосибирска. По итогам исследования я предложил организовать всесоюзную конференцию в Крыму, в Керчи, в то время там в горкоме партии работал мой знакомый В.К. Левашов (ныне директор ИСПИ РАН, преемник Г.В. Осипова на этом посту). Конференцию предложил провести по тематике не политической активности, а политической культуры молодежи. Могли не разрешить, так как КПСС это понятие еще не признавала, легитимным было понятие «политическая активность». Керченский горком партии был готов помочь в организации конференции, но требовалось разрешение партийного руководства в Киеве. У А.Г. Харчева в ЦК КП Украины был знакомый, которому он позвонил, и я поехал в Киев. Рассказал, что конференция будет посвящена проблематике политической активности, только мы решили, что у молодежи эта активность должна соответствовать идеологии партии, то есть быть культурной, поэтому и назвали конференцию «формирование политической культуры молодежи». На нее приехали в основном преподаватели общественных кафедр вузов, все участвовали с большим интересом. В день открытия конференции нам пришла поздравительная телеграмма из Свердловска от участников их конференции, которую организовал Л.Н. Коган также по формированию политической культуры молодежи. Так понятие «политическая культура» получило легитимность в СССР. В 1982 году мы с Ю.П. Ожеговым и Н.М. Блиновым издали небольшую книгу с названием «Политическая культура и молодежь» [5]. Конференция в Керчи длилась четыре дня, для участников затем устроили экскурсии по городу и на корабле. Во время одной из экскурсий ко мне подошли несколько преподавателей из вузов национальных республик Поволжья и поблагодарили за то, что я не отклонил их заявку на участие и пригласил на конференцию, так сбылась их многолетняя мечта побывать на родине своих предков. Оказалось, что они крымские татары, которым еще было запрещено посещать Крым, и гостиницы их не принимали (в паспортах имелась графа «национальность»). Организуя конференцию, я об этом вообще не думал, а в Керчи шефство над ее проведением взял горком партии, по его указанию для участников была выделена гостиница, и там никто не спрашивал, откуда и зачем приехали.

Во второй половине 1980-х годов из-за роста в стране алкоголизма в СССР был введен «сухой закон», ограничивавший потребление алкогольной продукции. Проблематика меня заинтересовала. Изучил историю акцизов на алкоголь начиная с Петра I, причины введения «сухого закона» в 1914 году, перед Первой мировой войной, отмены «сухого закона» в начале 1920-х годов и экономической аргументации Сталиным этого шага в своем ответе иностранным рабочим. Также

ознакомился с исследованиями по проблеме алкоголизма, проводившимися в России до 1910 года и в СССР в 1920-х годах. Решил провести общесоюзное исследование отношения населения к принятию «сухого закона». Результаты получились интересные, из данных «разило» коллективным ответом: «пили, пьем и будем пить». Сделал расчет величины среднего потребления алкоголя в единицах спирта на душу населения в СССР, сравнил этот показатель с аналогичными показателями в других европейских странах. Данные опубликовал в «СОЦИСе». После этого знакомый из Института им. Сербского сказал, что мой показатель алкоголизации населения СССР из статьи позаимствовал ЮНЕСКО и признало соответствующим действительности. Через год провел повторное исследование, чтобы проанализировать, как изменилось потребление алкоголя в условиях действия «сухого закона». Никак не изменилось, только выросла спекуляция самогоном, да таксисты приторговывали им по ночам.

В конце 1980-х годов был принят закон о кооперативах как предвестник начала перехода СССР к рыночным отношениям. Решил изучить, как население восприняло этот закон и готово ли оно включиться в кооперативное движение. Через год провел повторное исследование, чтобы посмотреть, какова рыночная активность населения в рамках дозволенного в форме кооперативов. Активизировалась в основном та часть населения, которая занималась народным промыслом или оказывала услуги по ремонту жилья, автомобиля.

Многочисленные эмпирические исследования наполнили все мое время творческой деятельностью, но в итоге понял, что независимо от вариации проблематики остаюсь в рамках социальных отношений населения СССР. Эти отношения и так были хорошо мною изучены, разница заключалась в том, что на основе эмпирических данных я мог дифференцировать ситуацию по социальным группам и формулировать рекомендации в адрес комсомольских и партийных органов. При наличии свободного времени стал снова углубляться в социальную философию. Работу в сфере прикладной социологии считал хорошей профессией, однако в научном плане меня интересовало не отдельное государство, а человечество в целом. В начале 1980-х годов мой друг Григорий Папоян, аспирант И.Т. Левыкина, заместителя директора ИКСИ, приступил к подготовке кандидатской диссертации по образу жизни населения и планировал провести небольшое исследование. У понятия «образ жизни» имелось много определений, и, какое взять за основу для эмпирического исследования, решить было нелегко. Взятся помочь операционализировать понятие «образ жизни». У меня была на венгерском языке книга талантливого венгерского социолога Агнеш Лошонци [57]. На базе данных эмпирического исследования она показала, что ценностная ориентация и предметная среда большей части венгров несут на себе архаику феодализма, особенно в аграрных регионах. Это натолкнуло меня на мысль, что понятия подобного уровня абстракции требуется анализировать

в динамике, в ретроспективе, опираясь на принцип историзма. Посчитал, что необходимо сделать первичную операционализацию, и представил образ жизни в виде триады: массовое сознание, способ потребления, социальный тип личности. Такие триады построил по всем пяти уровням исторического развития цивилизации, потом сформулировал тесты, чтобы респонденты не затруднялись отвечать, и провел пилотажное исследование. Эмпирические типы получились эклектичные, тесты работали слабо, однако теоретическую модель продолжил развивать. Так, на базе этой модели определил, что религиозное сознание есть первичная форма экологического сознания. Проблемой экологического сознания занялся случайно, но потом пытался понять, в чем оно выражается. Интерес к экологическому сознанию был связан с моей научной коммуникацией с ленинградскими социологами.

Я всегда считал, что интеллектуальным генератором развития советской прикладной социологии являются ленинградские специалисты, поэтому проявлял повышенный интерес к деятельности ленинградских социологов. В начале 1980-х годов среди работавших в Ленинграде социологов был хорошо знаком с В.А. Ядовым, И.С. Коном, О.И. Шкартаном. Основная масса специалистов работала в Институте социально-экономических проблем (ИСЭП) академии. Выделялись два исследователя, с кем мне хотелось познакомиться: Б.М. Фирсов и Б.З. Докторов. В очередной поездке в Ленинград познакомился с ними, в беседах убедился, что по менталитету и человеческим качествам мы схожи, это и стало основой наших дружеских отношений, в том числе с Б.З. Докторовым уже не менее 40 лет. Предложил ему принять участие в готовящемся коллективном пособии по методам социологических исследований [18], и он подготовил два раздела: по социометрии и по факторному анализу (кстати, учебное пособие в конце 1980-х годов перевели на монгольский язык и издали в Улан-Баторе). Б.М. Фирсов предложил мне участвовать в международном проекте по изучению экологической проблематики. Участвовали также Центр изучения общественного мнения Венгрии (руководил им Тамаш Сечке) и исследователи Тартуского университета (Эстония) Пээтер Вихалемм и Марью Лауристин. Тема была почти запретная, поэтому разработка проходила в основном в теоретическом плане. Также анализировались проблемы взаимодействия СМИ и населения в аспекте массовой коммуникации. Дискуссия шла по поводу того, корректно ли говорить о массовой коммуникации, являющейся обоюдо-направленной, или следует говорить только о средствах массовой информации, так как массы — как потребители — не имеют возможности непосредственно обмениваться информацией со СМИ и влиять на характер вещания. По сути, в латентной форме шла дискуссия о необходимости демократизации СМИ, превращения их в рупор голоса масс.

В 1987 году вышло постановление об учреждении при Министерстве труда и профсоюзах Всероссийского центра изучения общественно-

го мнения (ВЦИОМ), который возглавила Т.И. Заславская. В процесс подбора специалистов и организации работы ВЦИОМа также включился Б.А. Грушин. Комсомол старался не оставаться в стороне от новых инициатив, и было решено провести на базе дома отдыха в Московской области недельный симпозиум для комсомольского актива регионов об актуальности учета в организационной работе комсомола общественного мнения молодежи. Организацию симпозиума в декабре 1986 года поручили мне, в его содержательную часть никто не вмешивался. Б.А. Грушин приехал на симпозиум с супругой и дочерью и всю неделю участвовал в работе семинара — читал лекции. Выступали перед участниками семинара также М.К. Горшков, Б.М. Фирсов. В течение всего периода работы симпозиума присутствовал Яков Капелюш, он вел беседы с представителями молодежных организаций регионов на предмет создания региональной ячейки сбора информации для ВЦИОМа, то есть занимался организацией общероссийской сети интервьюеров. Симпозиум проходил очень активно, присутствовали и журналисты, к закрытию его работы приехало телевидение.

В 1988 году возглавляемое Эдуардом Шеварднадзе Министерство иностранных дел обратилось к Б.А. Грушину с предложением изучить отношение советских граждан к ООН, к выводу ограниченного контингента советских войск из Афганистана, к вопросу о возвращении Японии Курильских островов. Грушин был чем-то срочным занят и переадресовал МИД ко мне. Я провел исследование и подготовил отчет, после чего часть материала об отношении населения к возвращению Японии Курильских островов (более 90% опрошенных были против) МИД за моей фамилией опубликовал в газете «Известия», меня об этом не предупредив. Статья негласно была адресована Японии перед визитом туда Э. Шеварднадзе, МИД как бы продемонстрировал позицию общественного мнения по этой проблеме. За исследование МИД перевел на счет Комсомольской школы 3 тысячи долларов США. В моей практике это было первое исследование, выполненное на коммерческих условиях, и хотя я от этого дохода не имел, однако было приятно.

Во второй половине 1980-х годов комсомольским организациям разрешили создавать автономные молодежные творческие коллективы (МТК) с правом открытия счета в банке, а предприятиям — заключать с такими коллективами договора на выполнение творческих работ. Особенность этих отношений заключалась в том, что переведенные предприятиями в безналичной форме деньги за выполненные работы МТК имели право снять в банке наличными. Этим воспользовались предприятия, естественно, не без корысти для себя. МТК стали искать коллективы, способные самостоятельно выполнять работы для предприятий, чаще всего для последних бесполезные. Большие МТК кооптировали в свой состав работоспособные коллективы на условиях субподряда с удержанием в среднем 25% от оборота. Для исполнителей работ это были выгодные условия, и я открыл на условиях субподря-

да свою первую хозрасчетную организацию под названием «Центр социального прогнозирования “Логос”». Кооптирована она была в крупный МТК, учрежденный заместителем директора Института философии АН Андреем Зиновьевичем Синельниковым.

Работу в хозрасчетной организации совмещал с работой в Исследовательском центре Высшей комсомольской школы, что разрешалось. На российский рынок стали стремиться иностранные фирмы. Они нуждались в точной информации о менталитете и психологических особенностях советских граждан, и вскоре к государственной организации «Союзреклама» обратилась фирма «Огилви» с предложением помочь в проведении фокус-групп для тестирования проектов рекламы и малоизвестных советским людям товаров. «Союзреклама» исследованиями не занималась, но ситуация в стране менялась, и надо было корректировать свою деятельность. «Союзреклама» обратилась в ИКСИ, но там сказали, что маркетингом не занимаются, и направили ко мне. Я согласился участвовать в исследовании. Первыми приехали два маркетолога для тестирования пепси-колы в противовес кока-коле. Сказали, что надо провести фокус-группы в Москве и в Ташкенте. Я ответил, что опыта проведения фокус-групп у нас нет, но можем провести опрос. Однако им нужны были только фокус-группы, и они обещали помочь в их проведении. Собрали первую группу из 10 человек, вел ее я, помогал мой сотрудник А.Л. Арефьев. Маркетологи из США подсказывали, как формулировать вопросы, держать темп дискуссии или активизировать ее. Для меня было достаточно провести одну группу, чтобы уловить специфику этого социально-психологического метода тестирования подсознания потребителя. Вторую фокус-группу — среди старшеклассников школы — провел «без запинки», и представители «Пепси-колы» похвалили. Потом группу провел А. Арефьев, тоже удачно, он же полетел с представителями «Пепси-колы» в Ташкент. Рассчитывалась фирма с «Союзрекламой» валютой. У меня не было никакого коммерческого счета, но валютный счет за рубежом был у фирмы А.З. Синельникова, и причитающуюся сумму перевели на его счет. Однако он сказал, что перевести валюту в какой-либо советский банк не может по закону, поэтому предложил купить на эту сумму, за вычетом своих процентов, два персональных компьютера — цветной и черно-белый, которые разберет на части и ввезет в СССР как комплектующие. Я согласился, так впервые у меня оказались два компьютера, с которыми, естественно, работать не умел, но мог нанять специалиста. Компьютера не было даже у Высшей комсомольской школы (кстати, у ИКСИ тоже).

Чувствовалось веяние рынка. На работе все были напряжены, так как нервозность ощущалась в органах политического управления. Я воспринимал все перемены как переход из одного естественного состояния в другое естественное состояние. По приглашению политических организаций выступил с лекцией перед большими аудиториями в Москве, Костроме, Риге и Киеве об экономических причинах сталинизма, росте

настроения сепаратизма на Кавказе и в Прибалтике (по результатам своих исследований), о перспективах развития государства. О вероятном распаде СССР не говорил, пока было не к месту, все равно аудитория не поверила бы. Говорил о предстоящем расширении демократии, свободы предпринимательства. В 1988 году был принят закон о кооперативах, официально разрешающий предпринимательскую деятельность, и далее эти возможности стали расширяться. С выходом закона об обществах с ограниченной ответственностью я ушел с субподряда и зарегистрировал Центр социального прогнозирования и маркетинга как ООО. Юридический адрес мне предоставил М.К. Горшков, который к этому времени стал директором Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСНП), учрежденного на основе Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ). Было условие: возглавить Центр мониторинга РНИСНП, чтобы одновременно обучить социологии часть персонала. Мне было по силам вести два центра, а совмещать одновременно руководящую должность в государственном и частном секторах закон не запрещал. Уволился из НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ и перешел в учреждение, которое возглавил М.К. Горшков. В состав коллектива Центра мониторинга входил и А.Г. Здравомыслов, но я предоставил ему полную автономию в работе.

Вхождение в рынок и застои в науке

Исследовательское ядро представлял коллектив моего частного центра, поэтому основное внимание уделял частной фирме, в том числе потому, что партия и государство больше не выделяли средств бывшему ИМЛ для проведения исследовательских работ. Наступали бурные времена стадии накопления первоначального капитала, которое, по определению Маркса, да и по своему естеству, могло быть только грабительским. Я понимал, что процесс вхождения страны в капитализм необратим, принял решение, что мой частный центр будет специализироваться только в области маркетинга, в целом прекратил научную коммуникацию и в течение последующих 10 лет не публиковал научных статей, кроме нескольких материалов в сборнике Института М.К. Горшкова (было положено по плану). От выполнения управленческих функций в той или иной государственной организации по конъюнктурным соображениям не смог отказаться до 2015 года. Это была скорее дополнительная нагрузка на Центр социального прогнозирования, чем автономная научная работа, то есть таким образом я выстраивал отношения с потенциальными заказчиками исследовательских работ. Свое отношение к продолжению научной карьеры в государственном учреждении я изложил В.А. Ядову после его приезда на постоянное жительство в Москву в связи с избранием его директором Института социологии РАН. Он пригласил меня к себе домой, предложил пойти заместителем директора в Институт социологии, наладить там проведение опросов общественного мнения. Отказался, объяснив, что идет переход к рынку, приватизация, децентрализация управления

страной, и государство не будет расходовать средства на информационную работу, в которой не нуждается. На какие деньги ИС сможет ее авансировать, не имея собственного свободного капитала? Кроме того, интенсивность и универсальность работы у меня многократно выше, чем это может компенсировать государство в форме заработной платы; я не честолюбив, поэтому в «статусе» не нуждаюсь, и усилия свои намерен направить на решение бытовых проблем семьи — детей, внуков, — а не на карьеру, в том числе научную. То же самое ответил своим коллегам годом ранее, когда предложили выйти на защиту докторской степени по совокупности публикаций. Ответил, что не вижу смысла тратить время на формальную деятельность (хотя тему докторской по категориальным моделям в социологии ранее утвердил на ученом совете Института социологии). Это не был снобизм, условия в государстве изменились, и серьезного заказчика не интересовало, какая у меня степень, он ориентировался на качество продукции, то есть на достоверность и репрезентативность информации. Кроме того, стала распадаться система общественной науки в идеологических учреждениях, в вузах, и некоторые академические институты стали превращаться в «отстойники» для невостребованных обществоведов.

Что касается социально-экономических изменений в стране, то я не видел в этом проблем, в истории менялись политические системы стран, сами государства и народы уходили с исторической сцены. Это результат эволюции социума, и надо не причитать, а адаптироваться и искать пути к компромиссу, чтобы уравновесить общественные отношения. В 1980–2000-х годах объездил многие страны мира, включая Монголию, Китай, Англию, Францию, Италию, Германию, Испанию, Грецию и др., политические системы разные, но в способе жизнедеятельности населения не увидел разницы с советскими людьми (как на птицеферме — что в СССР, что в США или Китае: кудахчут, просят есть, потом клюют комбикорм или пшено, затем несут яйца, и этот цикл повторяется поколениями). Поэтому не видел прогресса в социальном познании, анализируя проблемы единственного объекта — России. Можно формировать социальную статистику, правила ясны и потребитель — данное государство или иные органы управления, бизнеса. Задачи науки выходят за пределы одного государства. А прикладные исследования потому и называются «американская, российская, венгерская и т. п. социология», что ограничиваются задачами управления конкретного государства.

Решение было принято: на время из науки ухожу, занимаюсь только построением маркетингового центра. Далее позиционировал себя только как коммерческая организация. В стране начиналась ломка социально-экономических отношений, в социальных связях стала проявляться анархия, у организаций и людей резко выросла потребность в информации. Весь дальнейший период деятельности моего центра делится на две части: первая — 1990-е годы, вторая — весь последующий период.

В течение 1990-х годов Центр социального прогнозирования выполнял три вида заказа: экономический маркетинг, политический маркетинг, тематические исследования. В связи с ростом востребованности исследований потребительского спроса населения, а также электоральных опросов, в которых реальные события являлись индикаторами точности прогноза, моей основной задачей стала разработка устойчивой модели выборки для Российской Федерации. Случайная выборка в СССР и в России была чревата большими ошибками смещения из-за характера расселения населения по городским районам и домам. Жилые дома группировались вокруг предприятий и учреждений, которые эти дома строили. Так, руководящие партийные органы строили свои дома в центре города или ином элитном районе, заводы — на смежной местности или на окраине города, где были свободные территории. Далее, во всех домах независимо от того, кто их строил, жильцы располагались по профессиональному статусу: уборщицы, подсобные рабочие — на первых и последних этажах, повыше — слесари, работники канцелярии и др., в середине и до предпоследнего этажа — руководители среднего звена. Высшие руководители в многоэтажных домах не жили. Если интервьюеру задать маршрут отбора респондента — скажем, каждую 25-ю квартиру, и она по счету всегда попадала на первый этаж, хотя и в разных подъездах, а то и в разных домах, — в выборку все равно попали бы одни уборщицы и подсобные рабочие. Единственно приемлемой в условиях традиций расселения в СССР, оставшейся в наследство и России 1990-х годов, была модель квотной выборки, которую я хорошо знал. Знал и то, что все оценочные суждения населения по своей направленности определялись условиями жизни респондента, мне самому пришлось пересчитывать уровень доходов, который, в свою очередь, зависел от социально-профессионального статуса индивида. Поэтому в основу квот я заложил социально-профессиональный статус населения в возрасте 18 лет и старше, выделив 12 групп, в том числе студентов. Устойчивыми показателями Росстата являлись численность сельского населения, пенсионеров, студентов, безработных, представителей малого и среднего бизнеса, а далее самому пришлось пересчитывать квоты, так как в официальной статистике профессиональных групп была эклектика. Далее следовали пропорция по территории и типам поселения. В СССР экономистами были выделены 12 территориально-экономических районов, отличавшихся уровнем индустриализации, урбанизации, развития социальной сферы. На следующей ступени пропорции рассчитывал по доле населения соответствующего возраста в поселениях пяти типов: мегаполисы (Москва и Ленинград), административные центры субъектов РФ, районные города, поселки городского типа (пгт) и села. Эффективность выборки была отличной, ни разу средняя ошибка прогноза голосования за основного кандидата или партию не превышала 2,5%. Последний раз показатель точности сверил в марте 2024 года на выборах Президента РФ. Исследование не было нацелено

на выборы, однако заказчик (Институт социологии РАН) включил в анкету один вопрос: за кого собираются проголосовать? По полученным данным на 3 марта (голосование завершилось 17 марта) посчитал, что участвовать в голосовании будут 72,9% (по факту — 73,3%); в составе принявших решение участвовать в голосовании доля сторонников В. Путина — 83,8% (по факту — 87,3%). За две недели до голосования это хороший показатель.

Электоральные опросы общероссийского, московского, регионального уровней я проводил в большом количестве до начала 2000-х годов, и эти исследования как коммерческие были очень рентабельными. По выборам Президента РФ последнее исследование провел в 2008 году, вскоре прекратились заказы и на электоральные опросы по выборам в Государственную Думу. Точной причины снижения накала избирательных кампаний и интереса к их освещению социологами не знаю.

Что касается маркетинговых исследований, с «Огилви» работал активно до 1996 года по оценке эффективности рекламы и тестированию новых товаров, ввозимых в Россию иностранными компаниями. К этому времени у западного бизнеса появились корпоративные связи с представителями муниципалитетов, все решалось директивно, и потребность в изучении рынка отпала, так как не было конкуренции. Российские маркетинговые заказы были в основном связаны с учреждением на финансовом рынке новых банков, число которых к концу 1990-х годов достигло не менее 1600. Изучал поведение населения на финансовом рынке, потенциальное пользование банковскими ячейками, установки на пользование кредитными картами, оптимальное размещение филиалов с учетом радиуса доступности для населения. В течение пяти лет проводил исследования для Центробанка по проблематике спроса коммерческих организаций на кредиты, соблюдения финансовыми организациями законов, регулирующих деятельность банков, ожидания населения от вводимого государством страхования вкладов, инвестиционного поведения населения перед и после деминации рубля, а также после финансового кризиса 1998 года.

С периода завершения аспирантуры количество проведенных мной исследований было очень большим. Сам структурировал объекты исследования, составлял анкеты и сценарии фокус-групп, писал основную массу отчетов по итогам исследования. В голове уложилась масса информации о различных социальных и институциональных связях в стране, и я уже не видел науки в исследовании проблем, касающихся страны. Когда было немного свободного времени, читал классических социальных философов и обдумывал логику построения категориальных моделей. К научной тематике приобщался раз в году, когда М.К. Горшков проводил итоговую конференцию с приглашением ученых из других исследовательских и образовательных учреждений. В соответствии с темой конференции отдавал в сборник небольшую статью. В 1996 году конференция проводилась по теме «История

реформ в России». Тема была органичной для Института социальных и национальных проблем, так как большинство сотрудников были историками. Я не собирался выступать по этой теме и не подготовил даже тезисы. Выступлений было много, затрагивали реформы имперского периода, доходили до революции 1917 года, но на этом все останавливались. Ближе к завершению дискуссии я попросил слово и задал вопрос: «Где в цепи реформ находится СССР? Это Россия или какое-то другое государство, жившее по принципам единственного еврея — Маркса?» Зал молчал. Тогда М. Горшков мне сказал: «Сам вопрос поставил, сам на него и отвечай». Провел обширный анализ исторической литературы, также хорошим информационным источником оказался изданный ранее Институтом марксизма-ленинизма энциклопедический справочник биографий известных революционеров России. В нем были указаны и фамилии, и псевдонимы. Потом подготовил материал, который разместил в сборнике РНИСНП [36], историки согласились с моими выводами. Это был мой первый опыт анализа эволюции общества сквозь призму этногенеза.

Так как к 2000 году и потребительский, и политический маркетинг стали сокращаться, осознал необходимость поиска других заказов. В 2000 году В. Харчева эмигрировала в США, Центр социологических исследований Министерства высшего образования пришлось бы закрыть, если бы отказался от его поддержки. У министерского Центра были две небольшие комнаты в министерстве, я же в 1999 году купил для своего центра отдельный офис в бывшей гостинице. В Министерстве меня попросили возглавить временно Центр, пока найдут нового директора. Это «временно» затянулось до 2015 года. В начале 2000-х годов Министерству дали указание допускать частные фирмы к участию в конкурсах на выполнение научных работ. Проекты были крупные — для выполнения больших работ предоставляли от одного до трех лет. Решил участвовать в конкурсах со своей частной организацией, поэтому предпочел поддержать полноценное функционирование министерского Центра, безвозмездно выделив для него хорошие площади в своем офисе. Также безвозмездно обрабатывал информацию и др. Частная организация стала участвовать в конкурсах и выполнять большие объемы научной работы, вплоть до 2019 года. Во второй половине 2000-х годов был принят закон о конфликте интересов, и совмещение руководящих постов одновременно в государственной и частной организациях, если они работали в идентичной отрасли и их интересы пересекались, было запрещено. По этой причине я передал руководство частной организацией своему сыну. И вновь занял этот пост только в 2013 году, когда уволился из государственной организации в возрасте 71 года.

Основная масса проектов, которые выполнял частный Центр социального прогнозирования, относится к проблематике развития образования, трудоустройства выпускников вузов, участия студентов и аспирантов в научной работе, социального положения преподавателей и учителей, ра-

боты детских оздоровительных лагерей в каникулярный период, взаимодействия науки и производства, развития импортозамещения, тенденций диверсификации российских производителей на международный рынок товаров и услуг, мотивации обучения иностранных студентов в российских вузах, распространения русского языка в мире — это обширное международное исследование [40; 49; 21; 30; 43; 46; 22].

В 2002 году В. Путин остро обозначил проблему борьбы с беспризорностью, а также с наркотизацией молодежи. Разработку этих тем нам поручили в рамках проектов Министерства образования. Ежегодный мониторинг потребления молодежью психоактивных веществ (наркотики, алкоголь, табак) проводил в течение 10 лет, выявляя тенденцию. По беспризорным провели два исследования — и в столице, и в областных, и в районных городах, и даже в селах. Исследование потребления молодежью психоактивных веществ проходило по квотной выборке, брались пропорции по каждому году в возрастной группе 11–24 лет, а сделать репрезентативную выборку в исследовании беспризорных было трудно из-за отсутствия точной статистики, но постарались охватить беспризорных во всех видах мест их пребывания. Также изучалась эффективность работы с детьми в семьях с неблагоприятными условиями (результаты опубликованы в работах: [39; 45]).

Работавшая в Москве группа ЮНЕСКО обратилась ко мне с просьбой провести ряд исследований: об отношении в школьной среде к ВИЧ-инфицированным детям, об отношении населения к детям-инвалидам, о работе психолого-педагогических комиссий с детьми с особыми потребностями, о работе в Санкт-Петербурге перинатальных центров по оказанию консультационной помощи матерям с годовалыми детьми. Отчеты по итогам исследований заказчику понравились, и меня попросили объединить все результаты в одну книгу, приложив методический инструментарий исследований, и издать, что я с удовольствием сделал ([37]; см. также [51]). Группа ЮНЕСКО верстку книги выложила на свой сайт для ознакомления и указала координаты моего Центра социального прогнозирования, чтобы другие организации могли консультироваться при проведении аналогичных исследований. Мне потом звонили из Молдавии и ряда российских областей, консультировались, как лучше построить исследование.

Наиболее интересными считаю два исследования, которые выполнял в рамках конкурсов, объявленных Национальным исследовательским ядерным университетом «МИФИ»: исследование причин суицида среди молодежи и исследование дистанционного образования в ситуации форс-мажора (пандемии COVID-19). Изучил книгу «Самоубийство» Э. Дюркгейма, ряд других зарубежных работ, рассматривавших проблему с позиции статистики и психологии, но социологических изысканий по этой проблеме не нашел. Для разработки методического инструментария сначала провел по стране экспертный опрос психиатров, психоаналитиков и психологов. Потом провел интервью пяти тысяч молодых

людей в возрасте 11–24 лет, после завершения анализа данных вновь опросил тех же экспертов, выслал им одновременно с анкетой аналитическую записку по итогам исследования молодежи. В ходе массового опроса одновременно изучил практику пирсинга, тату, некрофильской символики, интерес к музыке различного жанра, пристрастия к играм в Интернете, которые мы потом сгруппировали по типам. На базе полученных материалов построил логику профилактики суицида среди школьной молодежи. Начинала разработку проблемы большая межведомственная комиссия, заседания проходили в Министерстве образования и науки. Затем комиссия распалась, я опубликовал одну статью по просьбе комитета по организации первого международного конгресса психиатров стран СНГ, разместил ее в журнале, заказав весь тираж и передав его оргкомитету конгресса для раздачи участникам [42]. Основной объем материала, полученного по итогам исследования, не опубликован, а надо бы опубликовать.

В условиях ковида наряду с оценкой эффективности дистанционного образования была также измерена динамика психологического самочувствия студентов и преподавателей до объявления самоизоляции, в условиях самоизоляции и после ее отмены. Шкала самооценки содержит 10 градаций психологического самочувствия. Результаты опубликованы в нескольких работах (см., например: [50]).

Наряду с собственными проектами, мы помогали проводить полевые этапы исследований для Института социологии (М.К. Горшков), ИСПИ РАН (Г.В. Осипов, В.К. Левашов), Высшей школе экономики (О.И. Шкаратан, Л.Г. Ионин, Р.В. Рывкина¹), Л.Л. Рыбаковскому, выполнявшему проекты по линии Министерства труда и Министерства здравоохранения. Р.В. Рывкина выполняла проекты при субсидировании Фондом им. А.Д. Сахарова. Последнее исследование было по образу жизни евреев в России.

Было еще много менее масштабных исследований, что естественно в рыночной суете (решал не я, что исследовать или какие работы выполнять, а заказчик). Это были взаимовыгодные сугубо рыночные отношения.

В середине 1990-х годов мы с М. Горшковым опросили участников социологического форума, проводившегося в Москве. С профессиональной точки зрения картина была неприглядная: две трети из них — бывшие преподаватели истории КПСС, исторического материализма, научного коммунизма. Им требовалось пройти переквалификацию, но книг по социологии в регионах не было, они не могли даже посмотреть какой-то пример, как проводится исследование и как систематизируются его результаты. Немногочисленные издаваемые по прикладной социологии книги оседали в основном в Москве и Санкт-Петербурге,

¹ Результаты исследований, проведенных для Р.В. Рывкиной, отражены в книгах, изданных Центром социального прогнозирования: [26; 27].

торговым организациям было нерентабельно развозить книги по вузам малым тиражом. На местах исследования практически не проводились, для этого не было денег — несколько миллионов рублей для каждого масштабного исследования. Да и навыка проведения социологического исследования не было. К 2000 году у нас накопилось много данных по прикладным исследованиям. Кроме того, решил вернуться в науку, ориентируясь в бизнесе преимущественно на научные проекты, а значит, требовалось возобновить публикацию научных работ (это было предусмотрено условиями конкурса). Решил совместить три задачи: выполнение требований конкурса, содействие повышению квалификации региональных социологов, сделать широкую рекламу для Центра социального прогнозирования в научной среде.

В 2000–2003 годах издал свои книги, содержащие аналитическое изложение результатов общесоюзных (период СССР) и общероссийских исследований: «Социология политики» [52], «Социология образования» [40], «Социология права» [41], «Социология предпринимательства» [53]. Вместо предисловия в каждой книге изложил категориальную модель соответственно политики, права, образования, предпринимательства. Это концептуальное изложение имеет больше эвристический, чем доказательный характер. Книги издал по тысяче экземпляров и разослал в библиотеки и общественно-научные кафедры основных вузов страны. В последующем стал широко привлекать соавторов, чтобы придать своему центру облик крупной научной организации, что давало преимущества при участии в конкурсах. Тираж книг снизил до 500, в ряде случаев до 300 экземпляров, так как для целевой рассылки в крупные вузы больше не требовалось. Стал издавать и по просьбе других авторов. С 2000 по 2020 год издал не менее 240 книг², 90% — за свой счет, и все разослал в библиотеки и на кафедры вузов. Издавал всех авторов, без оглядки на личные отношения. Мне вообще чужд стиль работы в виде критики оппонента. Каждый имеет право излагать свое видение научной проблемы. Если мне какая-то концепция не импонирует, просто игнорирую, но не переносу на межличностные отношения. Именно по этой причине старался никогда не участвовать в конференциях и симпозиумах теоретического характера.

С М. Горшковым издал монографии по проблемам молодежи, национальному проекту «Образование» [8; 7], по подготовке специалистов интеллектуального труда в вузе [9]; совместно с А. Арефьевым издал ряд сборников по статистической характеристике динамики численности иностранных студентов, обучающихся в российских вузах (примеры двух типов ежегодных изданий: [1; 2], а также [3]); книги о потребле-

² Список из более чем 200 изданных книг см. в: *Арефьев А.Л.* К 25-летию Центра социологических исследований (ФГАНУ «Социоцентр») // *Образование и наука в России: состояние и потенциал развития.* № 3. 2018. С. 614–631. — *Прим. ред.*

нии наркотиков в молодежной среде (наряду с ранее упомянутой [45] см. [44; 48]; в течение 20 лет готовил сборники с прогнозом численности обучающихся в организациях с временным лагом прогноза на 15 лет и т. д. (один из последних: [47]). В общей сложности сам и в соавторстве подготовил и издал не менее 60 книг. Не считаю их научными, скорее они выполняют инструментальную функцию информирования о социологической работе Центра социального прогнозирования.

В середине 2000-х годов решил переиздать ряд работ социологов предыдущего поколения и разослать в вузы. Логически объединил три изданные в СССР книги В. Шляпентоха в единую книгу о достоверности социологической информации [55] («Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал», 2006). Переиздал книгу А. Харчева под новым названием «Социология семьи: проблемы становления науки» (2003) [34], книгу И. Чангли «Труд» (2010) [35], две брошюры М. Руткевича про образовательную структуру населения России («Образованность населения России конца XIX – начала XXI вв., 2007) [24] и об уральской философской школе («Развитие философии и социологии в Уральском университете (40–70 гг. XX в.)», 2003) [25], ряд работ Б. Докторов [13–17], самая крупная из которых — электронный девятитомник «Современная российская социология: историко-биографические поиски» (2016) [16]; предложил Д. Константиновскому тематически объединить свои статьи о школьном образовании и издал их в виде книги (2008) [19]. Объединил две ранее изданные книги В.Н. Шубкина и издал с новым названием под грифом Института социологии РАН [56]. У меня вызвало отрицательное впечатление, что собственная организация не проявила внимание к известному социологу и не нашла возможность переиздать его книгу. В один из дней позвонил Б. Докторов и сказал, что Высшая школа экономики запланировала издание книги В.А. Ядова «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности», но по плану деньги на это будут выделены через два года, а В. Ядов тяжело болен, о чем я не знал. Без рассуждений взялся за издание книги, набрали новую верстку и обновили рисунки, так как для первого издания их рисовали от руки. На внутренней обложке указал Высшую школу экономики и Институт социологии РАН по желанию В.А. Ядова [28]. Издал также книги А.В. Дмитриева «Провокация» и «Скандал» [11; 12], ряд книг Л.Л. Рыбаковского по социальной демографии [10; 23; 29], Ж.Т. Тощенко по социологии управления и политическим отношениям и др. [31–33], В.К. Левашова по международным отношениям [20] и многих других авторов.

Все изданные книги попали в библиотеки вузов и, естественно, по обязательной рассылке в центральные библиотеки страны. Кроме того, ряд книг передал безвозмездно издательству «Юрайт» для переиздания. Надеюсь, что изданием такого количества социологической литературы и их рассылкой по всей стране способствовал повышению социологической культуры, обеспечил эмпирические материалы для студентов

и аспирантов, которые они смогли использовать для подготовки курсовых или диссертаций. Для более широкого распространения изданных материалов, да и других социологических работ открыл сайт Центра социального прогнозирования, однако в 2021 году, предвидя осложнение социальной ситуации по причине международного конфликта, закрыл его. Несколькими годами ранее я осознал цикличность процесса активизации и затухания социологической практики и с 2010 года ощущал постепенное свертывание прикладных исследований, сокращение конкурсов и субсидий по социологии, постепенный переход от практики 1920-х к практике 1930-х годов: снижение потребности в информации, усиление директивности государственного управления, начало национализации, выдавливание из страны олигархов и милитаризация экономики, в том числе по причине внешних угроз. Постепенно появились «ярлыки» типа «иноагент», «нежелательный» (в стране) и т. п. Социологическая информация может интерпретироваться по-разному, предпочел не ставить под удар ни коллег, ни свою фирму.

Новых знаний относительно функционирования государства из эмпирических исследований уже не получал, на этом уровне социальных отношений мне все стало ясно. В 2019 году дал обширное интервью, в котором отобразил социальную суть российской государственности, добавить мне нечего и эмпирические данные ничего добавить не смогут [6]. Все мои проблемные, острые статьи публиковал журнал «Социальные технологии, исследования», хотя заказывали их центральные журналы, но потом боялись публиковать, чтобы не ссориться с властью, которая их кормит. Кстати, я никогда не писал серьезные статьи сам по себе, они всегда были заказные.

Абсолютизация прикладной социологии как основной социальной науки нанесла огромный вред социологической гносеологии. Она играет примерно ту роль, которую в СССР играла пятая колонна, настроив власть против генетики и кибернетики: ни в одной стране политическая власть не заинтересована в общественной науке, почему и в России по сей день не объявляют, какую политическую систему строит власть, а социальные и экономические теории марксистов предали забвению, хотя они единственные рассматривали общество как целостное мировое образование. Они исходили из природы, а не от субъективного хотения какой-то корпоративной группы или нормативов общества, которое с позиции истории является бранным, как и его нормы и ценности. Зачем рассуждать в целом? Есть сороконожка, государство оплатит изучение динамики каждой ноги, с применением законов физики, причем отдельно при изучении движения вперед и отдельно при изучении движения назад — итого 80 грантов. И интерпретация данных эмпирических исследований часто субъективна. Например, если спросить в любой стране граждан о мотивах военной операции на Украине, последуют ответы в соответствии с интерпретацией в газетах или ТВ, Интернете, по некоторой шкале согласия или несогласия. Чем продиктована уверен-

ность исследователя в том, что истинная причина явления соответствует мотивации, излагаемой в СМИ? Кроме политической аргументации, можно еще привести не менее трех. Нормативная жизнь субъективна, и по ее нормам и ценностям можно строить только мифологемы.

Эмпирическую социологию я делал как рутину, по известным правилам выполняя коммерческий заказ. По ходу убедился, что все выявленное мной эмпирически я знал концептуально заранее. С завершением коммерческой активности вновь вернулся к тому, на что меня внутренний позыв ориентировал всю жизнь.

Мое эмоциональное состояние идентично тому, что возникло в 7–12 лет: презираю любые профессии типа полиции, судей, прокуроров, следователей, адвокатов, то есть насквозь пропитанные насилием. Чтобы выразить свой протест, в подростковой ватаге мы все время пели блатные (одесские) песни, к которым у меня по сей день положительное отношение как к социально-протестным. По этой же причине люблю песни советских бардов за их протестный стиль (Высоцкого, Окуджавы, Галича), венгерские народные и еврейские песни (они ностальгические), лирические песни 1920–1930-х годов, особенно Петра Лещенко (они откровенные). Из современного стиля люблю джаз, рок-музыку, блюз, спиричуэлсы, так как они близки к природе и нелицемерны, и не люблю классическую музыку — она воспринимается мной как совокупный реквием, интегрированный в Шестой симфонии Д. Шостаковича. Но это мое субъективное эмоциональное восприятие внешнего мира. Живу же я по формуле Гегеля: свобода — осознанная необходимость.

Свое видение логики развития социологической науки я изложил в статье в 2021 году: «Теоретическая социология как наука и предмет преподавания» [54]. Это не просто построение категориальной модели, полный вариант которой я реализовал в статье «Политика как социальный институт» [38], то есть обобщение на уровне не категорий, а законов диалектики, ибо это единственная логика, на которой можно построить теорию цивилизаций.

Социологическая теория начинается с постулата, согласно которому в основе научного анализа социума лежит триада законов, тесно взаимосвязанных, но поддающихся каждый автономному анализу в плане гносеологии. Их условно можно назвать законами трех R: R1 — закон репликации, R2 — закон рекреации, R3 — закон рефлексии. Они соответствуют трем законам диалектики: единство и борьба противоположностей, переход количества в качество, отрицание отрицания. Закон репликации гласит, что единственная цель от природы любой особи — воспроизводство самого себя в популяционном аспекте, то есть в множественном числе. Таким образом, педофил, некрофил, зоофил и т. п. будут стремиться создать максимально благоприятные условия только для воспроизводства себе подобных. Для учета этой обусловленности социальных отношений требуется опираться на генетику. Второй закон

отражает обмен веществ, который необходим для реализации первого закона, то есть, прежде чем произвести генетически потомство, особь должна воспроизвести себя биологически. В социальном аспекте этот механизм изложен в политэкономии Маркса. Третий закон отражает духовную жизнь, порождаемую отношениями, опосредованными вещью. По сути, речь идет о рефлексии социального в вещах, а точнее, об аргументации присвоения вещи. Поэтому любая коммуникация есть аргументация по поводу присвоения. Третий закон отображает направление развития цивилизации и моделируется при помощи концепции общественно-экономических формаций. В этой теории требуется использовать этногенез. Механизм реализации второго закона — социальные институты, являющиеся разнообразными формами распределительных отношений. На уровне социальных институтов можно строить категориальные модели, а сами категории подвергать операционализации путем поиска для них эмпирических индикаторов. И мы переходим от диалектической к формальной логике, то есть к нормативной прикладной социологии. Например, как формулируются категории исходя из политэкономической концепции? Маркс высказал мнение, что цивилизационные эпохи отличаются не тем, *что* производят, а тем, *как* производят. Анализ истории цивилизаций показывает, что, действительно, можно выделить пять форм технологии производства — это мускульная, рычаговая, тяговая, машинная и экологическая (имитация моделей природы). Эти понятия можно детализовать далее уже при помощи эмпирических индикаторов. В моей статье «Теоретическая социология как наука и предмет преподавания» приводятся и другие примеры.

Конечно, подход, который собираюсь реализовать в социологии, полностью выбивается из субкультуры коллег и может противоречить «латентной официальной цензуре», поэтому журналы публиковать вряд ли согласятся, но в будущем попробую размещать в Интернете и издам в форме книги.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шереги Франц Эдмундович — кандидат философских наук, директор, Центр социального прогнозирования и маркетинга. **Телефон:** +7 (985) 998-94-80. **Электронная почта:** f-sheregi@inbox.ru

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый исследователь. **Электронная почта:** bdoktorov@inbox.ru

Research Article

FRANTS E. SHEREGI¹, BORIS Z. DOKTOROV²

¹Center for Social Forecasting and Marketing.

off. 1–19. room II, bl. 9, Gostinichnaya st., 127106, Moscow, Russian Federation.

²Independent researcher.

Foster City, California, USA.

UNITY OF APPLIED SOCIOLOGY AND SOCIAL PHILOSOPHY

Abstract. F. Sheregi's account on his own scientific research is an unusual tale with multiple layers to it, with its origins lying in events that transpired half a century ago and the tale itself culminating in reports about current scientific research. The events mentioned in the account are not assigned any specific dates, but the era is given away by major events that happened during any given time and even more so by the subject matter of whatever studies are presented. You have your Komsomol construction projects, including the Baikal-Amur Mainline (BAM), then you have a series of studies that were supposed to gauge what the youth thought about decisions made at Komsomol conventions. Then you have opinions held by various groups of the youth and the general population in regards to Mikhail Gorbachev's social and economic innovations. As time goes on election surveys and attempts to predict who will win an election become a relevant topic. Then you're presented with a comprehensive look into research on issues related to youth, college students, teachers, next to that you have studies that look into various forms of deviant behavior exhibited by young Russians.

This isn't simply a list of topics for research: in his work Sheregi delves into the very essence of his approach towards dealing with sociological subject matter. For example, when analyzing the ethnic composition of the workforce involved in the construction of the BAM dispatched from different Soviet republics, he noticed that the vast majority of those who were coming in were ethnic Russians, which prompted him to conclude that the country would soon fall apart. Content analysis of corresponding plans of publishing houses for the years 1975–1985 refute official statements made by the government alleging that inflation was nonexistent in the country.

One thing that is unique compared to autobiographies written by other Russian sociologists would be Sheregi describing his own career path. It basically boils down to him actively avoiding government service. The new forms of labor relations, as well as new approaches towards coordinating scientific research that came about during the time of the perestroika immediately caught his attention, they reminded him of what he learned in the early years of his own life living in the Hungarian part of Western Ukraine, which for a long time harbored skills and traditions inherent to a capitalist economy. Also Sheregi elaborated on what motivated him to establish his own (private) research center, on top of inventing a particular way of organizing scientific research that turned out to be much more effective compared to what was practiced in state-curated sociology departments. One initiative of his center that stands out in particular is the publication and distribution of literature on sociology, which is something that has been actively ongoing and almost exclusively done charitably: at the moment this "small library" consists of about 250 books.

In recent years various circumstances of his life have prompted F. Sheregi to make a comeback and once again pursue theoretical sociology, and just as before his efforts involve inventive ways to formulate problems and a unique outlook on their genesis and resolution.

Keywords: Center for social forecasting and marketing; career in science; sociology of education; sociology of youth; election surveys; applied sociology; consumer and political marketing; social forecasting; publishing house; political culture; lifestyle; forms of public consciousness; sociological theory; 3R's rule.

For citation: Sheregi, F.E., Doktorov, B.Z. Unity of Applied Sociology and Social Philosophy. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 4. P. 126–156. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.6

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Frants E. Sheregi — Candidate of Philosophical Sciences, Director, Center for Social Forecasting and Marketing. **Phone:** +7 (985) 998-94-80. **Email:** f-sheregi@inbox.ru

Boris Z. Doktorov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Independent Researcher. **Email:** bdoktorov@inbox.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э.* Экспорт российских образовательных услуг: статистический сборник. Вып. 6. М.: ЦСПиМ, 2016. — 408 с.
Aref'ev A.L., Sheregi F.E. *Export of Russian Educational Services: Statistical Collection.* Vol. 6. Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing publ., 2016. 408 p. (In Russ.)
2. *Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э.* Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации: статистический сборник. Вып. 13. М.: Центр социологических исследований, 2016. — 192 с.
Aref'ev A.L., Sheregi F.E. *Education of Foreign Citizens in the Higher Educational Institutions of the Russian Federation: Statistical Collection.* Vol. 13. Moscow: Center for Sociological Research publ., 2016. 192 p. (In Russ.)
3. *Арефьев А.Л., Чепурных Е.Е., Шереги Ф.Э.* Международная деятельность в области образования: практика, исследования, анализ. М.: ЦСП, 2005. — 352 с. EDN: QUCOMZ
Aref'ev A.L., Chepurnykh E.E., Sheregi F.E. *The International Activity in the Field of Education: Practice, Researches, Analysis.* Moscow: Center for Social Forecasting publ., 2005. 352 p. (In Russ.)
4. *Белкин Е.В., Шереги Ф.Э.* Формирование населения в зоне БАМ. М.: Наука, 1985. — 149 с.
Belkin E.V., Sheregi F.E. *Population Formation in the Zone of Baikal-Amur Mainline.* Moscow: Nauka publ., 1985. 149 p. (In Russ.)
5. *Блинов Н.М., Ожегов Ю.П., Шереги Ф.Э.* Политическая культура и молодежь. М.: Молодая гвардия, 1982. — 175 с. EDN: KSNSNS
Blinov N.M., Ozhegov Yu.P., Sheregi F.E. *Political Culture and Youth.* Moscow: Molodaya gvardiya publ., 1982. 175 p. (In Russ.)
6. *Бондарь В.* Интервью Шереги Ф.Э. Июль 2019 г. // Социальные технологии, исследования. 2019. № 5. С. 29–46.
Bondar' V. Interview with F.E. Sheregi. *Sotsial'nye tekhnologii, issledovaniya.* 2019. No. 5. P. 29–46. (In Russ.)
7. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований: монография. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. — 680 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020 EDN: BNSNDA
Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *The Youth of Russia in the Mirror of Sociology: On the Results of Long-Term Research: Monograph.* Moscow: FCTAS RAS publ., 2020. 680 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020 (In Russ.)
8. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Российская молодежь в контексте социологического анализа: монография. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. — 262 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-317-1 EDN: ZRVPCL

- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Russian Youth within the Context of Sociological Analysis: Monograph*. Moscow: FCTAS RAS publ., 2019. 262 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-317-1 (In Russ.)
9. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Тюрина И.О.* Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ: монография. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. — 383 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023 EDN: DMQCRN
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E., Tyurina I.O. *Reproduction of Intellectual Labor Specialists: A Sociological Analysis: Monograph*. Moscow: FCTAS RAS publ., 2023. 383 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023 (In Russ.)
10. Демографический понятийный словарь / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003. — 352 с.
Demographic Conceptual Dictionary. Ed. by L.L. Rybakovskii. Moscow: Center for Social Forecasting publ., 2003. 352 p. (In Russ.)
11. *Дмитриев А.В., Сычев А.А.* Провокация: социофилософские очерки: монография. М.: ЦСПиМ, 2017. — 336 с. EDN: YTZJHP
Dmitriev A.V., Sychev A.A. *Provocation: Sociophilosophical Essays: Monograph*. Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing publ., 2017. 336 p. (In Russ.)
12. *Дмитриев А.В., Сычев А.А.* Скандал: социофилософские очерки: монография. М.: ЦСП, 2014. — 323 с.
Dmitriev A.V., Sychev A.A. *Scandal: Sociophilosophical Essays: Monograph*. Moscow: Center for Social Forecasting publ., 2014. 323 p. (In Russ.)
13. *Докторов Б.З.* Неспособные беседы с классиками и современниками. Опыт историко-биографического анализа: монография. М.: ЦСПиМ. 2018. — 440 с.
Doktorov B.Z. *Never Ending Chats with Classics and Contemporaries. A Practice in Historical-biographical Analysis: Monograph*. Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing publ., 2018. 440 p. (In Russ.)
14. *Докторов Б.З.* Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: ЦСП, 2006. — 488 с.
Doktorov B.Z. *The Founding Fathers: A History of Public Opinion Research*. Moscow: Center for Social Forecasting publ., 2006. 488 p. (In Russ.)
15. *Докторов Б.З.* Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСПиМ, 2008. — 627 с. EDN: QOIGMX
Doktorov B.Z. *Advertising and Public Opinion Polls in the USA. The History of the Origin. The Fate of the Creators*. Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing publ., 2008. 627 p. (In Russ.)
16. *Докторов Б.З.* Современная российская социология: историко-биографические поиски: В 9 т. / Редактор-консультант А.Н. Алексеев. М.: ЦСПиМ, 2016. — 5901 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 10.12.2024. URL: https://www.isras.ru/files/el/hta_9/htm/menu.htm
Doktorov B.Z. *Modern Russian Sociology: Historical and Biographical Searches: In 9 Vols*. Consulting Editor A.N. Alekseev. Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing publ., 2016. 5901 p. Accessed 10.12.2024. URL: https://www.isras.ru/files/el/hta_9/htm/menu.htm (In Russ.)

17. Докторов Б.З. Хроника президентской избирательной кампании в США 2016 года. Опыт социологического наблюдения социального процесса. М.: ЦСПиМ, 2017. — 352 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 10.12.2024. URL: [https://www.isras.ru/files/File/publ/Book15_2017_01_05\(1\).pdf](https://www.isras.ru/files/File/publ/Book15_2017_01_05(1).pdf) EDN: XVJBBT
Doktorov B.Z. *Chronicle of the 2016 US Presidential Election Campaign. The Experience of Sociological Observation of the Social Process*. Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing publ., 2017. 352 p. Accessed 10.12.2024. URL: [https://www.isras.ru/files/File/publ/Book15_2017_01_05\(1\).pdf](https://www.isras.ru/files/File/publ/Book15_2017_01_05(1).pdf) (In Russ.)
18. Как провести социологическое исследование: В помощь идеологическому активу: коллективная монография / Под ред. М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги. М.: Политиздат, 1985. — 223 с.
How to Conduct A Sociological Study: To Help an Ideological Asset: A Collective Monograph. Ed. by M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. Moscow: Politizdat publ., 1985. 223 p. (In Russ.)
19. Константиновский Д.Л. Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М.: ЦСО, 2008. — 552 с.
Konstantinovskii D.L. *Inequality and Education. Attempt of Sociological Research on the Life Starts of the Russian Youth (1960th — beginning of 2000th)*. Moscow: SFC publ., 2008. 552 p. (In Russ.)
20. Левашов В.К. Российское государство и общество в период либеральных реформ. М.: ЦСПиМ, 2013. — 456 с. EDN: MWOQNI
Levashov V.K. *The Russian State and Society in the Period of Liberal Reforms*. Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
21. Осипов Г.В., Стриханов М.Н., Шереги Ф.Э. Взаимодействие науки и производства: социологический анализ: В 2 ч. М.: ИСПИ РАН, 2014. EDN: YIQEDJ
Osipov G.V., Strikhanov M.N. Sheregi F.E. *Interaction of Science and Production: Sociological Analysis: In 2 Parts*. Moscow: ISPR FCTAS RAS publ., 2014. (In Russ.)
22. Осипов Г.В., Шереги Ф.Э. Социология образования и науки. Интеграция университетской науки и производства: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2018. — 360 с.
Osipov G.V., Sheregi F.E. *Sociology of Education and Science. Integration of University Science and Production: Study Guide for University Students*. Moscow: Yurait, 2018. 360 p. (In Russ.)
23. Практическая демография / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2005. — 280 с.
Practical Demography. Ed. by L.L. Rybakovskii. Moscow: Center for Social Forecasting publ., 2005. 280 p. (In Russ.)
24. Руткевич М.Н. Образованность населения России конца XIX — начала XXI вв. М.: ИСПИ РАН, 2007. — 72 с. EDN: QONCOL

- Rutkevich M.N. *The Education of The Russian Population in the Late 19 — Early 21 Centuries*. Moscow: ISPR FCTAS RAS publ., 2007. 72 p. (In Russ.)
25. *Руткевич М.Н.* Развитие философии и социологии в Уральском университете (40–70 гг. XX в.). М.: ЦСП, 2003. — 92 с. EDN: QOCBTH
Rutkevich M.N. *The Development of Philosophy and Sociology at the Ural University (1940–1970)*. Moscow: Center for Social Forecasting publ., 2003. 92 p. (In Russ.)
26. *Рывкина Р.В.* Как живут евреи в России. Социологический анализ перемен. М.: ЦСП, 2005. — 577 с.
Ryvkina R.V. *How Jews Live in Russia. A Sociological Analysis of Change*. Moscow: Center for Social Forecasting publ., 2005. 577 p. (In Russ.)
27. *Рывкина Р.В.* Социальные болезни современной России. Публицистическое исследование. М.: ЦСПиМ, 2011. — 244 с.
Ryvkina R.V. *Social Diseases of Modern Russia. Non-fiction Research*. Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing publ., 2011. 244 p. (In Russ.)
28. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция / Под ред. В.А. Ядова. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013. — 376 с.
Self-regulation and Forecasting of Social Behavior of a Personality: A Dispositional Concept. Ed. by V.A. Yadov. 2nd expanded ed. Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing publ., 2013. 376 p. (In Russ.)
29. Стратегия демографического развития России / Под ред. В.Н. Кузнецова, Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2005. — 208 с.
The Strategy of Demographic Development of Russia. Ed. by V.N. Kuznetsov, L.L. Rybakovskii. Moscow: Center for Social Forecasting publ., 2005. 208 p. (In Russ.)
30. *Стриханов М.Н., Шереги Ф.Э.* Детский отдых и оздоровление: проблемы организации, содержание, воспитательный эффект. М.: ЦСПиМ, 2015. — 220 с. EDN: XRVGVV
Strikhanov M.N., Sheregi F.E. *Children's Recreation and Wellness: Problems of Organization, Content, Educational Effect*. Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing publ., 2015. 220 p. (In Russ.)
31. *Тощенко Ж.Т.* Социология управления: учебник для вузов. М.: ЦСПиМ, 2011. — 300 с. EDN: QOMWWD
Toshchenko Zh.T. *Sociology of Governance and Administration: Textbook*. Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing publ., 2011. 300 p. (In Russ.)
32. *Тощенко Ж.Т.* Фантомы российского общества. М.: ЦСПиМ, 2015. — 668 с. EDN: TRUIJB
Toshchenko Zh.T. *Phantoms of the Russian Society*. Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing publ., 2015. 668 p. (In Russ.)
33. *Тощенко Ж.Т., Цветкова Г.А.* Социология труда: учебник для вузов. М.: ЦСПиМ, 2012. — 464 с. EDN: QONYQV
Toshchenko Zh.T., Tsvetkova G.A. *Sociology of Labour: Textbook*. Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing publ., 2012. 464 p. (In Russ.)

34. Харчев А.Г. Социология семьи: проблемы становления науки. М.: ЦСП, 2003. — 342 с.
Kharchev A.G. *Sociology of the Family: Problems of the Formation of Science*. Moscow: Center for Social Forecasting publ., 2003. 342 p. (In Russ.)
35. Чангли И.И. Труд: социологические аспекты теории и методологии исследования: монография. М.: ЦСПиМ, 2010. — 607 с.
Changli I.I. *Work: Sociological Aspects of the Theory and Methodology of Research: Monograph*. Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing publ., 2010. 607 p. (In Russ.)
36. Шереги Ф.Э. Этническое развитие российского государства // Судьбы реформ в России: материалы научной дискуссии / Рос. независимый ин-т социал. и нац. пробл.; Редкол.: М.К. Горшков и др. М.: РНИСиНП, 1997. С. 53–78.
Sheregi F.E. Ethnic Development of the Russian State. *The Fate of Reforms in Russia: Materials of Scientific Discussion*. Russian Independent Institute of Social and National Problems. Ed. by M.K. Gorshkov, et al. Moscow: Russian Independent Institute of Social and National Problems publ., 1997. P. 53–78. (In Russ.)
37. Шереги Ф.Э. Дети с особыми потребностями: Социологический анализ. М.: ЦСП, 2003. — 140 с.
Sheregi F.E. *Children with Special Needs: Sociological Analysis*. Moscow: Center for Social Forecasting publ., 2003. 140 p. (In Russ.)
38. Шереги Ф.Э. Политика как социальный институт // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2019. № 4. С. 543–565. DOI: 10.19181/obrnaukr.2019.21EDN: IMCXGV
Sheregi F.E. Politics as a Social Institution. *Obrazovanie i nauka v Rossii: sostoyanie i potentsial razvitiya*. 2019. No. 4. P. 543–565. DOI: 10.19181/obrnaukr.2019.21
39. Шереги Ф.Э. Социология девиации: прикладные исследования. М.: ЦСП, 2004. — 344 с.
Sheregi F.E. *Sociology of Deviation: Applied Research*. Moscow: Center for Social Forecasting publ., 2004. 344 p. (In Russ.)
40. Шереги Ф.Э. Социология образования: прикладные исследования. М.: Academia, 2001. — 464 с.
Sheregi F.E. *Sociology of Education: Applied Research*. Moscow: Academia publ., 2001. 464 p. (In Russ.)
41. Шереги Ф.Э. Социология права: прикладные исследования. М.: Center of Social Forecasting: Алетейя, 2002. — 477 с.
Sheregi F.E. *Sociology of Law: Applied Research*. Moscow: Center of Social Forecasting, Aleteiya publ., 2002. 477 p. (In Russ.)
42. Шереги Ф.Э. Суицид среди детей и подростков: тенденция и возможность профилактики // Социальные технологии, исследования. 2019. № 1. С. 31–45. EDN: SYCGNN
Sheregi F.E. Suicide Among Children and Adolescents: Tendency and Possibility of Prevention. *Sotsial'nye tekhnologii, issledovaniya*. 2019. No. 1. P. 31–45. (In Russ.)

43. Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л. Кадры управления образованием: социологический анализ / Под ред. Г.В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 2017. — 220 с.
Sheregi F.E., Aref'ev A.L. *Education Management Personnel: A Sociological Analysis*. Ed. by G.V. Osipov. Moscow: ISPR FCTAS RAS publ., 2017. 220 p. (In Russ.)
44. Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л. Наркоситуация в молодежной среде: структура, тенденции, профилактика. М.: ГЕНЖЕР, 2003. — 396 с.
Sheregi F.E., Aref'ev A.L. *Narcotization in the youth Environment: Structure, Tendencies, Preventive Measures*. Moscow: GENZHER publ., 2003. 396 p. (In Russ.)
45. Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л. Наркотизация в молодежной среде: структура, тенденции, профилактика. М.: ЦСП, 2003. — 600 с.
Sheregi F.E., Aref'ev A.L. *Narcotization in the youth Environment: Structure, Tendencies, Preventive Measures*. Moscow: Center for Social Forecasting publ., 2003. 600 p. (In Russ.)
46. Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л. Социология труда. Условия труда педагогов: монография. М.: Юрайт, 2017. — 226 с. EDN: ZTFDHP
Sheregi F.E., Aref'ev A.L. *Sociological Work. The Working Conditions of Teachers: Monograph*. Moscow: Yurait publ., 2017. 226 p. (In Russ.)
47. Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л., Константиновский Д.Л., Ключарев Г.А. Численность обучающихся, педагогического и преподавательского персонала, потенциального числа образовательных организаций всех уровней образования: прогноз до 2035 года. М.: ЦСПиМ, 2017. — 408 с.
Sheregi F.E., Aref'ev A.L., Konstantinovskii D.L., Klyucharev G.A. *The Number of Students, Teaching and Teaching Staff, and the Potential Number of Educational Organizations at All Levels of Education: Forecast until 2035*. Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing publ., 2017. 408 p. (In Russ.)
48. Шереги Ф.Э., Зайцев С.Б. Оценка наркоситуации в среде детей, подростков и молодежи. М.: Моск. гор. фонд поддержки школьного книгоиздания, 2004. — 155 с.
Sheregi F.E., Zaitsev S.B. *Assessment of Drug Situation among Children, Adolescents and Youth*. Moscow: Moscow City School Book Publishing Support Fund publ., 2004. 155 p. (In Russ.)
49. Шереги Ф.Э., Стриханов М.Н. Наука в России: социологический анализ. М.: ЦСП, 2006. — 456 с. EDN: OXFDNX
Sheregi F.E., Strikhanov M.N. *Science in Russia: Sociological Analysis*. Moscow: Center for Social Forecasting publ., 2006. 456 p. (In Russ.)
50. Шереги Ф.Э. Дисфункция подготовки инженерно-технических специалистов в экстремальных условиях // Шевченко В.И., Шереги Ф.Э., Стриханов М.Н. Воспроизводство инженерно-технических специалистов: ретроспектива и современность. М.: НИЯУ МИФИ, 2023. С. 278–300.
Sheregi F.E. *Dysfunction of Training of Engineering and Technical Specialists in Extreme Conditions*. Shevchenko V.I., Sheregi F.E., Strikhanov M.N. *Reproduction of Engineering and Technical Specialists: A Retrospective and Modernity*. Moscow: National Research Nuclear University MEPhI Moscow Engineering Physics Institute publ., 2023. P. 278–300. (In Russ.)

51. Шереги Ф.Э. Проблемы формирования толерантного отношения к ВИЧ-инфицированным в образовательной среде. Социологический анализ. М.: ЦСП, 2006. — 88 с. EDN: QVAQTR
Sheregi F.E. *Problems of Forming a Tolerant Attitude Towards HIV-infected People in the Educational Environment. Sociological Analysis*. Moscow: Center for Social Forecasting publ., 2006. 88 p. (In Russ.)
52. Шереги Ф.Э. Социология политики: прикладные исследования. М.: ЦСП, 2003. — 683 с.
Sheregi F.E. *Sociology of Politics: Applied Research*. Moscow: Center for Social Forecasting publ., 2003. 683 p. (In Russ.)
53. Шереги Ф.Э. Социология предпринимательства: прикладные исследования. М.: Центр социального прогнозирования, 2002. — 535 с.
Sheregi F.E. *Sociology of Entrepreneurship: Applied Research*. Moscow: Center for Social Forecasting publ., 2002. 535 p. (In Russ.)
54. Шереги Ф.Э. Теоретическая социология как наука и предмет преподавания // Социальные технологии, исследования. 2021. № 4 (110). С. 41–55. EDN: UFILXL
Sheregi F.E. *Theoretical Sociology as a Science and Subject of Teaching. Sotsial'nye tekhnologii, issledovaniya*. 2021. No. 4 (110). P. 41–55. (In Russ.)
55. Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: ЦСП, 2006. — 664 с.
Shlyapentokh V.E. *Problems of the Quality of Sociological Information: Reliability, Representativeness, Prognostic Potential*. Moscow: Center for Social Forecasting publ., 2006. 664 p. (In Russ.)
56. Шубкин В.Н. Социология и общество: научное познание и этика науки: монография. М.: ЦСПиМ. 2010. — 424 с. EDN: QOLANF
Shubkin V.N. *Sociology and Society: Scientific Cognition and Ethics of Science: Monograph*. Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing publ., 2010. 424 p. (In Russ.)
57. Losonci Á. Az életmód az időben, a tárgyakban és az értékekben. Budapest: Gondolat, 1977. — 340 с.
Losonci Á. *Lifestyle in time, objects and values*. Budapest: Gondolat publ., 1977. 340 p. (In Hungarian).

Дата поступления: 08.08.2024; поступила после рецензирования и доработки: 08.12.2024; принята к публикации: 15.12.2024.

Received: 08.08.2024; revised after review: 08.12.2024; accepted for publication: 15.12.2024.

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.7

EDN: RPWSZU

*А. Н. МАЛИНКИН*¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

КАК ВОЗМОЖНА СОЦИОЛОГИЯ МОРАЛИ. МЫСЛЕННЫЙ ДИАЛОГ С Г.С. БАТЫГИНЫМ

Аннотация. В историко-социологическом исследовании рассматривается статья Г.С. Батыгина (1951–2003) о социологии морали, в которой он доказывает ее невозможность. Актуальность и значимость статьи автор усматривает в том, что она стала разделительной вехой на пути от «старой» к так называемой «новой социологии морали». Реконструируется аргументация Г.С. Батыгина, критически анализируются основные положения и понятия статьи. Для сравнения приводятся точки зрения на социологию морали других российских авторов, которые полагают, что эта социологическая дисциплина не только возможна, но и реально существует. По мнению автора, сами моральные явления трактуются Г.С. Батыгиным не вполне адекватно — только как отрефлексированные феномены сознания, — очевидно, потому, что это соответствовало требованиям сциентистской парадигмы, которой он решил придерживаться в своей статье. Тем не менее автор считает, что в рамках этой парадигмы аргументация Г.С. Батыгина, направленная на доказательство невозможности морали, неопровержима в смысловом и логическом отношении. Но если доказано, что научная социология морали невозможна, то возникает вопрос: возможна ли она в другой парадигме и на основе иного способа познания, а именно философского? Пути к нему наметил сам первооткрыватель социологии морали Э. Дюркгейм, что отмечает Г.С. Батыгин. Примером философской социологии морали автор считает «материальную этику ценностей» и «социологию знания» М. Шелера. В заключение он характеризует собственную теоретико-методологическую позицию, в свете которой статья Батыгина расценивается как морально значимый поступок.

Ключевые слова: история российской социологии; Г.С. Батыгин; социология морали; «новая социология морали»; социальная наука; Э. Дюркгейм; И. Кант; М. Шелер; феноменология; сциентизм.

Для цитирования: *Малинкин А.Н.* Как возможна социология морали. Мысленный диалог с Г.С. Батыгиным // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 4. С. 157–177. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.7 EDN: RPWSZU

Введение

Почти 25 лет назад Г.С. Батыгин (1951–2003) написал статью под названием «*Как невозможно социология морали*» [3]. Статья эта документирует глубокие раздумья автора не только о социологии морали, но и о социологии как дисциплине. Она сохраняет актуальность и заслуживает пристального внимания. Ее значение мы видим в том, что она стала разделительной вехой на пути от «старой» к так называемой «новой социологии морали»¹. Мы не будем освещать здесь историю и актуальное состояние социологии морали и не претендуем на новое слово в ней, так как ставим перед собой ограниченную задачу: попытаться в мысленном диалоге с Батыгиным понять главную целевую интенцию его неординарной публикации, чтобы оценить ее место и значение в новейшей истории российской социологии.

Батыгин указывает на то, что социология морали до сих пор не разработана в той мере, в какой разработаны другие отрасли социологического знания, что ее положение в тематическом репертуаре социологии как дисциплины «странное, нечто вроде отсутствующего присутствия». Он цитирует А. Гоулднера, который, в частности, пишет: «По своему содержанию академическая социология характеризуется важным значением, которое она придает ценностям, и полной неспособностью... разработать социологию моральных ценностей как отдельную дисциплину» [3].

Если говорить об отечественном общественном знании, то эту оценку дополняет свидетельство В.М. Соколова. Он характеризовал ситуацию с социологией морали до середины 1980-х гг. так: «Социологами эта проблема [проблема «социологии морали». — А. М.] практически не затрагивалась, не было определено ее место в структуре общественных наук. Не было, да нет и сегодня, традиций в социологических и этических работах использовать этот термин [«социология морали». — А. М.]» [13, с. 6]. При этом он считает себя пионером в области социологии морали в нашей стране: «Только в 1984 г. в № 3 журнала “Социологические исследования” была опубликована статья В.М. Соколова “Социология морали: сущность, структура, предмет исследования”, а в 1986 г. вышла его книга “Социология нравственного развития личности”. В них впервые была предпринята попытка обосновать возможность существования такой научной дисциплины, как “социология морали”, в рамках социологических знаний и, главное, системно проанализировать основные ее проблемы: природу, сущность, связь со смежными дисциплинами, специфику объекта и предмета анализа и т. д.» [13, с. 6–7].

¹ «Новая социология морали — проект возрождения социологического подхода к изучению моральных явлений, возникший относительно недавно после нескольких десятилетий практически забвения этой проблематики во второй половине прошлого столетия (по крайней мере, в рамках теоретического мейнстрима)» [4, с. 27]. Признаками институционализации этой исследовательской области А.В. Быков считает образование соответствующей секции Американской социологической ассоциации, а также ряд монографий западных авторов.

Соколов позиционирует социологию морали как науку, а именно как одну из «отраслевых социологий», или теорий среднего уровня, имеющую прикладную функцию. Высший теоретический уровень социологии, согласно Соколову, — философия. «В общеметодологическом плане она [социология морали. — А. М.] базируется на теоретических положениях этики. Как философская наука этика изучает природу нравственной деятельности, моральных отношений, морального сознания, их структуру, понятийный аппарат, рассматривает сущность моральных ценностей, норм, логику морального действия и т. д.» [13, с. 9–10]. В отношении научного познания моральной сферы Соколов преисполнен оптимизма, который вызывает у нас большие сомнения: по его мнению, в моральной сфере нет вообще ничего, что было бы недоступно для познания средствами социологической науки — как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Философию он рассматривает в марксистской парадигме также как науку, но считает уместным писать о «душе», о «духовно-нравственном развитии личности» и т. п.

Батыгин не ссылается на «пионерные» публикации В.М. Соколова. Он дистанцируется от марксистской концепции морали, в свете которой она представляла необходимым элементом идеологии как «надстройки» общества и полем диалектического взаимодействия социальных классов, борющихся за власть и господство². Впрочем, Батыгин, говоря о теории вопроса, не ссылается вообще ни на кого из современников, в том числе и на западных, кроме В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова (да и то потому — позволим себе предположить, — что сборник, в котором публикуется его статья, посвящен 70-летию последнего). В своей статье он ориентирован на «камерное» исследование наиболее общих принципов социологии морали в диалоге с ее отцом-основателем Э. Дюркгеймом.

Объясняя ситуацию, исторически сложившуюся в социологии морали, Батыгин приходит к выводу, который в обобщенном виде можно резюмировать так: *все попытки научно-рационального обоснования социологии морали приводят в тупик противоречий, следовательно, социология морали в принципе невозможна*. «Ценностно-ориентированное действие всегда кажется моральным, но сами ценности не подлежат моральной оценке, — заключает он. — Мораль не может быть и итогом рационального размышления, поскольку трезвый расчет оперирует приобретениями и потерями, а не добром и злом. *Что же остается для социологии морали? Вести каталог отклонений от того, что считается нормой*» [3]³ (курсив наш. — А. М.).

² При этом вне теоретической рефлексии самого марксизма оставались его собственные предпосылки, в том числе моральные императивы гуманистического (эмансипационного) и хилиастического толка.

³ Идентификация того или иного явления, как отклоняющегося от нормы, предполагает точное знание нормы. Только оно может дать надежные критерии отклонения и его меры. Но это возвращает нас к неразрешимой проблеме познания морали и ее норм средствами социальной науки. Вот почему не было и нет никакого «каталога отклонений от того, что считается нормой», который могли бы создать социологи морали.

К этому выводу⁴ Батыгин приходит, осветив проблему на двух уровнях: теоретическом (философско-социологическом) и эмпирическом (социологически-прикладном). На первом Батыгин привлекает историко-социологический контекст: критически анализирует доктрину Э. Дюркгейма, который впервые ввел само понятие «социология морали». На втором — демонстрирует на конкретном примере бесперспективность применения опросов для исследования моральных тем, обращается при этом к средствам лингвистической прагматики (теории речевых актов, концепции дискурсивной компетентности).

Мы попытаемся реконструировать аргументацию Батыгина, высказывая по ходу изложения не только критические замечания, но и наше собственное видение проблем.

Эмпирический уровень проблемы

О морали легко судить до тех пор, пока она не становится предметом социологического наблюдения, утверждает Батыгин.

«Опросные методы останавливаются перед моральной проблематикой в недоумении: *те состояния сознания, которые можно назвать моральными (совесть, честь, стыд, доброе и злое намерения, самоотверженность, подлость, зависть, злоба, ресентимент), скрыты от самого сознания почти непроницаемым экраном защитных механизмов (рационализацией, трансфером, вытеснением, проекцией, замещением)*. <...> Например, собственные поступки, как правило, оправдываются, а чужим приписываются аморальные мотивы» [3] (курсив наш. — А. М.). Результаты опроса, на который ссылается Батыгин, свидетельствуют о том, что почти все опрошенные заявляют: они не совершают безнравственных поступков; зато одновременно почти все утверждают, что довольно часто сталкиваются с безнравственными поступками.

Совесть, честь, стыд, доброе и злое намерения, самоотверженность, подлость, зависть, злоба, ресентимент — все это Батыгин квалифицирует как *«те состояния сознания, которые можно назвать моральными»*. Но это душевно-чувственные и духовно-нравственные переживания, эмоционально-волевые комплексы. Осознаются они, то есть становятся фактами сознания, далеко не всегда, а если и осознаются, то зачастую в превращенной форме. Социология, стремясь быть научной, в принципе, должна бы игнорировать такие понятия, как «эмоции», «душа», «дух», «личность», «Бог» и т. п., а также образованные от них и необходимо связанные с ними слова и термины⁵. Но,

⁴ Вывод Батыгина совпадает с точкой зрения таких авторитетных отечественных специалистов по этике, как О. Дробницкий, В. Кобляков.

⁵ То, что эти понятия часто встречаются в исследованиях по социологии морали, социологии эмоций и т. п., претендующих на «научность», — следствие теоретико-методологической неразборчивости их авторов, отождествляющих науку с философией и философию с наукой.

декларируя строго «научную» позицию, она вынуждена элиминировать и *те реалии*, которые стоят за этими понятиями, словами и терминами. Для нее эти реалии как бы не существуют, поэтому попытки зафиксировать их средствами эмпирической науки заведомо обречены на провал или — что обычно и происходит — на подмену эрзац-фактами, которые по сути своей являются *знаками* или *символами*. Значит ли это, что таких реалий нет в обыденной практической жизни людей, в культурной творческой деятельности? Конечно, не значит.

Они существуют, и каждый сталкивается с ними ежедневно, не всегда рефлексируя над этим. *Способ их бытия актуальный*, то есть они существуют как *акты* нашей психики, *акты* наших чувств, эмоционально-волевые *акты*, *акты* воспоминаний — вообще, как все душевные и духовные *акты*. Они скрыты от сознания не потому, что экранированы «защитными механизмами», а потому, что акты, в принципе, не могут быть предметом сознания. Как только сознание пытается сделать акт своим предметом, акт исчезает. Мы можем осознавать только следствия, результаты актов: эмоциональные, душевные, духовные *состояния*. Это как раз они могут быть — и часто бывают — заслонены от сознания «почти непроницаемым экраном защитных механизмов». Их причиной, равно как следствием, являются прежде всего *ментальные иллюзии и заблуждения*, возникающие в самопознании.

«Даже если человек сознает свое моральное состояние, он должен владеть дискурсивными средствами, чтобы найти им адекватные определения, — рассуждает Батыгин. — Но *конструирование моральных фактов* как раз таково, что *заставляет давать им неадекватные определения* <...> *Задача социологии морали заключается в рациональной реконструкции латентных установок независимо от того, сознает ли “моральный субъект” свои подлинные намерения. Здесь возникает замкнутый круг*, поскольку никакое состояние сознания не может стать моральным суждением вне рационального морального дискурса, где индивидуальное сознание превращается в общественное» [3] (курсив наш. — А. М.).

Почему конструирование моральных фактов *как раз таково*, что «заставляет давать им неадекватные определения»? Потому, что само понятие «моральный факт», которое Батыгин истолковывает по прямой аналогии с понятием «социальный факт» Дюркгейма, уже предполагает *реификацию* душевно-духовных состояний и процессов, переживаемых личностью. Это неминуемо ведет к смысловым искажениям. В этом отношении сфера самопознания уязвима не менее, если не более, чем сфера познания внешнего мира. И речь идет не только о заблуждениях вследствие прямого обмана словом или посредством внушения, *исходящих извне* (сегодня все больше от средств массовой информации). Как писал поэт, мы сами рады обманываться. Помимо бессознательных самообманов, когда желаемое выдают за действительное, органической лживости и предвзятости (часто воспитанных в форме лицемерия), когда в вещах, людях, явлениях и процессах видят только то, что соот-

ветствует своим корыстным интересам, существуют также спонтанные aberrации внутреннего восприятия (самовосприятия), свойственные всему роду человеческому⁶. И от них уберечься сложнее, чем от «идолов» познания внешнего мира, описанных Ф. Бэконом.

«К *первому* общему источнику иллюзий внутреннего восприятия, который состоит в том, что факты, получаемые из внешнего восприятия, мы перемещаем в содержание внутреннего восприятия, соответственно, факты, происходящие из восприятия других людей, — в содержание самовосприятия, добавим *второй*, имеющий не меньшее значение. Он состоит в том, что *формы многообразия*, свойственные только *физическому* миру, равно как *временные и каузальные* отношения между физическими причинами и следствиями душевных явлений, а также *простоту* и механическую *составляемость* физических причин мы переносим на *сами душевные факты*» [16, с. 94–95]. Этот спонтанный бессознательный перенос, о котором Шелер писал в малоизвестной у нас работе «Идолы самопознания» (1915), уничтожает качественное своеобразие внутреннего восприятия в его отличии от внешнего и тем самым превращает душевно-духовные состояния и процессы в иллюзорное подобие физических «вещей», которые якобы можно *измерить* в пространстве и времени и которые на самом деле не отражают реальную действительность.

«Мораль как форма социальной регуляции поведения на личностном и социетальном уровнях достигает своей зрелости, по В.И. Бакштановскому и Ю.В. Согомонову, только при условии автономизации личности, — продолжает Батыгин. — *Однако и здесь социология морали невозможна, поскольку ни автономизация личности, ни нравственный выбор не могут быть распознаны в качестве социальных фактов.* Где вы возьмете автономную личность? Только у Канта. Мораль опять прячется от регистрирующего социологического взгляда» [3] (курсив наш. — А. М.)

Ирония Батыгина здесь вполне уместна. Учение Канта об «автономии личности» — вершина западноевропейского идеализма как культурно-исторического продукта религиозной Реформации. В протестантской по своей сути философии человека Канта воедино спаяны мировоззренческий *индивидуализм* и эпистемологический *рационализм*. Еще в конце XIX в. и первой половине XX в. эти категории были подвергнуты справедливой критике в западной и русской философии — в марксизме, философии жизни, феноменологии, экзистенциализме, социологии знания. Философия морали Канта отжила свой век, заняв прочное место в истории философии как памятник поучительных *заблуждений* эпохи Просвещения с ее культом разума, подменившего

⁶ Эти и другие особенности человеческого сознания игнорируются в интервью и опросах, в том числе в опросах общественного мнения. Они могут быть с методической точки зрения репрезентативны и при этом не вполне достоверны с точки зрения смыслового содержания информации. Очистительный «закон больших чисел» спасает не всегда. Люди давно знают цену этим социальным технологиям.

собой целостного человека. В нашей стране, где другие религиозные и культурные традиции, другой национальный менталитет, индивидуализм и рационализм в этосе никогда не преобладали и в почете не были.

А как быть с ценностями? В социальном познании надо первым делом — так учит нас М. Вебер, мысливший в *неокантианской* парадигме, — отказаться от оценок, занять «ценностно-нейтральную» позицию. Но как только мы реализуем это методическое требование, тут же исчезает и сам предмет — ценности, прежде всего духовно-нравственные. Вместе с их исчезновением повисают в воздухе и моральные нормы. Пытаясь изучать мораль рациональными средствами социальной науки, мы, образно выражаясь, гонимся за собственной тенью. Вообще говоря, ценности и нормы никогда не существуют независимо друг от друга. Чем-то рядоположенным они являются лишь в сознании тех, кто скользит по поверхности социальных реалий. С феноменологической точки зрения ценности первичны — нормы вторичны. Нормы всегда производны от ценностей⁷ и только в них имеют свои основания⁷. С этой же точки зрения нормативная этика долга Канта просто висит в воздухе⁸. Ни Кант, ни М. Вебер, ни кто-либо другой не могли и не могут объяснить, на чем держится и зачем в конечном счете нужна нормативная этика, — во всяком случае, с тех же рационалистических позиций, на которых строится их этика.

Заметим, что вывод Батыгина о невозможности социологии морали, мягко выражаясь, не гармонирует с его интеллектуальной позицией, которую мы назвали бы «просвещенным *сциентизмом*», равно как и с общей направленностью его академической деятельности — апологией научной

⁷ Моральные нормы куда более доступны для рационального дискурсивного познания, чем ценности, что создает соблазн их исследования в отдельности от ценностей как якобы самодостаточных социокультурных реалий [9]. Да, от норм можно произвести другие нормы, что в истории культуры и происходит. Об относительной самостоятельности норм и нормативного сознания как регуляторов социальной жизни уместно говорить, поскольку складываются нормативистские традиции (например, «римское право»). Но если логическое нельзя смешивать с историческим, то и генетическую феноменологию сущностной взаимосвязи ценностей и норм нельзя подменять ориентированной только на «должное» и «правильное» феноменологией духа, которая элиминирует вопросы, почему и зачем нечто воспринимается как таковое. Каждое новое перетолкование определенной нормативной традиции либо отказ от нее всегда обусловлены аксиологически, то есть глубинными сдвигами, переворотами в ценностях у больших масс людей (как правило, они ведомы малыми группами и/или харизматическими лидерами — носителями исторически нового этоса).

⁸ Шелер попытался разгадать эту загадку в статье «О предательстве радости» [15]. Как известно, категорический императив Канта — обмирщенная рационалистическая перефразировка заповедей древних мировых религий, в частности и заповеди христианства. Только в контексте Священных Писаний его смысл имеет вполне определенные основания.

социологии. Ведь было бы легкомысленно видеть в социологии морали лишь одну из отраслевых социологических дисциплин (как, например, делает В.М. Соколов). Нравственность укоренена в глубине человеческой природы и, по убеждению великих мыслителей прошлого, которое мы разделяем, образует сущностную основу человеческой личности. Она составляет ядро внутреннего мира человека, его *этнос*, и прямо связана с *духовностью и духовными ценностями*. Их влияние распространяется на все сферы человеческой жизнедеятельности, на *весь образ жизни* людей. То, что верно применительно к социологии морали, верно в отношении не только социологии религии, социологии культуры, социологии искусства, социологии научного познания, но и тех отраслей социологии, в которых деятельность людей рассматривается обычно как направленная преимущественно на преобразование внешнего мира.

Подходы к теоретическому уровню проблемы

Батыгин, очевидно, понимал это, хотя и ограничивал сферу влияния духовно-нравственной сферы и морали, предпочитая опираться на *неокантианские* идеи. Так, он пишет: «В то же время социология принадлежит наукам о культуре, которые немыслимы без тематизации регулятивных норм и ценностей общественной жизни. Науки о культуре — это прежде всего науки о морали и должны описывать моральные регуляторы, как если бы они были ценностно нейтральными фактами. *Если так, то социология в целом может быть названа социологией морали (или “моралей”, включая разделение труда, законы, обычаи, моды, нравы, этикеты, техники жизни и другие формы императивного знания)*» [3] (курсив наш. — А. М.).

Но если невозможна социология морали в том (сциентистском) смысле, который подразумевает Батыгин, значит ли это, что *невозможна вообще социология, понимаемая только как наука*? Вопрос вполне логичен, он естественно вытекает из постановки проблемы. Батыгин воздерживается от ответа на него в прямой форме. Но для всех, кто способен делать простые умозаключения, ясно, что эта фигура умолчания не что иное, как минута молчания по социологии, понимаемой *только как социальная наука*.

Вызывает сомнения, что «моральные регуляторы» можно описывать так, «как если бы они были ценностно нейтральными фактами». Ведь они не работают автоматически, независимо от личности человека, его воли, души, духа, ментальности и т. д. Элиминация духовных ценностных смыслов, то есть содержания веры, верований, идеалов и т. д., отказ от их адекватного понимания превращает такое описание в инженерную схему технического механизма. Кому нужна обезличенная, освободившая себя от ценностей социология, изучающая общество независимо от *духовных* традиций, культуры и ментальности этого общества? Разве только политическим и социальным технологам-манипуляторам, также освободившим себя в погоне за личным успехом от ценностей, а вместе с ними — от ответственности перед обществом.

Ценностно-нейтральная позиция социального исследователя, даже если допустить, что таковая достижима, отнюдь не освобождает его — ни как исследователя, ни как гражданина, ни как личность — от нравственной ответственности перед обществом, самим собой и — если он верующий — перед Богом. Для нас под вопросом состоятельность социологии религии без *Бога и духовности*, социологии культуры без *духа*, социологии искусства без *души*, социологии личности без *личности как духовной индивидуальности, центра духовных актов* [8]. Наконец, у нас вызывает сомнения состоятельность социологии как дисциплины в целом, если она заведомо исключает указанные понятия, поскольку игнорирует *фундаментальное значение духовно-нравственного фактора в социальности человека и общественно-исторической жизни людей* [7].

Батыгин констатирует: «Оставаясь своего рода совестью социальной науки, моральная доктрина (научная этика) оказалась вытесненной (почти в психоаналитическом смысле) за пределы социологического разума» [3].

Здесь возникают ряд вопросов

Во-первых, термин «научная этика» двусмыслен. Его можно понимать в узком смысле — как этику научной деятельности ученых, в данном случае профессиональных социологов⁹. Но его можно понимать и в широком смысле — как этику вообще. Этику либо в форме нравственной философии, либо в форме научно-рациональной рефлексии о нравственности, нравах, морали; попыток теоретического осмысления различных культурно-исторических видов господствующих моральных систем, факторов их формирования, способов функционирования, причин утраты доминирующего статуса в обществе или полного исчезновения и т. п.

Во-вторых, если подразумевается этика в последнем смысле, то есть научное учение о морали («моральная доктрина»), то на каком основании этика объявляется «совестью социальной науки»? У науки вообще совесть есть? Мы полагаем, что нет. Как нет ее и у социальной науки. Совесть может быть только у личности человека, соответственно, у социолога как личности. Но если не придирайтесь к словам и допустить, что это всего лишь метафора, нельзя не удивиться другому: почему «сове-

⁹ Н.В. Дёмина согласна со скептическим выводом Батыгина, но считает, что «социология этоса» (этоса науки и научного познания) все-таки возможна, поскольку «...этос занимает промежуточное положение между изменчивыми нравами и идеальными представлениями о добре и зле, собственно моралью» [6, с. 19]. К.М. Ольховиков же рассматривает социологию морали и мораль социологии («социологическую моральность») как две стороны одной медали. «Морально нейтральная социология невозможна в силу принадлежности к общекультурным стандартам обоснования и опровержения. <...> Этика социологического исследования — это вывеска, под которой собраны интуитивные версии морализма социологов» [10, с. 49–50].

стью» социальной науки объявляется научно-этическое учение о морали, а не сама мораль или, что было бы ближе к истине, не нравственность как таковая (она ведь прямо соотносится с понятием «совести»)?)¹⁰

В-третьих, в чем заключается «почти психоаналитический смысл» вытеснения социологическим разумом «моральной доктрины»? Если верить З. Фрейду — глубинному психологу, то вытесняется то, что так или иначе мешает спонтанному выходу природной энергии инстинктов и влечений, главными и руководящими из которых он считал, соответственно, инстинкт размножения и половое влечение (добавив в поздний период творчества также влечение к смерти). Согласно философии культуры Фрейда, помехой естественным позывам являются религиозные заповеди, моральные императивы и нормы, правила этикета, угрызания совести, чувство вины и т. д. Наверное, применительно к социологии это опять-таки метафора. Но это не «всего лишь» метафора, поскольку далее Батыгин пишет о морали «как консервативном ограничителе, “суперэго”, выполняющем репрессивную функцию по отношению к свободному “Я”», что, «казалось бы, превращает дюркгеймовскую теорию в консервативную доктрину» [3].

Стало быть, можно предположить, что, согласно Батыгину, мораль была вытеснена за пределы социологического разума, поскольку она ему мешала. Ведь если для самой социологии и социологов не существует никаких моральных ограничений, значит, нет и не может быть ничего аморального в том, что еще вздумает натворить «социологический разум».

Как следует понимать, что научно-этическое учение о морали оказалось «вытесненным» «за пределы социологического разума»? Понять это можно по-разному¹¹. Первый и, по нашему мнению, наиболее адекватный вариант такой: научно-этическое учение о морали оказалось исторически «вытесненным» «за пределы социологического разума» потому, что этот «разум» в позитивистском проекте «социологии» функционально заменил собой учение о морали. *Подобное не только познается подобным, но подобным же и вытесняется.* «Позитивизм» Конта — не просто «теория»; на самом деле это исторически новая, соответствующая индустриально-техническому прогрессистскому духу эпохи модерна *псевдорелигиозная сциентистская идеология, ядром которой является именно мораль («альтруизм»)*¹².

¹⁰ Ср.: «Этическая мораль есть логическая пародия на нрав. <...> Этическое умозрение — антифилософский идол. <...> Философская традиция порождает этику как очевидную иллюзию познанный нрава» [10, с. 39, 41, 43].

¹¹ Трактовку феномена психологического вытеснения, альтернативную фрейдовской, предложил Шелер [16, с. 119–121].

¹² Среди современных российских социологов именно Ю.Н. Давыдову удалось наиболее ярко высветить религиозно-моральную начинку социально-научного проекта Конта [5, с. 128–131].

Каков же главный результат «вытеснения» позитивистской идеологией научно-этического учения о морали «за пределы социологического разума»? По мнению Ольховикова, это «*изначальная моральная вера в социологию*», ориентирующая на успех (прогресс) и предсказуемость (порядок) [10, с. 30]. Но, пожалуй, лучше всех этот результат сформулировал Б. Барбер, дополнивший принципы научной этики Р. Мертона таким: «*вера в моральную добродетель рациональности*». Вера в то, что разум человека не только всемогущ, но одновременно и всеблагоден, выражает дух позитивизма как идеологии. Благодаря этой вере высшим проявлением разума стали считаться научная рациональность, рационализация и основанная на ней технизация всего и вся, ибо они служили залогом *прогресса*.

В научно-рациональном «социологическом» образе мыслей Конт видел панацею, способную излечить общество от всех социальных язв. Эта вера заменила современному человеку веру в Бога и получила самое широкое распространение в Европе в XIX в. и затем по всему миру в XX в. В другом месте Батыгин совершенно справедливо отмечал: «Русская интеллигенция была одержима научностью с 1860-х годов. “Научность” являла собой скорее умонастроение и утопический миф, чем ориентацию на дисциплинарную организацию знания» [2, с. 27–28].

Теоретический уровень проблемы

Между тем в своем объяснении невозможности социологии морали Батыгин отталкивается не от Конта — проповедника «позитивной» гражданско-религиозной морали, который через телеологию прогресса свел воедино высшую стадию развития человеческого ума с нравственным совершенством людей в их общечеловеческой и гражданской солидарности. Он берет в собеседники другого француза — Э. Дюркгейма. А для него мораль не есть нечто имманентное, как для Конта, но есть нечто трансцендентное. Дюркгейм как социолог подходит к морали через понятие «социальный факт» и через посредство научной проблематизации одного из фундаментальных «социальных фактов» — явления солидарности людей в обществе.

«В самом понимании морали как социологического феномена заложен дуализм, делающий изучение социальных фактов неразрешимой задачей, — пишет Батыгин. — С одной стороны, мораль является надындивидуальной реальностью и предстает как “вещь”, отграниченная от свободного волеизъявления. С другой — моральное действие возможно только как действие трансцендентального “Я”. Идея автономии воли — ключевая для кантианства — остается принципиально важной и для дюркгеймовского “социологизма”. Известно, что Селестен Бугле, ученик и последователь Дюркгейма, считал, что дюркгеймианство было и остается кантианством, исправленным и дополненным в духе кантианства. *Осуществить такое преобразование значит совместить автономию воли с надличностными социальными солидарностями*» [3] (курсив наш. — А. М.).

Здесь возникает фундаментальная проблема эпистемологии социальных наук, констатирует Батыгин. Действительно, нельзя совместить автономию воли с надличностными социальными солидарностями, *если таковые рассматривать в свете позитивистской эпистемологии как «вещи»*. Одно из двух, третьего не дано: надо отказаться либо от кантианской индивидуалистической и рационалистической идеи «автономии воли», то есть отказаться от суверенитета личности (что и происходит в «альтруизме» Конта), либо — от позитивистского объективизма, причудливо соединяющего наивный сенсуализм и, по выражению Ольховикова, «варварский рационализм», который заставляет коллективную ментальность не просто уподоблять чему-то физически вещественному, но прямо отождествлять с ним, чтобы иметь возможность *наблюдать и измерять*.

Неразрешимость проблемы заключается в том, продолжает Батыгин, что социолог морали, прежде чем наблюдать «как бы вещи», сначала должен сконструировать предмет своего исследования. Между тем «...социальные факты могут быть установлены только в определенном “состоянии духа”, в определенной мыслительной позиции, которую занимает исследователь и благодаря которой он может видеть надындивидуальное» [3]. Получается, что мораль — это не столько объективные регуляторы общественной солидарности, сколько субъективная мыслительная позиция социолога морали. Но Дюркгейм был далек от того, чтобы считать социальные факты конструкциями индивидуального опыта исследователя, уверяет Батыгин.

«Социальные факты конструируются не индивидом, а самой социальностью, — пишет он как бы от лица Дюркгейма, — и социологический разум имеет возможным образом наблюдать определения мира и институты классификации. *Остается неясным, почему Дюркгейм трактовал социологический метод как метод научного исследования*. Одно дело — наблюдать и регистрировать единичные события (вещи) и совсем другое — *наблюдать социальные институты классификации, в том числе моральные и правовые ценности, определяющиеся историческими формами социальной организации. Чтобы наблюдать последние, социологу необходимо иметь дар видеть невидимое и занимать надмирную мыслительную перспективу, в которой индивидуальные сознания являются собой не более чем исчезающие моменты»* [3] (курсив наш. — А. М.).

Трудно не согласиться с Батыгиным: чтобы быть в состоянии не «наблюдать», а созерцать ценности как определенного рода сущности, надо быть философом, а не ученым, каковым считал себя Дюркгейм. Между тем справедливый вопрос «почему Дюркгейм трактовал социологический метод как метод научного исследования?» (а не как метод социально-философского исследования, добавим мы от себя) имеет простой и ясный ответ: Дюркгейм был все же не столько кантианцем, сколько континианцем, то есть как позитивист он мыслил в сциентистской парадигме.

Позитивизм изначально был — впрочем, как и всякая идеология вообще — *гибридной формой познания, в которой научная, философская, религиозная и мифическая формы знания смешаны и трудноотделимы друг от друга*. Вот почему декларативный запрет на «метафизику» благополучно сочетался у Конта и его последователей со скрытым философским умозрением, нередко контрафактного качества. Криптометафизикой переполнены доктрины всех без исключения позитивистов — как старых, так и новых. То, что Батыгин с достойной подражания научной честностью уличил Дюркгейма в теоретико-методологическом «двурушничестве», — явление нечастое: все-таки Дюркгейм — один из отцов-создателей позитивизма, а Батыгин упорно боролся за «чистоту» метода позитивизма как наиболее распространенной в его годы парадигмы в социологии, прежде всего эмпирической¹³.

В конце концов Батыгин приходит к умозаключению, которое возвращает к началу нашей статьи. «Если даже принять дуализм морали как неизбежную эпистемологическую аномалию, оказывается, что *мораль невозможно наблюдать как вещь*» [3]. В этой связи важно отметить, что большое значение имел также выбор собеседника в диалоге о проблеме возможности социологии морали, необходимо связанной с проблемой дисциплинарной идентичности социологии. Взяв себе в собеседники Дюркгейма (а заодно и Конта), Батыгин фактически доказал *невозможность научной социологии морали* и поставил этим под сомнение — вероятно, невольно — возможность научной социологии вообще.

Это тот самый случай, когда отрицательный результат — не просто «тоже результат», но результат, который имеет исключительно важное значение. Ведь тем самым Батыгин подтвердил возможность *философской социологии морали* — подтвердил пусть и косвенно, указав на то, что социологический метод Дюркгейма не такой уж и научный, поскольку допускает, хотя и контрабандным образом, философское умозрение, ибо в познании морали социальная наука бессильна. Хотел этого Батыгин или нет, но, решительно выступив против суеверий

¹³ Конечно, это не означало, будто для Батыгина, закончившего философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова с красным дипломом, не существовало других парадигм и методов. Как уже говорилось, его позицию можно назвать «просвещенным» позитивизмом. Следы мировоззренческих борений и идейных колебаний мы находим еще во «Введении» к его книге «Обосновании научного вывода в прикладной социологии» (1986). Там он признает определенные достижения в таких западных течениях мысли, как феноменология, философская герменевтика, постпозитивизм, экзистенциализм и др., цитирует антисциентистское высказывание М. Полани, выступает против «мутантного» позитивизма советских социологов 1970–1980-х гг., стихийно вырастающего на почве философского невежества и практического делячества [1, с. 14–15]. В дальнейшем методологическая позиция Батыгина все больше отдалялась от сциентизма в его крайних формах.

и иллюзий социально-научного мышления в сфере морали, он объективно выступил в поддержку совершенно иного способа исследования моральных феноменов. На наш взгляд, этот способ был и остается главным. Если «мораль невозможно наблюдать как вещь», то ее можно (и нужно) созерцать как сущность, то есть постигать философски.

Путей философско-социологического обоснования морали немало. Пример феноменологической социологии морали мы находим у Макса Шелера. Батыгин упоминает его имя в статье, правда, вскользь: «Фактически дюркгеймовское определение морали включало все формы регуляции поведения: обычай, религию, право, моду, общественное мнение. Аналогичным, расширительным, образом понимал “морали” и Макс Шелер» [3]. Это верно лишь отчасти, а именно в том, что касается расширительного толкования предметных сфер значимости морали. В сущностном отношении понимание Шелером морали, ее места и роли в социуме принципиально отличается от того, что было у Дюркгейма.

В контексте феноменологической социологии знания Шелера не возникает той проблемы, о неразрешимости которой писал Батыгин, потому что его концепция морали базируется, с одной стороны, на «материально-априорной» идее изначального единства человеческой социальности и нравственности (мысль Б. Паскаля о «нравственном космосе», принцип первичности «Ты» и «Мы» по отношению к «Я»), а с другой — на идее «совокупной личности» (Gesamtperson)¹⁴ как единстве особых духовных актов, исходящих от отдельных личностей и направленных на сплочение (принцип солидарности на основе нравственной со-ответственности). Важно подчеркнуть: отношение отдельной и совокупной личностей нельзя отождествлять с отношением части и целого. Совокупная личность образуется не из отдельных личностей как таковых, но из особого класса интенциональных актов отдельных личностей. Именно эти акты и образуют «мир» социума, солидарную общность, субъектами которой являются в равной мере совокупная и отдельная личности. «Личность — пишет Шелер, — одинаково изначальна есть и отдельная личность, и (по существу) член совокупной личности независимо от своей ценности как члена совокупной личности» [17, S. 514].

Главный философский труд Шелера «Формализм в этике и материальная этика ценностей. Новый опыт обоснования этического персонализма» (1913–1915) направлен в первую очередь против рационалистической индивидуалистической этики долга Канта, в частности, против его учения об «автономии личности». Последнее Шелер иронично назвал «логономией личности» и доказывал, что *суверенность личностной формы бытия, в принципе, невозможно обосновать с позиций рационализма*. Кантовскому научно-ориентированному рационализму (= «формализму») он противопоставляет *материальную этику* — учение об этосе, нравственности

¹⁴ Этот термин также можно перевести и как *соборная личность*, и как *коллективная личность*.

и морали, в основе которого лежит постулат о *примате до-рефлексивного, то есть нерационального, интуитивного, эмоционально-чувственного способа познания человека над рассудочным, интеллектуальным, дискурсивным*. Феноменология позволяет выявить эмоционально переживаемые «*материальные априори*», которые представляют собой первичные когнитивные и одновременно ценностные смыслы. Они образуют *исходный до-рефлексивный* уровень человеческого познания, предшествуют рациональным «*формальным априори*» Канта и обуславливают их.

Шелер показывает, что естественное чувственное переживание человеком того, что им ценимо, всегда сопровождается интуитивным схватыванием *степени значимости* для него той ценности, которая в данный момент переживается, по сравнению с другими — уже пережитыми — ценностями. Так бессознательно у каждого человека складывается его *эмос*, нрав — склонность к определенному способу выбора и поведения, — основанный на ценностных предпочтениях и в конечном счете на порядке, иерархии ценностей, на том, что Блаженный Августин называл *ordo amoris* (порядок любви), а Б. Паскаль — *ordre du coeur* (порядок сердца)¹⁵. Согласно Шелеру, существуют четыре иерархических уровня «*ценностных модальностей*» (в порядке возрастания): 1) сенсуальные ценности (приятное, полезное — неприятное, вредное) 2) жизненные ценности (высокое, благородное — низкое, подлое), 3) духовные ценности (истинное, доброе, прекрасное — ложное, злое, безобразное), 4) ценности священного (святое, священное — нечестивое, профанное).

«Теория всех возможных сущностных социальных единств» Шелера представляет собой формально-социологическую доктрину, в которой он переосмыслил идеи О. Конта, Э. Дюркгейма, Г. Тарда, К. Маркса, Ф. Тённиса и др. В ней *в соответствии с четырьмя уровнями «ценностных модальностей»* выделяются четыре априорных (= идеальных) типа социальной связи и способа единения людей в социуме: «масса», или «стадо», или «толпа» (*Masse, Herde*); «жизненная общность» (*Lebensgemeinschaft*), или просто «общность» (*Gemeinschaft*); «общество» (*Gesellschaft*); «личностная общность» (*Personengemeinschaft*). Социально-этическая квалификация каждого из типов основывается на идее одновременности возрастания духовной индивидуальности человека (= личностного роста) и осознания им своей нравственной ответственности перед другими (социумом) в Боге [17, S. 515–529].

Заключение

«Новая социология морали» предпринимает попытку ревизии и перетолкования исторически сложившихся теоретико-методологи-

¹⁵ Индивидуально-личностная иерархия ценностей обычно не соответствует, но может стремиться к тому *идеальному* порядку ценностей, который Шелер называет «объективным», «вечным», «данным от Бога».

ческих подходов к осмыслению места, функций и значения в социуме нравственности, нравов, морали, моральности, морального сознания и т. п. Но то новое, что действительно в ней есть, не принадлежит самой социологии в том смысле, что является не результатом ее имманентного дисциплинарного развития, а заимствованием достижений, концепций и методов других дисциплин — прежде всего философии и психологии, то есть результатом продолжающегося размывания ее внутреннего дисциплинарного ядра. Известные нам исследования по «новой социологии морали» (их анализ выходит за рамки нашей статьи) базируются на анархически-эпистемологическом смещении парадигм и форм знания, которое под ширмой «социологии» легализует смещение философского и научного подходов к изучению морали.

Приведем примеры: «Основные смысловые уровни социологии морали включают социальную метафизику, социальную антропологию, теории социальной регуляции, управленческие модели. <...> Социология — не другой лик метафизики, а ее позднейшее восполнение как ответ на социальную и культурную динамику зрелых индустриальных обществ. <...> Социология — сама себе мораль (поскольку уже до этого сама себе наука, философия, религия)» [10, с. 6, 35, 76]. «Обращение к аналитической философии наряду с другими мерами по выходу из кризиса может способствовать обновлению социологии морали» [12, с. 258]. А.В. Быков стремится занять сбалансированную позицию между перспективами «новой социологии морали» в ее опоре, с одной стороны, на когнитивную психологию, а с другой — на аналитическую философию, но склоняется к последней: «Аналитическая перспектива... позволяет обращать более пристальное внимание на те (абстрактные) аспекты морали — ценности, институты, дискурсы, практики, — которые, как правило, остаются вне фокуса когнитивной психологии, сконцентрированной на экспериментальном изучении моральных суждений и поведения» [4, с. 36].

Можно ли в такой ситуации вообще говорить о «новой социологии морали»?

В дилемме «сциентизм — антисциентизм» противопоставлены крайние идейно-ценностные позиции по отношению к научной форме познания. Для нас они одинаково неприемлемы. Отрицание одной крайности посредством другой контрпродуктивно. Ложность этой дилеммы в том, что она исключает центристский подход, которого мы как раз и придерживаемся. Представители социальных и гуманитарных дисциплин вправе, конечно, использовать все имеющиеся в их распоряжении познавательные средства для всестороннего изучения общества и морали. Надо лишь называть вещи своими именами, не выдавать мифотворчество за философию, философию — за науку и не смешивать всё в один неудобоваримый интеллектуальный винегрет, прибегая одновременно или попеременно к междисциплинарному и полипарадигмальному подходам.

Научный подход к изучению общества, безусловно, имеет право на существование. Более того, он необходим и абсолютно незаменим при исследовании многих социокультурных реалий. Но важно иметь в виду, что эти реалии представляют не весь человеческий социум как целое, а лишь ту сторону общества, которую С.Л. Франк называл «*наружной*». Их исследование не позволяет познать «*внутреннюю*» сторону общества, понять, «что общество имеет духовную природу, что по характеру своего бытия оно принадлежит к той, выходящей за пределы всякого эмпирического (в том числе психического) бытия, сфере, которую мы зовем духовной жизнью, и что его основу образует нравственное начало» [14, с. 80]. Научные эмпирические исследования морали как раз касаются только ее «наружной», поверхностной стороны независимо от ориентации на «узкое» (“thin”) изучение морали в конкретных ситуациях или на «широкое» (“thick”) изучение, то есть исследование функционирования морали в обществе или культурном круге.

Принятое у нас сциентистское определение социологии «*как науки*» выработано в 1960–1970-е гг. на пересечении атеистической марксистской традиции с западной социологией (прежде всего американской), также полагавшей себя как “science”. «Социология... — пишет Г.В. Осипов, — это наука об общих и специфических законах и закономерностях развития и функционирования исторически определенных социальных систем, о механизмах действия и формах проявления этих законов в деятельности личностей, социальных групп, классов, народов» [11, с. 497].

Да, высокий авторитет науки (отождествляемой с естествознанием, благодаря которому была создана ядерная бомба) защищал тех, кто «возрождал» социологию в СССР в оные годы, отстаивая ее как самостоятельную дисциплину перед властью партийной и академической бюрократии. Но академик Г.В. Осипов сам пишет, что в настоящее время социология уже «завоевала все права гражданства». «Ее развитие больше не зависит от предрассудков и капризов тех или иных ученых (вернее, псевдоученых), от их “признания” или “отказа” в праве ее на существование» [11, с. 497]. Значит, больше не надо доказывать наличие тотальной научности там, где на самом деле научность представлена фрагментарно, подобно вкраплениям металла в рассеянной руде. Самоопределение социологии *исключительно как науки*, предмет которой якобы — *законы*, на самом деле вводит в заблуждение, поскольку ориентирует на одностороннее и в конечном счете поверхностное изучение общества, как бы громко ни звучали слова «наука» и «законы».

Теоретико-методологическая неразборчивость — следствие снятия идеологической цензуры и появления моды на эпистемологический анархизм конца XX в. и начала XXI в. — превратила российскую академическую социологию первой четверти XXI в. в прибежище «креативно мыслящих» фантазеров. Социология, словно река в половодье, вышла из берегов в предметном и теоретико-методологическом

отношениях. Мы полагаем, что стремление Г.С. Батыгина к научности социологии, которое он таким парадоксальным образом продемонстрировал в статье о невозможности социологии морали, объяснялось его желанием повысить уровень дисциплинарной ответственности в избранной им академической дисциплине. Это пример высокого профессионализма, а его статья — морально значимый поступок.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Малинкин Александр Николаевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** lo_zio@bk.ru

Research Article

ALEXANDER N. MALINKIN¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5 bl., 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

HOW CAN SOCIOLOGY OF MORALITY EXIST?

MENTAL DIALOGUE WITH G.S. BATYGIN

Abstract. This historical study examines an article by G.S. Batygin about sociology of morality, in which he proves its impossibility. The author sees the relevance and significance of the article in the fact that it has become a dividing milestone on the path from the “old” to the so-called “new sociology of morality”. The argumentation of G.S. Batygin is reconstructed, the main provisions and concepts of the article are critically analyzed. For comparison, the points of view on sociology of morality of other Russian authors are provided, who believe that this sociological discipline is not only possible, but actually exists. According to the author, the moral phenomena themselves are interpreted by G.S. Batygin not entirely correctly — only as reflected phenomena of consciousness — obviously because this corresponded to the requirements of the scientific paradigm which he decided to adhere to in his article. Nevertheless, the author believes that within the framework of this paradigm, G.S. Batygin’s argumentation aimed at proving the impossibility of morality is irrefutable in notional and logical respects. But if it is proven that scientific sociology of morality is impossible, then the question arises whether it is possible in another paradigm and based on another way of cognition, namely philosophical? The path towards it was outlined by the pioneer of the sociology of morality, E. Durkheim, as noted by G.S. Batygin. The author considers M. Scheler’s “material ethics of values” and “sociology of knowledge” as examples of philosophical sociology of morality. In conclusion, he characterizes his own theoretical and methodological position, in light of which Batygin’s article is regarded as a morally significant act.

Keywords: history of Russian sociology; G.S. Batygin; sociology of morality; “new sociology of morality”; social science; E. Durkheim; I. Kant; M. Scheler; phenomenology; scientism.

For citation: Malinkin, A.N. How can sociology of morality exist? Mental dialogue with G.S. Batygin. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 4. P. 157–177. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.7

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander N. Malinkin — Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (499) 120-82-57. **Email:** lo_zio@bk.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Батыгин Г.С.* Обоснование научного вывода в прикладной социологии / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Наука, 1986. — 269 с. EDN: YTNMKT
Batygin G.S. Substantiation of Scientific Conclusion in Applied Sociology. Ed. by G.V. Osipov. Moscow: Nauka publ., 1986. 269 p. (In Russ.)
2. *Батыгин Г.С.* Преемственность российской социологической традиции. Глава I // Социология в России: учеб. пособие для студентов вузов / Сост.: З.Т. Голенкова, В.А. Ядов; Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 23–44.
Batygin G.S. The Continuity of the Russian Sociological Tradition. Chapter I. Sociology in Russia: Study Guide for University Students. Comp. by Z.T. Golenkova, V.A. Yadov; Ed. by V.A. Yadov. 2nd ed., edited and compl. Moscow: Publ. House of the Institute of Sociology of RAS, 1998. P. 23–44. (In Russ.)
3. *Батыгин Г.С.* Как невозможна социология морали // Оправдание морали. Сборник научных статей. К 70-летию профессора Ю.В. Согомонова / Отв. ред. В.И. Бакштановский, А.Ю. Согомонов. М.; Тюмень: Издание Центра прикладной этики и НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2000. С. 108–119. [электронный ресурс]. Дата обращения 03.06.2024. URL: http://read.newlibrary.ru/read/batygin_g_s_/page0/kak_nevozmozhna_sociologija_morali.html
Batygin G.S. Why Sociology of Morality cannot Exist. Justification of Morality. Collection of Scientific Articles. On the 70th Anniversary of Professor Yu. V. Sogomonov. Ed. by V.I. Bakshtanovskii, A.Yu. Sogomonov. Moscow; Tyumen: Edition of Center of Applied Ethics and Research Institute of Applied Ethics of Tyumen State Oil and Gas University, 2008. P. 108–119. Accessed 03.06.2024. URL: http://read.newlibrary.ru/read/batygin_g_s_/page0/kak_nevozmozhna_sociologija_morali.html (In Russ.)
4. *Быков А.В.* Когнитивная и аналитическая перспективы в новой социологии морали: основания различения и ключевые особенности // Социологический журнал. 2024. Т. 30. № 1. С. 26–42. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.2 EDN: FCOYMR
Bykov A.V. The New Sociology of Morality: Cognitive and Analytical Perspectives. Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 26–42. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.2 (In Russ.)
5. *Давыдов Ю.Н.* Конт и умозрительно-спекулятивная версия позитивной науки об обществе (Конт и Гегель) // История теоретической социологии: В 4 т. Т. 1. / Отв. ред., сост. Ю.Н. Давыдов. М.: Канон +: Реабилитация, 2002. С. 63–140.

Davydov Yu.N. Comte and the Speculative Version of the Positive Science of Society (Kant and Hegel). *History of Theoretical Sociology: In 4 Vols. Vol. 1*. Ed., comp. by Yu.N. Davydov. Moscow: Kanon +: Reabilitatsiya publ., 2002. P. 63–140. (In Russ.)

6. Демина Н.В. Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 5–47. EDN: PCNMAH

Demina N.V. The Concept of the Ethos of Science: Merton and Others in Search of the Social Geometry of Norms. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2005. No. 4. P. 5–47. (In Russ.)

7. Малинкин А.Н. О междисциплинарности в социологии в свете проблемности ее дисциплинарной идентичности // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 4. С. 105–122. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6821 EDN: NWXPID

Malinkin A.N. On Interdisciplinarity in Sociology in Light of the Problematic Status of its Disciplinary Identity. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2019. Vol. 25. No. 4. P. 105–122. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6821 (In Russ.)

8. Малинкин А.Н. Философско-социологическое понятие личности: эпистемологические и онтологические аспекты // Вестник культурологии. 2022. № 1 (100). С. 86–109. DOI: 10.31249/hoc/2022.01.05 EDN: WXQMZW

Malinkin A.N. Philosophical and Sociological Concept of Personality: Epistemological and Ontological Aspects. *Vestnik kul'turologii*. 2022. No. 1 (100). P. 86–109. (In Russ.)

9. Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям: монография / Р.Н. Абрамов, А.В. Быков, К.А. Гаврилов и др.; Отв. ред. И.Ф. Девятко и др. М.: Весь Мир, 2017. — 286 с. EDN: YVZJMT

Norms and Morality in Sociological Theory: From Classical Conceptions to New Ideas: Monograph. Ed. by R.N. Abramov, A.V. Bykov, K.A. Gavrillov et al., Ex. ed. I.F. Devyatko, et al. Moscow: Ves' Mir publ., 2017. 286 p. (In Russ.)

10. Ольховиков К.М. Социология морали: вопросы теории и выбора стратегии исследования. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2003. —139 с.

Ol'khovikov K.M. *Sociology of Morality: Questions of Theory and Choice of Research Strategy*. Ekaterinburg: Publ. House of Russian State Vocational Pedagogical University, 2003. 139 p. (In Russ.)

11. Осипов Г.В. Социология // Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Под ред. В.Н. Иванова. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 497–498.

Osipov G.V. Sociology. *The Sociological Encyclopedia: In 2 Vols*. Ed. by V.N. Ivanov. Moscow: Mysl' publ., 2003. Vol. 2. P. 497–498. (In Russ.)

12. Санжениаков А.А. На пути устранения теоретических затруднений социологии морали // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 252–262. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-252-262 EDN: PBVHHI
Sanzhenakov A.A. On the Way to Eliminating Theoretical Difficulties of Sociology of Morality. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*. 2020. Vol. 20. No. 2. P. 252–262. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-252-262 (In Russ.)
13. Соколов В.М. Социология морали: теория и практика // Социология власти. 2004. № 2. С. 5–27. EDN: HUAADJ
Sokolov V.M. Sociology of Morality: Theory and Practice. *Sotsiologiya vlasti*. 2004. No. 2. P. 5–27. (In Russ.)
14. Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Духовные основы общества: Сборник / Сост. и авт. вступ. ст. П.В. Алексеев. М.: Республика, 1992. С. 13–146.
Frank S.L. The Spiritual Foundations of Society. Introduction to Social Philosophy. *The Spiritual Foundations of Society: Collection*. Comp. and foreword by P.V. Alekseev. Moscow: Respublika publ., 1992. P. 13–146. (In Russ.)
15. Шелер М. О предательстве радости // О сущности философии: работы разных лет / Пер. с нем. А.Н. Малинкина. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. С. 299–303.
Scheler M. About the Betrayal of Joy. *About the Essence of Philosophy: Works from Different Years*. Transl. from Germ. by A.N. Malinkin. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ publ., 2020. P. 299–303. (In Russ.)
16. Шелер М. Идолы самопознания / Пер. с нем., прим., коммент., сопровод. ст. А.Н. Малинкина. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. — 294 с.
Scheler M. *Idols of Self-knowledge*. Transl. from Germ., notes, foreword by A.N. Malinkin. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ publ., 2024. 294 p. (In Russ.)
17. Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Neuer Versuch der Grundlegung eines ethischen Personalismus. *Max Scheler Gesammelte Werke. Bd. 2*. Bern; München: Francke Verlag, 1980. S. 511.

Дата поступления: 22.06.2024; поступила после рецензирования и доработки: 28.08.2024; принята к публикации: 01.10.2024.

Received: 22.06.2024; revised after review: 28.08.2024; accepted for publication: 01.10.2024.

К 90-ЛЕТИЮ Ж.Т. ТОЩЕНКО

В современной российской социологии Жан Терентьевич Тощенко занимает особое место — и как исследователь, и как организатор науки и социологического образования. Более двадцати лет он возглавлял журнал «Социологические исследования», стал создателем и руководителем социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета и т. д. Ж.Т. Тощенко — автор сотен научных публикаций, в том числе ряда монографий и учебников. Он подготовил к защите десятки кандидатов и докторов наук. Все сделанное им невозможно перечислить. Как исследователя Жана Терентьевича отличают не только научная результативность, но и научная смелость. Об этом свидетельствуют постановка и изучение им проблем новейшей социальной истории российского общества, определение и анализ феноменов постсоветского развития, которые не освещаются другими социологами. Для этого Ж.Т. Тощенко разрабатывает новые исследовательские подходы, новый, по необходимости во многом метафорический, язык научного описания современных российских реалий. Жаном Терентьевичем никогда не движут научная мода и тем более конъюнктура, но только искреннее стремление познать современное российское общество, научными средствами участвовать в решении его болевых проблем. Редакция и редколлегия «Социологического журнала» сердечно поздравляют Жана Терентьевича с грядущим юбилеем и желают ему крепкого здоровья и долгого плодотворного служения нашей науке и социологическому образованию!

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.8

EDN: YDFDKU

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ¹

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.
620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

Ж.Т. ТОЩЕНКО: ОБ ОБРАЗОВАНИИ И ВОКРУГ

Аннотация. На материалах проведенного в марте 2024 г. полуструктурированного интервью автора с юбиляром и личных воспоминаний о более

чем полувековом периоде научного и товарищеского общения с ним рассматриваются важные вопросы деятельности Ж.Т. Тощенко в области социологической науки, социологического образования, работы социологического журнала, отношений с коллегами, научной толерантности. Показана роль ученого в развитии отечественной социологии, в создании вокруг нее благоприятной творческой атмосферы.

Ключевые слова: социология образования; социологические журналы; трудности в работе журналов; научная толерантность юбиляра; помощь социологам регионов.

Для цитирования: *Зборовский Г.Е. Ж.Т. Тощенко: об образовании и вокруг // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 4. С. 178–183. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.8 EDN: YDFDKU*

В преддверии 3 января 2025 года, 90-летия ведущего российского социолога, члена-корреспондента РАН, доктора философских наук, профессора РГГУ Жана Терентьевича Тощенко, поздравляя юбиляра от имени уральских социологов, мы решили обратить особое внимание на образование и его проблемы. Сейчас это обстоятельство приобрело особое значение в связи с тем, что 14 ноября 2024 г. Общероссийское профессорское собрание избрало ученого Профессором года, подчеркнув его выдающуюся роль и значение в развитии отечественного высшего образования и такой его отрасли, как социологическое образование.

В основу нашей статьи легло интервью с Ж.Т. Тощенко, которое он дал нам 6 марта 2024 г. [1]. В центре внимания оказались проблемы образования и вопросы развития социологии, с ним связанные. Однако, прежде чем остановиться на них, автор считает своим долгом коснуться некоторых аспектов совместной деятельности респондента и интервьюера и отношений между ними. История этих отношений насчитывает более 50 лет — время большой и активной человеческой жизни: к этому времени каждый из нас уже сделал немало для утверждения и самоутверждения в ней [2, с. 241–245].

Мы познакомились с Жаном Терентьевичем в мае 1973 г., когда он приехал из Красноярска (где тогда жил и работал) в Свердловск защищать докторскую диссертацию, а я защищал свою работу в том же диссертационном совете на месяц раньше, в апреле. Поскольку из членов совета Ж.Т. почти никого не знал, равно как и не представлял его атмосферу (а совет тогда был объединенным и включал философов, историков, политэкономов и др.), я на правах товарища и свердловчанина рассказывал ему об особенностях совета и его работы. Диссертацию он защитил блестяще. В нашем мартовском интервью он говорил: «...к уральским коллегам отношусь с глубоким уважением потому, что я нередко вспоминаю о том, что я все же уральский доктор наук, а не московский никакой. Да, все правильно, свердловский. В свое время защищал докторскую диссертацию. В этом отношении

признателен уральцам, которые приютили и дали мне дорогу в науку. Это я всегда помню и всегда благодарен. Участвовал в различных мероприятиях в Свердловске, на Урале, по мере своих сил» [1, с. 101].

После того как Тощенко стал в 1990-х гг. главным редактором журнала «Социологические исследования», наше профессиональное общение оказалось связанным с работой журнала и моим участием в ней — на правах и автора, и члена редакционного совета (в который я был введен по его рекомендации), и члена редколлегии (назначение в которую в 2018 г. также произошло с его участием). За все это по сей день я очень благодарен ему. Ведь такая общественная работа позволила мне рекомендовать журналу целый ряд интересных социологов, особенно уральцев, и их статей. Ж.Т. всегда очень внимательно относился к таким рекомендациям.

Но далеко не все представляли, с какими трудностями ему приходилось сталкиваться в процессе подготовки и публикации многих статей (в том числе и из регионов). Приведу фрагмент из интервью Ж.Т. Тощенко: «Тут мы встречались и с затруднениями, и даже с обвинениями в том, что журнал склоняется в какую-то сторону. Мы представляли мнение всех, даже взаимоисключающих сторон, но лишь бы была определенная аргументация, а не просто декларативное заявление. Это были достаточно серьезные трудности в обсуждении, когда мы предоставляли возможность определиться, ориентировать нашу аудиторию на ситуацию, складывающуюся в этой области» [1, с. 102–103].

В связи с этим не могу не сказать еще об одном ценном, с моей точки зрения, качестве юбиляра — его научной толерантности к чужому мнению, с которым он мог быть и несогласным. Нет необходимости лишний раз говорить, насколько важным является такое качество для главного редактора журнала.

Большой интерес представляют взгляды Ж.Т. Тощенко на возникновение в стране (СССР/России) социологии образования. Он полагает, что две школы сыграли особо важную роль в ее появлении. Это Новосибирская школа (В.Н. Шубкин) и Уральская школа (М.Н. Руткевич, Ф.Р. Филиппов). В истории отечественной социологии именно эти два центра (к ним Ж.Т. добавляет еще прибалтийских авторов во главе с М.Х. Титмой) инициировали большой разговор и исследования по социологии образования. В своем интервью он отмечал: «Вместе с тем могу только еще раз подчеркнуть: практически каждый социолог, когда анализирует любые проблемы труда, политики, культуры, выходит на такой показатель, каким образом отражается мнение тех или иных людей об их зависимости от образования. Но главное все же — те характеристики, которые отвечают именно самому исследованию феномена образования» [1, с. 101].

Неслучайно, рассуждает Ж.Т., «когда я стал главным редактором, то учредил в журнале специальную и регулярную рубрику “Социология образования”. До этого ее не было. Она была стихийная. И мы с конца 1990-х годов стали вести эту рубрику. И она достаточно успешно

развивалась и продолжает развиваться у нас сейчас... Это же касается и социологического образования, многочисленные публикации о котором стали появляться в журнале... В свое время я даже опубликовал статью “Чему учить социолога и с чего начинать”» [3].

Говоря о проблемах образования и зная болезненное отношение юбиляра к некоторым из них, я не мог обойти молчанием его отношение к Болонскому процессу. Вот некоторые фрагменты ответа Ж.Т. по этому вопросу: «Мое личное отношение к Болонской системе состоит в том, что у нее есть некоторые позитивные стороны и полностью отвергать ее не нужно. Но когда вас спрашивают о процессе ее внедрения, я говорю, что при внедрении этой системы мы поступили так, как уже бывало в истории нашего общества и социологии. Я называю это процессом кукуризации (от слова “кукуруза”) всего образования. Как в свое время кукурузу внедряли: всюду, без исключения, от Северного полюса до наших пустынь, так и Болонскую систему тоже внедрились без исключения. Нужно было, наверное, обойтись апробацией, может быть, по ряду профессий, по ряду специальностей, а не так моментально всех без исключения (что позволило мне допустить такую шутку)»¹.

Находясь несколько десятилетий активной работы у руля управления не только ведущим социологическим журналом, но и в целом социологической деятельностью в стране, Ж.Т. в 1990–2010-е гг. пришлось столкнуться с такой проблемой, как отношение к новым социологическим журналам. На мой вопрос «Имела ли место конкуренция в этом вопросе?» он ответил так: «Моя позиция всегда была одинаковая, я всегда приветствовал коллег. Более того, мы давали даже информацию в разделе “Научная жизнь”. Доводили до сведения читателей, что появился такой-то журнал, например, “Высшее образование в России”, который наряду с другими статьями, педагогическими, экономическими, начал публиковать социологические статьи. Были попытки создать и региональные журналы по социологии образования. К сожалению, не все из них потом выжили. Так что на расширение проблематики и освещение социологического образования я всегда реагировал очень ответственно и приветственно» [1, с. 105].

Интервьюируя мэтра отечественной социологии по вопросам образования, мы не могли не спросить, как ему видятся перспективы развития образования и отражения образования на страницах наших социологических журналов, как он представляет себе это. Вот позиция юбиляра: «Мы можем только с точки зрения научной высказать свои соображения. Но решаем, в конечном счете, к сожалению, не мы. Я, например, с некоторых пор перестал посещать директивные органы государственные, потому что в лучшем случае выслушают нас, примут записки, ну а поступят так, как они считают необходимым. То есть я вижу наметившийся очень серьезный разрыв между теми, кто зани-

¹ Цитата взята из транскрипта интервью и ранее не публиковалась.

мается исследованием образования и предлагает, и теми, кто принимает решения. Они принимают решения, исходя из каких-то финансовых и организационных соображений. Вот министр Кравцов по одному делу недавно доложил президенту, что везде, во всех школах ликвидирована третья смена. Но тут же сразу поступила реакция, в ней привели данные, что не только в одной, а во многих школах многих областей, краев, республик продолжает существовать третья смена. Вот даже этот вопрос о реальной ликвидации третьей смены, не на словах, а на деле, является определенным показателем фальсификаций» [1, с. 102].

Переходя к анализу высшей школы, как уже бывший декан и заведующий кафедрой, Ж.Т. был вынужден отметить, что «произошло резкое усиление нагрузки на преподавателей и вдобавок усилилась бюрократизация. Раньше, когда Болонская система еще в полной мере не работала, я писал отчеты по факультету, которые в разделе “Учебный процесс” занимали 27 страниц, “Научный процесс” — 25 страниц, “Работа со студентами” — 15 страниц. А когда я уходил с деканства и была очередная аккредитация, от меня потребовали, чтобы я в отчете по учебным вопросам писал 250 страниц и столько же в отчете по научным вопросам. Что касается отчета по работе со студентами, то требовали 220 страниц. В целом это был том, который приближался к тысяче страниц, которые, кстати сказать, я в этом глубоко убежден, никто не читал»².

Заканчивая свое поздравление Жана Терентьевича с юбилеем, не могу не отметить его очень большую роль в развитии социологии и социологического образования в регионах страны, в том числе на Урале, где его всегда вспоминают и будут вспоминать с благодарностью. Так, нельзя забыть о введенной им практике выпусков специализированных номеров журнала о развитии социологии в регионах, о поддержке новых имен в них.

Сделано юбилеем много, но он не останавливается и продолжает двигаться вперед. И это прекрасно! Долголетия, здоровья и успехов тебе, дорогой наш коллега!

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор-исследователь, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. **Телефон:** +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** garoldzborovsky@gmail.com

Research Article

GAROLD E. ZBOROVSKY

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. bl. 19, Mira str., 620002, Ekaterinburg, Russian Federation.

² Цитата взята из транскрипта интервью и ранее не публиковалась.

J.T. TOSHCENKO: ABOUT EDUCATION AND AROUND

Abstract. Based on materials from a semi-structured interview conducted by the author in March of 2024 with the man of the hour, as well as personal memories of more than half a century of scientific and casual communication with him, important issues of J.T. Toshchenko's activities in the field of sociological science, sociological education, the functioning of a sociological journal, relations with colleagues, as well as scientific tolerance are examined. The role of this scientist in the development of Russian sociology and in creating a positive creative atmosphere around it is shown.

Keywords: sociology of education; sociological journals; difficulties in the work of journals; scientific tolerance of the man of the hour; assistance to sociologists of the regions.

For citation: Zborovsky, G.E. J.T. Toshchenko: about Education and Around. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 4. P. 178–183. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.8

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Garold E. Zborovsky — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. **Phone:** +7 (343) 375-48-22. **Email:** garoldzborovsky@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Зборовский Г.Е.* Проблемы образования на страницах журнала СоцИС // Социологические исследования. 2024. № 7. С. 98–111. DOI: 10.31857/S0132162524070108 EDN: GNZMRL
Zborovsky G.E. Problems of education on the pages of the SocIS magazine. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2024. No. 7. P. 98–111. DOI: 10.31857/S0132162524070108 (In Russ.)
2. *Зборовский Г.Е.* Роман с социологией длиной более полувека. Беседы Бориса Доктора с Гарольдом Зборовским. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. — 333 с.
Zborovsky G.E. *Romance with sociology for more than half a century. Conversations between Boris Doktorov and Harold Zborovsky*. Ekaterinburg: Humanitarian University publ., 2018. 333 p. (In Russ.)
3. *Тощенко Ж.Т.* Чему учить социолога и с чего начинать // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 54–61. EDN: IRMNOP
Toshchenko Zh. T. What to teach a sociologist and where to start. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008. No. 7. P. 54–61. (In Russ.)

Дата поступления: 16.11.2024; поступила после рецензирования и доработки: 03.12.2024; принята к публикации: 05.12.2024.

Received: 16.11.2024; revised after review: 03.12.2024; accepted for publication: 05.12.2024.

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА ГРИГОРЬЕВИЧА ИОНИНА

 DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4.9
EDN: DUTKDX

(02.07.1945 – 11.12.2024)

11 декабря 2024 года ушел из жизни выдающийся российский ученый — доктор философских наук, профессор Леонид Григорьевич Ионин. Он обладал широчайшей эрудицией и внес заметный вклад в социологию, политологию, культурологию, социальную философию. Преподавал, был организатором науки и образования. Его стилю научного мышления пытались учиться многие. Ионин искренне переживал за состояние нашего общества, не вполне осознающего собственную национальную историческую идентичность, его волновали проблемы культуры, снижение профессионального уровня ученых и грамотности студенчества. Многим наболевшим вопросам российского общества Леонид Григорьевич посвятил свои труды, он был не только аналитиком социально-политических процессов в стране, но и их деятельным участником.

В профессии определял себя так: «...сам себя я рекомендовал бы скорее как социолога... Политологом в профессиональном смысле я не являюсь, хотя политикой занимаюсь как наблюдатель, как комментатор, как консультант, иногда как теоретик и как практик в области политологического образования. Социологический интерес шире политологического и, как мне кажется, может вмещать в себя последний. Так что я предпочел бы называться социологом, но в широком, очень широком смысле слова. Социология для меня скорее не профессиональное определение, а обозначение способа видеть мир»¹.

¹ Интервью с профессором Леонидом Григорьевичем Иониным // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. № 2. С. 5.

Родился Леонид Григорьевич в Омске, окончил философский факультет МГУ. Свою академическую карьеру начал в Институте конкретных социальных исследований АН СССР, поступив в его аспирантуру в 1970 году, вскоре после создания Института. Половина профессиональной жизни Л.Г. Ионина связана с нашим Институтом. Трудился здесь до 1998 года (перерывом стала работа в 1988–1989 гг. на руководящих должностях в НИИ культуры Минкультуры СССР и АН СССР). Был он и автором «Социологического журнала».

С 1996 года Ионин посвятил свою профессиональную жизнь работе в Высшей школе экономики. Здесь раскрылись его организаторские и преподавательские таланты. Сначала он создал кафедру общей социологии, в 1998 году основал и возглавил общественно востребованный в то время факультет прикладной политологии. Близкий коллега Ионина по ВШЭ Л.В. Поляков так оценивает это событие: «Созданный им факультет сразу превратился в ведущий центр политологического образования не только в России, но и на постсоветском пространстве»². С 2005 года был организатором и деканом Школы российских исследований ВШЭ, где руководил магистерской программой «Международные отношения в евро-атлантическом и евро-азиатском сообществах». Школа положила начало систематической работе с иностранными студентами. Был профессором кафедры экономической методологии и истории факультета экономики, читал великолепные лекции студентам-социологам и экономистам. Одним из первых преподавателей ВШЭ стал ординарным профессором. Работа для Ионина была одной из главных жизненных ценностей: «...если говорю: “Это по работе”, — то такая фраза является высшей легитимацией любого поступка, всякого моего поведения, потому что это самое важное»³.

В недавнем интервью на вопрос, насколько его карьерная история типична для российского ученого, Леонид Григорьевич полуиронично заметил, что если говорить о ней как о типичной, то она не стоит рассказа, а если как о нетипичной, то это будет неправдой, но «в любом случае, даже если в ней есть некоторые отклонения от стандарта, она все равно состоит из “учился” в таком-то университете, “поступил в аспирантуру”, “защитил диссертацию” с таким-то названием, потом еще одну, с другим названием, и т. д.»⁴. Добавим вслед за Иониным, что за «объективкой»

² Ушел из жизни Леонид Ионин // Высшая школа экономики. Вышка для своих. — URL: <https://www.hse.ru/our/news/996718302.html> (дата обращения 12.12.2024).

³ Леонид Ионин: «Культурный код — вещь достаточно мутная» // БИЗНЕС Online. 7 мая 2016. № 68. — URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/508399> (дата обращения 15.12.2024).

⁴ Социологи Леонид Ионин и Никита Покровский о российской социологии // НИУ «Высшая школа экономики». — URL: <https://okna.hse.ru/news/835732872.html> (дата обращения 15.12.2024).

не видны другие — душевно-эмоциональные — стороны жизни. Леонид Григорьевич любил путешествовать, обогащаясь наблюдениями и впечатлениями — «видеть мир» глазами социолога, объездил множество стран и континентов, причем за рулем машины. Поворотом в его научной судьбе оказалась годичная стажировка в Германии в начале 1980-х, другие заграничные командировки, которые давали богатую пищу для научных размышлений и новых находок. Любил и знал поэзию, постоянно читал художественную литературу, следил за культурными событиями в мире. Восторгался общением со своими молодыми коллегами. Например, с большой теплотой Ионин отзывался о Летней школе, организованной в 2001 и 2002 годах на берегу Черного моря Харьковским национальным университетом им. В.Н. Каразина и Восточноукраинским фондом социальных исследований: «За неделю мы провели в аудитории 36 часов. Читали, обсуждали, фантазировали, сочиняли. Это для всех нас были дни, наполненные открытиями — и в мире, и в самих себе. Это для всех участников, и для меня тоже, было необыкновенное время... И это магическим образом состоялось, за что я благодарен организаторам». О первой из двух книг («Постмодерн: новая магическая эпоха-2. Трансформация гендера», 2003; «Постмодерн: новая магическая эпоха-3. Обратимость смерти», 2004), изданных по инициативе и под редакцией Ионина по итогам школы, он писал: «...в ней есть то, с чем так редко удается столкнуться, — мысль в развитии, ощущаемый духовный рост, след живой интеллектуальной жизни — не только результат, но и процесс. Мне эта книга очень дорога, как и все ее авторы»⁵.

Неразрывная линия жизненной и научной биографии Л.Г. Ионина во многом «отклонялась от стандарта», направляемая его личностью. А главное, эта биография нетипична своими итогами, своей наполненностью, индивидуальным следом, оставленным в истории науки. Как-то Леонид Григорьевич пояснил, в чем суть биографии мыслителя, ее «драматизм»: «У философов, к которым я себя также отношу... внешняя биография обычно скучная. Весь драматизм — в голове и в книгах. Исключений мало»⁶. Несомненно, это так.

Л.Г. Ионин стал автором десятков монографий, учебников, полулитературных произведений, значение которых здесь не описать. Их стиль — узнаваемый, ионинский, их темы глубоко осмыслены и прочувствованы, и часто кажется, что в тексте затрагиваются и проявляются экзистенция и драматургия собственной жизни автора, даже когда речь идет об отвлеченных социальных материях. Только в 2000-е годы вышли: в 3-м издании «Социология культуры: путь в новое тысячелетие» (2000), она же в 4-м издании, но в виде учебника для вузов (2004); «Философия и методология эмпирической социологии» (2004),

⁵ Интервью с профессором Леонидом Григорьевичем Иониным // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. № 2. С. 13–14.

⁶ Там же. С. 6.

«Парадоксальный сон. Статьи и эссе» (2005), «Социология в обществе знаний. От эпохи модерна к информационному обществу» (2007); «Обществознание. Человек в глобальном мире. 10-й класс», а также одноименная «книга для учителя» (2009, соавтор Л.В. Поляков); «Апдейт консерватизма» (2010), «Политкорректность: дивный новый мир» (2012), «Восстание меньшинств» (2012), «Парад меньшинств» (2014). Последняя книга — «Драма жизни Макса Вебера» (2022) — очень необычна и по замыслу, и по жанру. В ней жизнь и творчество Вебера рассматриваются в контексте его коммуникаций с близким окружением, на фоне любовных переживаний и мучившей его болезни. За эту книгу автор получил две премии — «За лучшие русскоязычные научные работы сотрудников ВШЭ» и имени Б.А. Грушина (ВЦИОМ), на нее было написано 12 рецензий. В январе 2025 года Леонид Григорьевич планировал сдать монографию «Новая социология культуры», в которой учитывал опыт культурного развития последних 20 лет...

Л.Г. Ионин известен своими переводами Э. Канетти, Г. Зиммеля, М. Вебера. Неслучайно в фокусе его исследовательского интереса оказался Вебер: сам Леонид Григорьевич обладал редким даром эмпатии и понимания людей и событий. Подготовку им четырехтомника веберовского «Хозяйства и общества» как целостного произведения, продолжавшуюся 20 лет и завершённую в 2019 году выходом последнего тома, поистине можно назвать научным подвигом. Ионин, возглавляя команду участников издания, был и составителем разрозненных веберовских текстов, определив их в четыре тома, и переводчиком с немецкого, и редактором научного перевода, и автором глоссариев (в частности «Словаря понятий Макса Вебера»), комментариев, занявших примерно 30 авторских листов. Такая работа оказалась под силу только Ионину и имеет эпохальное значение для нашей социологии, что подчеркнул А.Ф. Филиппов: «Русский перевод “Хозяйства и общества” Вебера, потребовавший многих лет подготовки, огромных усилий (собственно переводческих и редакторских), трудолюбия и терпения, стал возможным только потому, что за эту работу взялся Ионин. Думаю, что другого у нас никогда не будет — он навсегда останется памятником ученому и переводческой культуре нашей эпохи»⁷. За эту работу Ионин был удостоен книжной премии ВШЭ «Золотая Вышка».

Будем помнить Леонида Григорьевича Ионина — светлого человека и «социолога, но в широком, очень широком смысле слова» — таким, каким его видели и знали коллеги, друзья:

«...он был для меня примером интеллигента в самом высоком значении этого слова: абсолютная научная честность и сопричастность заботам страны, независимость суждений, не подверженных влиянию ни моды,

⁷ Ушел из жизни Леонид Ионин // Высшая школа экономики. Вышка для своих. — URL: <https://www.hse.ru/our/news/996718302.html> (дата обращения 12.12.2024).

ни авторитетов, умение слушать собеседника и удивительное личное обаяние» (О. Ананьин, ординарный и заслуженный профессор ВШЭ);

«Помимо научных, академических, писательских заслуг, в нашей памяти останутся и чисто человеческие качества Леонида Григорьевича: природная мягкость и доброта в сочетании с жесткой принципиальностью, искреннее чувство товарищества в отношениях с коллегами, заботливая, почти отцовская строгость по отношению к студентам» (Л. Поляков, профессор-исследователь ВШЭ);

«...Леонид Григорьевич был моим научным руководителем, когда я был аспирантом в Институте социологии АН СССР... У Ионина был дар социологического наблюдения и создания дистанции, позволявший видеть за повседневными мелочами структуры социума. Он был социологом зиммелевского стиля, метко считывающим форму и способным противостоять интуитивным суждениям... Мы много спорили, но Леонид Григорьевич никогда не навязывал свою точку зрения. Его критическим инструментом была ирония, помноженная на наблюдательность. В этих спорах и, конечно, в чтении текстов я и учился у него. Чему? Я бы назвал это стилем мышления» (В. Волков, ректор ЕУСПб.);

«Ионин Леонид Григорьевич — мой любимый автор, опора и советчик с самого начала существования Издательского дома» (Е. Иванова, директор ИД ВШЭ);

«Я переживаю уход ученого, который не только много сделал для развития отечественной социологии, но который, безусловно, мог еще многое сделать. Я ощущаю потерю человека, общение с которым было всегда приятным и продуктивным. Вечная память» (Б. Докторов, независимый исследователь, США)⁸;

«В науке Ионин был не формалистом, а аналитиком. Годами мог вникать в мотивацию построения социальных моделей известными социологами, обладавшими целостным взглядом на причины и характер развития цивилизации... Даже в биографическом аспекте изучил мотивацию построения Вебером своей теории — представлялось, что Л. Ионин наконец нашел ту гносеологическую нишу, в рамках которой сможет дать ответ на истоки социальных противоречий в развитии цивилизации, тот ответ, поиску которого он посвятил всю свою многолетнюю научную деятельность. Но, как чаще всего бывает, жизненный путь талантливого ученого прерывается в момент полного расцвета его творческих сил» (Ф. Шереги, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга)⁹.

Скорбим и приносим самые глубокие соболезнования родным, коллегам, ученикам и друзьям Леонида Григорьевича. Светлая память.

⁸ О переписке Б.З. Докторова и Л.Г. Ионина в 2023–2024 гг. см.: Докторов Б.З. Безответное письмо и более. Памяти Леонида Ионина. — URL: <https://proza.ru/2024/12/14/376> (дата обращения 13.12.2024).

⁹ Все высказывания взяты из открытых источников, посвященных памяти Л.Г. Ионина.

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2024 ГОДУ

Том 30. № 1. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1

Том 30. № 2. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2 EDN: XNSFNE

Том 30. № 3. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3 EDN: ZLQABF

Том 30. № 4. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.4 EDN: ZQRCWQ

	Том 30, номер	Стр.
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ		
<i>Е.А. Попов</i> Поиск оснований социологии страданий: между экзистенциальным и социальным опытом	№ 1	8–25
<i>А.В. Быков</i> Когнитивная и аналитическая перспективы в новой социологии морали: основания различия и ключевые особенности	№ 1	26–42
<i>Д.С. Попов, Д.А. Шестакова</i> Человеческий капитал в изменчивом кризисном обществе: стратегия социологического анализа	№ 1	43–63
<i>О.А. Игумнов</i> Концептуальная схема и эмпирическая проверка операционализации социального капитала организаций	№ 1	64–89
<i>З.В. Котельникова</i> Эволюция подходов к концептуализации потребления в западной социологии	№ 2	8–32
<i>Е.Г. Ним</i> Неуловимый фэндом: проблемное поле зарубежных фан-исследований	№ 2	33–52
<i>Р.Г. Браславский</i> Три волны цивилизационного анализа в социологии	№ 3	8–30
<i>В.Б. Звоновский, А.В. Ходыкин, А.В. Раскевич</i> Причины досрочного прекращения интервью по инициативе респондента в массовых всероссийских опросах на тему российско-украинского конфликта	№ 3	31–60
<i>С.В. Старцев</i> Анализ установок исследователя в процессе изучения сенситивных тем: опыт интервьюирования участников военных конфликтов	№ 3	61–75
<i>Попов Е.А.</i> «Глобальный проект искусства» как отражение взаимодействия социологии искусства и эмпирической эстетики	№ 4	8–32
МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ		
<i>И.В. Дудин</i> Отношение населения страны к основным социальным противоречиям российского общества: состояние, динамика, факторы	№ 1	90–112

А.И. Нефедова, Е.Л. Дьяченко
Эффекты участия в международной мобильности
для российских ученых № 1 113–142

А.А. Миронова
Родственная помощь как фактор
субъективного благополучия пожилых людей № 2 53–81

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

А.А. Терников, Д.А. Шевелева
Спрос и предложение на рынке труда:
поиск источников конфликта № 2 82–101

Д.М. Розгин, О.В. Солодовникова
Удовлетворенность трудом преподавателей организаций
высшего образования: от ретроспективного анализа
подходов к современным концептуализациям № 3 98–123

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

В.М. Пешкова
Смешанные браки: факторы, характеристики и влияние
на семью и общество (обзор зарубежных исследований) № 3 124–144

З.Е. Дорофеева, П.М. Козырева
Межпоколенческая трансляция
практик вовлеченности родителей в развитие детей № 4 33–53

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Д.В. Моисеева
Волонтеры финансового просвещения:
индивидуальный выбор
в новых институциональных условиях № 4 104–125

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

М.А. Козлова, О.А. Симонова, О.Н. Мадфес
Социальные партнерства современной российской
школы как инструменты формирования насыщенной
образовательной среды и преодоления неравенства № 1 143–170

А.В. Филькина, Д.С. Клевцов
Оценка эффективности мероприятий по вовлечению
школьников в науку (STEM) в контексте концепции
вовлеченности и мотивационных теорий: обзор
исследовательских стратегий № 3 76–97

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

Н.А. Колодий, В.С. Иванова
Сборка города в современных дискурсивных практиках № 2 102–123

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

П.Д. Гусева
Демонстрации как форма неинституционализованного
политического участия: связь с доверием к институтам
и рисками политического режима (по данным
европейского социального исследования, 2020–2022 гг.) № 4 54–78

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

А.В. Сапонова
Оценка валидности самоотчетов об использовании
смартфона: сравнение субъективных и объективных
данных № 4 79–103

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

А.Н. Малинкин
Социология и метафизика техники Н.А. Бердяева.
К 150-летию русского мыслителя № 2 124–138

А.Н. Малинкин
Как возможна социология морали.
Мысленный диалог с Г.С. Батыгиным № 4 157–177

ЭССЕ

А.Ю. Согомонов
«Игры» Просвещения: о вкладе исторических штудий
в социологическую теорию раннего Модерна в России № 2 139–162

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

К 90-летию Я.И. Гилинского

Я.И. Гилинский
На пороге 90-летия. Невосторженные воспоминания.
Яков Гилинский отвечает на вопросы Бориса Докторава /
Интервью подготовил Б.З. Докторов № 2 163–182

К 90-летию со дня рождения А.Н. Алексеева (1934–2017)

Л.А. Козлова
Личностное знание А.Н. Алексеева
о социологии и обществе в авторефлексии автора № 3 145–164

К 80-летию Ф.Э. Шереги

Ф.Э. Шереги
Единство прикладной социологии
и социальной философии /
Интервью подготовил Б.З. Докторов № 4 126–156

К 90-летию Ж.Т. Тощенко

Г.Е. Зборовский
Ж.Т. Тощенко: Об образовании и вокруг № 4 178–183

ПАМЯТИ М.Е. ИЛЛЕ (1952–2023) № 1 191–191

ПАМЯТИ Л.Г. ИОНИНА № 4 184–188

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

Б.Д. Литвинцев
Жилищной социологии быть. Обсуждение книги под
редакцией В.Ж. Мскабе, Е. Розен “The Sociology of
Housing: How Homes Shape our Social Lives” № 2 183–191

Н.А. Головин
Перепрочтение социологии Питирима Сорокина:
к выходу в свет тринадцати томов
из собрания его сочинений № 3 165–181

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Е.Е. Тарандо, Р.В. Карапетян, Т.Б. Малинина
Секция факультета социологии СПбГУ в рамках
VIII Санкт-Петербургского международного форума
труда (20–22 февраля 2024 г.). К 300-летию основания
Санкт-Петербургского государственного университета № 3 182–191

**УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2024 ГОДУ** № 4 189–191

СОДЕРЖАНИЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Во всех
номерах 6–7

Социологический журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 - 72185 от 24.01.2018

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: П.М. Козырева

Научные редакторы: Л.А. Козлова, А.В. Савченко, Н.В. Андрианова

Оригинал-макет: И.М. Ситдиков

Журнал «Социологический журнал» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, индексируется
в международных базах данных Scopus, WoS RSCI, ERIN PLUS, ProQuest

Права на материалы, опубликованные «Социологическим журналом»,
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть
воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции.
Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.journal-socjournal.ru>
- на сайте издателя: <https://www.fnisc.ru/Sociologicalmagazine.html>
- на сайте РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=8228

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес издателя и редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт издателя: <https://www.fnisc.ru>. Телефон издателя: 8 499 125-00-79

Электронная почта редакции: LarissaKozlova@yandex.ru

Телефон редакции: 8 499 120-82-57

2024. Том 30. № 4. Подписано к печати 27.12.2024.

Формат бумаги 70x100 1/16. Печать офсетная.

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86306.

Усл. печ. л. 12. Тираж 150 экз. Цена: Бесплатно. Заказ:

ООО «Галлея-Принт»

Адрес: 111024, Москва, 5-я Кабельная, 2Б